

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І. Леніна

СЕРЫЯ 4

Філалогія
Журналістыка
Педагогіка
Псіхалогія

1'91

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Соколова Е. В. Повесть А. Н. Эртеля «Волхонская барышня» (особенности замысла и жанра)	3
Гончарова-Грабовская С. Я. Традиции и новаторство сатирической комедии на современном этапе	6
Кузьмина С. Ф. Творческий опыт Мандельштама и философия Вл. Соловьева	9
Леушева О. А. От утопии к реальности	14
Сцяпунін І. Р. Пушкін і народ	17

МОВАЗНАЎСТВА

Кострыца С. Я. Ацэначна-тлумачальныя складаназалежныя сказы ў беларускай мове	19
Квачек В. Е. Своеобразие слоговой структуры в белорусском и русском языках	21
Яцкевич Л. Г. Система модификационных значений препозитивных морфем русских имен существительных	25
Михальчук Т. Г. Диалогические формы повтора чужого высказывания со значением согласия-несогласия и их функционирование в художественных произведениях 20-х годов	29
Нгуен Ван Тхань (СРВ). Семантический анализ простых предложений с номинативами качества	33
Софронова И. Н. Идиостиль как проблема лингвострановедения	36
Антропов Н. П., Суховицкая И. М. Этимолого-этнолингвистический комментарий к некоторым терминам сербской свадебной обрядности	39
Гируцкая Л. А. Аналогия как фактор фразеоморфозования	43
Иваницкий В. В. Об аспектуальной характеристике действия на уровне предикатов	46
Соболева Л. И. Синкретизм означающего и означаемого в глаголах речи	49
Гапова Е. И. О языковом представлении эпистемических состояний	54

ЖУРНАЛІСТЫКА

Падаляк Т. У. Духоўнае станаўленне асобы: канструктыўны і дэструктыўны ўплыў маладзёжнага друку	57
Вараб'ёў В. П. Вытокі і сучасны стан студэнцкага друку Беларусі	60

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

Ухванова-Шмыгова И. Ф. О выработке навыков вертикального чтения текста у студентов	62
Белецкая Л. В., Машковская И. П., Литвинко Ф. М. Формирование у студентов-филологов умений использовать компьютеры в практической деятельности	66
Ровдо И. С. О национально-культурной семантике чешского языка	69
Будай В. Г. Соотнесенность парадигмы прошедшего времени глагола с моделями алгоритма словоизменения в настоящем (простом будущем) времени	71

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Павел Іванавіч Ткачоў	77
-----------------------	----

РЭЦЭНЗІІ

Прыгодзіч М. Р. Булыка А. М., Жураўскі А. І., Свяжынскі У. М. Мова выданняў Францыска Скарыны	78
Кароткі У. Г. Францыск Скарына. Творы	79
Мясников А. Ф., Барановский П. Н. В созвучии со временем. Пресса: опыт, проблемы, заботы дня	80

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І.Леніна

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з красавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 4

**Філалогія
Журналістыка
Педагогіка
Псіхалогія**

1'91

КРАСАВІК

МІНСК
УНІВЕРСІТЭЦКАЕ

Галоўны рэдактар В. Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П. М. БАРАНОЎСКИ

Рэдакцыйная калегія серыі:

А. Я. СУПРУН (*адказны рэдактар*),
Р. В. БУЛАЦКІ, Р. І. ВАДЭЙКА, І. К. ГЕРМАНОВІЧ (*адказны сакратар*),
В. В. КАНДРАЦЬЕВА, Ф. І. КУЛЯШОЎ,
А. А. ЛОЙКА, М. У. ПІСКУНОЎ, І. С. СКАРАПАНАВА,
А. Г. СЛУКА, Б. В. СТРАЛЬЦОЎ (*нам. адказнага рэдактара*),
П. У. СЦЯЦКО, П. І. ТКАЧОЎ, І. В. ШАБЛОЎСКАЯ,
Л. М. ШАКУН (*нам. адказнага рэдактара*), П. П. ШУБА

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА

Серия 4, № 1, 1991

Издательство «Университетское». 220048, Минск, проспект Машерова,
11. Дом книги. Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок,
тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар *А. А. Сычоў*
Малодшы рэдактар *Г. М. Добыш*
Мастацкі рэдактар *Дэ. Я. Дзівін*
Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадзена ў набор 21.02.91. Падпісана да друку 08. 04. 91. Фармат
70×108¹/₁₆. Папера друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7,0. Ум.
фарб.-адб. 7,52. Ул.-выд. арк. 8,03. Тыраж 750 экз. Заказ 98. Цана 1 р.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва «Універсітэцкае». 220048, Мінск, праспект Машэрава, 11.
Дом кнігі.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі. 220041, Мінск, Ленінскі праспект, 79.

Е. В. СОКОЛОВА

ПОВЕСТЬ А. И. ЭРТЕЛЯ «ВОЛХОНСКАЯ БАРЫШНЯ» (особенности замысла и жанра)

Летом 1882 г., вскоре после завершения работы над последним рассказом «Записок Степняка», Эртель приступил к созданию большой повести «Волхонская барышня» — произведения о характере и путях преобразования жизни крестьян.

Идейно-художественная функция главной героини повести очевидна. Варвара Алексеевна Волхонская выполняет роль своеобразного критерия, дающего возможность писателю сравнивать, сопоставлять, «взвешивать» мысли и чувства других действующих лиц произведения, определять степень их жизнеспособности и стойкости в защите интересов народа.

Варя — дочь либерального помещика Волхонского и «простушки»-женщины, которую отец «жестоко мучил... своей аристократической требовательностью»¹. Ничего больше о матери Вари не сказано в повести. Но, судя по характеру девушки, по острой отзывчивости ее на страдания людей, материнское начало в ней явно противопоставляется отцовскому.

Действие повести происходит в усадьбе Волхонского, который пережил те неудачи, что и многие другие помещики: «беспутно пропил выкупные свидетельства», разочаровался в предпринятых было попытках обновить хозяйство с помощью иностранных рабочих, попал в долги общества взаимного поземельного кредита и, признав, наконец, свою беспомощность, передал все хозяйственные дела «оборотистому» Захару Ивановичу. Пользуется он всеми благами, добываемыми трудом русского мужика, но ни в образе жизни, ни в сознании его нет ничего русского, национального. Более того, он презирает все отечественное.

Волхонский часто говорит о тяжелой жизни народа, но путей ее улучшения не видит и не хочет видеть. «А что делать? — спрашивает он. — Приходится сидеть в стороне и смотреть, как безнаказанно гибнет народ с несомненной исторической ролью и как его нищенский скерб расхищается на пользу различных звездноносцев...» (28). Если же он и думал когда-либо о рецептах спасения, то отнюдь не для народа. Критикуя «существующие безобразия» с модных либеральных позиций, он «вздыхал о палате лордов». Вольнодумцем и фрондером его считали только ветхозаветные, выжившие из ума бары, вроде той старушки-родственницы, которая «отстаивала аракеевские порядки».

По-иному относился к жизни Захар Иванович. «Он был, — замечает писатель, — чистокровный агроном и без засоса не вспоминал о своем путешествии в Бельгию... выше всего ставил практику и обыкновенное житейское дело» (С. 16). Захар Иванович хотя и не союзник помещика Волхонского, но, подобно своему патрону, ориентировался на Запад. Он служил у Волхонского потому, что ему надо было где-то служить, и потому, что Волхонский из-за полной апатии к хозяйственной деятельности во всем ему доверял. К тому же лучшего места, чем усадьба Волхонского, для приложения своих сил и знаний он не видел.

Как и Соломин из «Нови» Тургенева, Захар Иванович серьезно хотел перепахать жизнь «глубоко забирающим плугом». В отличие от Туттолмина, ру-

ководствовавшегося теорией народников, Захар Иванович опирался не столько на какую-либо теорию, сколько на веру в экономический прогресс. Поэтому-то народники и называли людей его типа марксистами и в то же время — буржуа.

Общественные позиции Тутолмина и Захара Ивановича были как будто несовместимыми. Но в них было и нечто общее: они часто спорили, враждовали, но и любили друг друга. Тургеневский Соломин тоже не соглашался с народниками, но постоянно общался с ними и любил их.

Отношение Захара Ивановича к народу было деловым, сдержанным и терпеливым. Он ценил ум, сообразительность крестьян, но часто недоумевал, почему они сами небрежно относятся к жизни и в то же время крепко держатся за свое нищенское патриархальное хозяйство.

Варя никак не могла понять, почему Захара Ивановича возмущало то, что радовало Илью Тутолмина. И когда она спросила, почему Тутолмин радуется невежеству крестьян, Захар Иванович взволнованно ответил: «Бог с вами, Варвара Алексеевна, Илья бы на смерть пошел за них и за их счастье!.. У него, видите ли, принцип есть: все для народа, и все посредством народа... Одним словом, он почвенник (С. 42).

Нарочито сблизив Захара Ивановича с тургеневским Соломиным, Эртель отвергает избранный ими путь, как типично буржуазный. Полемика с Тургеневым отразилась и на близости идейно-эстетических функций Вари Волхонской в повести Эртеля и Марианны в романе Тургенева. Тургенев любимую героиню выдал замуж за Соломина и таким образом выразил свое согласие с его программой. Эртель же так и не представил Варю (как невесту) Лукавину, хотя подготовка к их браку велась очень энергично. Вместо этого Эртель в конце повести представил Лукавина той самой именитой старухе, которая считала Аракчеева «образцом порядка».

Лукавин занялся к Волхонским вместе с племянником хозяина Мишелем Облепищевым, отношения которых между собой так же противоречивы, как и отношения Захара Ивановича с Тутолминым. Но социальный смысл этих противоречий совершенно другой. В общении «приятелей» Варя замечала «какую-то двойственность: наряду с обращением дружеским и шутливым вдруг аляповато и резко выступала раздражительная насмешливость». Варя заметила также, что при встрече с Лукавиным менялось поведение ее отца. «В тоне его явно звучали какие-то чересчур благосклонные нотки, когда он говорил с Лукавиным». И это ей не нравилось.

Сущность противоречий во взаимоотношениях Лукавина и Облепищева определяется ни чем иным, как вынужденным, и потому, естественно, временным сожительством уходящего из жизни дворянства и укрепляющей свои позиции буржуазии как раз в такое время, когда мыслящие представители этих классов стали осознавать свое место в жизни.

Варя видела, что Лукавин абсолютно равнодушен к судьбам страдающих крестьян и никак не могла понять смысла его неудержимой страсти к богатству.

Облепищев приехал к Волхонским по поручению матери. Он должен был заключить брачный союз Лукавиных и Волхонских. Союз этот не состоялся. Холодный и чопорный Лукавин не пожелал делить свое господствующее положение с Волхонскими, да и Варя относилась к Лукавину враждебно. В случае удачного сватовства Облепищев должен был дать матери телеграмму со словами «курсы повысились». В конце повести такую телеграмму он дал, но с ироничной, злой припиской — «Курсы повысились: сегодня в ночь умерла кузина. Поздравляю. Граф Облепищев». Значит, Облепищев считал интересы восходящей буржуазии несовместимыми не только с интересами народа, но и с интересами разоряющихся дворян.

Идейно-эстетическая функция Облепищева в повести гораздо шире, чем она представляется литературоведу А. П. Спасибенко, который увидел в Мишеле человека, прикрывающего разговорами о поклонении прекрасному свои корыстные интересы. Нет, у Эртеля речь идет о философском и социально-психологическом обосновании ухода из жизни сословия, представляемого Облепищевым, а вместе с тем и о судьбе Вари, о ее позиции, какую она, будучи дворянкой, заняла по отношению к народу. Позиция ее напоминала Облепищеву «эксцентричную» позицию девушки-революционерки Женни, с которой он встречался в Женеве. Он предвидит печальную участь кузины, но для спасения ее ничего не может сделать.

Облепищев все еще продолжал жить, но не в качестве полнокровного члена общества, а в качестве человека, «причисленного» к жизни, человека, который должен теперь что-то делать, где-то служить, между тем как служ-

ба для него, потомственного дворянина, была чем-то вроде тесных сапог, которые так жмут ноги, что в них невозможно ходить.

Варя же стремилась работать. В поисках путей к народному счастью опорой ей был народник Тутолмин. Он был «почвенником», но не из тех, кто в 60-х годах обвинял революционных демократов в отрыве от почвы, т. е. от народа, который считался религиозным, покорным и смиренным по своей натуре и природе, а из тех, которые понимали народ как первооснову жизни, как создателя всех материальных благ, как массу, объединенную в трудовом коллективе — общине, мире, и всячески стремились к сохранению этих устоев. Тутолмин олицетворяет тех народников, которые признавали развитие в стране капитализма, видели конкретные формы его проявления в деревне, но, одержимые любовью к народу, стремились сохранить крестьянскую общину как основу справедливого уклада жизни.

Народничество привлекало Эртеля не научной системой. Эртель не видел в жизни такой общины, на какую пытались опереться народники. Они нравились ему исключительно настроением, тем, что искренне любили народ и своей деятельностью (пусть даже ошибочной) привлекали внимание мыслящих людей к его судьбам.

Тутолмин приезжал в Волхонку, чтобы собрать материалы для книги «О проявлении артельного духа в пореформенной деревне в связи со стойкостью русских общинных идеалов вообще». Но этот замысел представлялся писателю сомнительным. «Артельный дух» и «общинные идеалы» Эртель убедительно развенчал еще в «Записках Степняка».

Во внешнем облике и в характере Тутолмина есть нечто общее с тургеневским Базаровым. Подобно Базарову, Тутолмин прямолинеен, грубоват, настойчив и не склонен ни к каким компромиссам. Он не любит все дворянское и с гордостью подчеркивает демократизм своего происхождения.

В споре с Волхонским и Захаром Ивановичем Тутолмин яростно отстаивает самобытность и высокие достоинства народной поэзии. На упрек Захара Ивановича в том, что он, как и его единомышленники, науки отрицает, Тутолмин, «сверкая глазами», резко ответил: «Нет-с, не отрицаем... мы только барчат отрицаем!.. А поскольку наука народу служит — поклон ей земной. Вот-с» (С. 91).

Присматриваясь к Тутолмину, Варя несколько раз меняла свое отношение к нему. Ей очень хотелось проникнуть в мир идей этого странного человека. Сущность идеалов, о которых говорил Тутолмин, Варя не понимала, но когда он говорил о несоответствии действительности идеалам, «народ вставал перед нею наподобие Прометея, прикованного к скале». А невзгоды Прометея представляли перед ней в виде самой действительности, которую Эртель изображает так: «Всеобщее разорение, бесшабашная оргия кулаков, заполнивших деревни, и свирепство патентованных пиявок; тлетворное дуновение себялюбивых начал, входящих в села под флагом римского права; тяжкое изнеможение общины под напором неугомонных государственных воздействий; соблазны фабричного быта, разъедающие основы деревенского мировоззрения; голод, болезни, нищета; нивы, истощенные хлебом, пожраным Европой; розги станových и плети урядников наряду с ужасным молотком судебного пристава...» (С. 9).

Писатель утверждает, что принципы народничества неумолимо разлагаются и то, что совсем недавно еще казалось прогрессивным, сегодня становится «ужасно консервативным».

В беседах Тутолмина с Варей не столько важны его слова, сколько то, как воспринимала их Варя. «Учение» Тутолмина казалось ей противоречивым, но лучшим, чем либерализм отца и буржуазность Захара Ивановича и Лукавина. Она готова была полюбить Тутолмина, но это была бы не любовь, а, как определил писатель, «предвозвещение ярой любви».

Порвав с Тутолминым, Варя чувствовала себя одинокой и много думала о гордой девушке Женни, о которой рассказывал ей Облепищев, о ее героическом подвиге и трагической гибели. Она и умерла с именем Женни на устах. Ах, какая она огромная, эта Женни!.. — говорила она в бреду, гневно потрясая рукой.

Уместно отметить, что Эртель, не признававший революционных методов борьбы, высоко ценил заслуги перед народом не только революционных демократов 60—70-х годов, но и их предшественников. В его письмах к Огарковой встречаются такие слова о декабристах: «Лучшие люди русского общества», «цвет интеллигенции», «молодые, образованные, честные». Изображая народников 80-х, утративших прогрессивную роль в обществе, он высоко ценил героиню прошлого, в том числе и героизм революционных на-

родников 70-х. Судя по развитию действия произведения, судьба Вари предвещает очередную вспышку самоотверженной схватки героев с самодержавием.

Повесть «Волхонская барышня» типична для произведений этого жанра, каким он сложился к середине XIX века. Содержание ее оформлено в четком, логически завершенном сюжете. Действие разворачивается эпически спокойно и только в самом финале приобретает драматическую напряженность, когда терпят крушение надежды главных героев — Тутолмина и Вари.

¹ Эртель А. И. Волхонская барышня. Смена. Карьера Струпова. М., 1959. С. 22. (Страницы других цитат из романа указаны в тексте статьи).

С. Я. ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО САТИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В современном драматургическом процессе комедия занимает особое место, поскольку это один из наиболее гибких жанров, способных «чутко и близко улавливать и передавать дух эпохи»¹, оперативно реагировать на требования времени. Следуя традициям русской и мировой драматургии, сатирическая комедиография 80-х годов развивается в основном по двум направлениям: комедии традиционного типа, т. е. комедии в формах самой жизни, и комедии нарочито условной по структуре. Разнообразны и формы воплощения комедийного замысла. Среди них сатирическая комедия, трагикомедия, комедия-памфлет, фарс и другие. Закономерно, что в период перестройки нашего общества в условиях критики прежде всего возрастает роль сатирической комедиографии.

В сатирической комедиографии на современном этапе наблюдается закономерная преемственность основных тенденций развития сатирических жанров предшествующего десятилетия. С одной стороны, в сатиру пришли новые авторы (А. Козловский, В. Котенко, А. Феоктистов, М. Чотгаев), а с другой — продолжают плодотворно писать С. Михалков, Л. Зорин, Н. Матюковский, К. Сая, А. Какхар и другие. Характерно, что со сцен театров по-прежнему не сходят сатирические комедии А. Вампилова («Провинциальные анекдоты») и В. Шукшина («Энергичные люди»), оказавшие заметное влияние на обновление сатирической пьесы 70-х годов. Проникая во все пласты нашей многообразной действительности, драматургия, и в частности сатирическая комедиография, находится в непрерывном проблемно-тематическом и жанровом обновлении. Продолжая традиции предшествующего десятилетия, в котором «комедия значительно расширила свои границы, усложнила структуру, прежде всего за счет освоения новых оттенков комического»², сатирическая комедиография «раскрепостила» жанровый диапазон. Наряду с традиционными формами (сатирической комедией, фарсом, памфлетом) все чаще стали появляться пьесы-гротески (А. Козловский «Эффект Редькина» (1986), А. Пидсуха «Шутки-шутками» (1987), Л. Лилеев «Почему рассердился Посейдон» (1983)), а также комедии-притчи (М. Юхма «Как попасть в рай» (1985), «Рыба в реке — не в руке» (1986)), шоу-буфф Г. Боровика «Агент 00» (1983), траги-фарсы (Ю. Эдлис «Тройка» (1989), Л. Корсунский «Двойник» (1989)) и другие. Жанровые подзаголовки типа «пьеса-гротеск» свидетельствуют о том, что природа сатирических пьес подвергается влиянию других жанров. В ткань сатирической комедии стали активно проникать собственно драматические и трагифарсовые элементы. Это явление отмечают В. Фролов, Т. Свербилова, М. Громова, выделяя в процессе ее развития такую особенность, как движение от комедии традиционного типа к комедии «смешанного» типа, а через нее — к трагикомедии³. В активном процессе взаимодействия жанров «чистые» дефиниции практически невозможны, встречаются редко. Тем не менее в этом диалектическом движении верным остается и тот факт, что, несмотря на «размывание жанровых границ, жанры не теряют своего определенного лица, они лишь видоизменяются, обновляются и, приобретая новые качества, расширяют свои возможности в отражении действительности»⁴. Подтверждением сказанному может служить традиционный жанр комедиографии — сатирическая комедия. В начале 80-х годов И. Левшин утверждал, что «сегодня нет «чистой

сатиры», практически нельзя встретить сатирической комедии, написанной по классическим законам»⁵. Подобного мнения придерживается и В. Фролов, считая, что «теперь нельзя судить о сатирической комедии как об однозначном и однотипном жанре. Ее функции значительно изменились, она стала походить на «роман жизни», это ныне — многоплановое произведение, в котором картины жизни и сатирические типы рисуются в различных сплавах, в смещении обличительного с фантазией, с печальными мотивами, с драмой и символикой, с элементами трагизма»⁶. Высказанная тревога была не бесосновательной, ибо сатира перестала быть резкой, стала менее заметной. Это дало повод говорить о ее исчезновении, хотя она не исчезла, а приостановилась в своем развитии. Жанр сатирической пьесы подвергся значительному «размыванию», сатира стала менее прямолинейной, более философской, т. е. утратила свойственную ее природе агрессивность. Наблюдается и другая закономерность: многие пьесы вовсе не комедийного плана стали нести в себе заряд сатирического пафоса (А. Мишарин «В связи с переходом на новую работу», В. Арро «Смотрите, кто пришел», Л. Разумовская «Дорогая Елена Сергеевна», В. Розов «Кабанчик»), что обусловлено остротой их социальной направленности. В дискуссии 70-х годов «Как живешь, комедия?», развернувшейся на страницах «Литературной газеты», отмечалось, что комедия стала «грустнеть». Эти специфические качества «грусти» получили развитие в комедии 80-х, в частности в пьесах «мрачного комедиографа» Л. Петрушевской («Три девушки в голубом», «Московский хор»), а также других представителей «новой волны». Таким образом, свои обязанности острой критики сатира частично возложила на другие жанры, отошла в сторону для «накопления сил», чтобы во второй половине 80-х годов сказать о себе более определенно. Произошел новый толчок в развитии сатирической комедиографии, обусловленный общественно-политической обстановкой в жизни нашего общества. Именно сейчас складываются благоприятные условия для сатирических жанров, но, к сожалению, сатира пока еще не стала тем оружием критики, которым могла быть. За 1986—1989 годы появились такие обратившие на себя внимание сатирические комедии, как «Рыжая кобыла с колокольчиком» И. Друцэ, «Курорт» У. Умарбекова, «Железный занавес» В. Котенко, «Мудромер» Н. Матуковского, «Цитата» Л. Зорина, «И никаких японцев» Ю. Рытхэу, изобличающие бюрократизм и другие негативные явления действительности.

Как и в 70-е годы, на современном этапе продолжается творческий поиск нового «лица» сатиры: сближение ее с гротеском, фантазмагорическим изображением. Обращение драматургов к истокам комедийной образности, основанной на условности, — одна из существенных жанрово-стилевых тенденций в развитии современной сатирической комедиографии. В связи с этим некоторые исследователи выделяют комедию гротескного и парадоксального типа. Характерно, что в русле условно-гротескного стиля наиболее плодотворно развиваются такие жанры, как комедия-памфлет (А. Макаёнок «Дышите экономно» (1983), С. Михалков «Тревожная ночь в Пуэрто-Муэрте» (1982)) и фарс (М. Карим «Коня диктатору» (1980)).

Сатира сегодня тяготеет к более глубинному, чем прежде, психологическому исследованию. Это объясняется тем, что на комедию сильное воздействие продолжает оказывать психологическая драма. Не только обнажение и осмеяние общественных пороков, социальных катаклизмов, но постижение причин их появления, а следовательно, и поиск путей изменения сближают сатирическую комедию с современной драматургией и прозой, исследующих те же явления. Углубление психологизма и философской наполняемости привели к появлению драматизированной сатиры (В. Белов «По-206-й», И. Друцэ «Рыжая кобыла с колокольчиком»), в которой удачно совмещаются поэзия и философские размышления.

Сегодня начинается процесс возрождения социальной боевитости сатиры, что было характерным для творчества М. Булгакова, А. Платонова, Н. Эрдмана. Вот почему произведения этих драматургов с успехом продолжают творческую жизнь на современной сцене. Этим же обусловлен интерес к пьесам А. Сухово-Кобылина, Н. Гоголя, которые оказывали и продолжают оказывать серьезное влияние на сатирическую комедиографию. Характерен и тот факт, что сатирическая комедия 80-х активно обращается к опыту сатиры 20-х годов, особенно к пьесам В. Маяковского, традиции которого заново осмысливаются и совершенствуются. Наблюдается не столько прямое влияние его творчества, сколько обращение к общим традициям типологического аспекта, затрагивающим не только идейно-тематический план, но и жанрово-стилевый. Происходит процесс усложнения условной образности, по-

стижения внутренних закономерностей жанровой природы условно-гротескной комедии на более высоком уровне.

Темы приспособленчества, бюрократизма, карьеризма и прочих негативных явлений, характерные для 70-х годов (С. Михалков «Пена», М. Рошин «Старый Новый год», В. Шукшин «Энергичные люди»), продолжают развитие и в 80-х. В наши дни, когда на первый план выдвигаются вопросы социально-политического переустройства общества, сатирическая направленность подобных пьес приобретает особое значение. Подтверждением сказанному может служить «Мудромер» (1987) Н. Матуковского, сатирическое острие которого направлено против бюрократизма. В стилизации своей новой пьесы драматург приближается к народному театру, к народной комедии, сделав ее близкой демократическому, массовому зрителю, и в то же время продолжает совершенствовать сатирическую комедию в ее классическом варианте. Следуя традициям В. Маяковского, драматург подчеркивает социальную опасность бюрократизма, обобщая многие факты современной действительности. Сегодня, в новых условиях, воинственный бюрократ изменил свое лицо, обзаведясь новыми масками, скрывающими его истинную сущность, и требует новой техники «срывания» этих масок, а значит, и новых творческих поисков драматургов. Интерес представляют не столько образ бюрократа, сколько его модификации. Своеобразным продолжением Победоносикова в пьесе Н. Матуковского является Вершило, который оказался в новом министерстве согласования, но не в должности главначпуса, а министра. За исключением примет времени, психология бюрократа почти не изменилась: по-прежнему его главной чертой осталось предпочтение формы содержанию, лишь в еще большей степени он стал демагогом и перестраховщиком.

Эстетика сатирического разоблачения бюрократизма реализуется автором в структуре сатирической комедии классического образца. Прежде всего драматург соблюдает в ней три единства: время длится не более одних суток, действие постоянно происходит в кабинете министра, наконец, комический парадокс (изобретение «Дуромера»), положенный в основу сюжета, держит на себе целостность действия. Достоинством этой пьесы является и то, что в ней автору удалось соединить гиперболизацию в обрисовке характеров с их психологической углубленностью. При этом наблюдается сдвиг в сторону сугубо драматической трактовки положительных образов, в частности Николая Егоровича Мурашко.

Н. Матуковский, следуя традициям классической комедиографии, наделяет персонажей комедии «говорящими фамилиями» (Вершило — сидящий в верхах, Попсуева — все портящая, от белорусского «папсаваць» и др.). В «Мудромере» живет смешная, остроумная реплика, которая сочетается с репликой иронической, саркастической. Пьеса написана не только комедийно, смешит не только общим сатирическим замыслом, но, как всякая сатира, преследует основную цель — разоблачение и осмеяние зла ядом критики. В этом плане Н. Матуковский продолжает традиции классической комедиографии, творчески обогащает жанрово-стилевую специфику сатирической комедии в русле национальной культуры.

Не менее острой и злободневной в социальном плане является пьеса Л. Зорина «Цитата» (1988), которая отличается типологической общностью принципов организации драматического действия и тематическим родством с пьесой А. С. Грибоедова «Горе от ума». Мастерски продолжая традиции стихотворной комедии, драматург знакомит современников с молчаливыми и фамусовыми века нынешнего. Сатирическими красками драматург рисует портрет «примерного сына эпохи» Молочникова. Чем-то он сродни Молчалину (не фонетическим и фабульным сопоставлением Молчалин — Молочников, а своей сущностью карьериста и приспособленца). Сатирически остро Л. Зорин высмеивает и мир балтазаровых — представителей времен застоя. Один из них, Бобров, гордится своим поколением, службой, тем, что их «те-сали» и «дубили». Его жизненное кредо заключено в словах напутствия: «Служите, выше счастья нет!» Под стать Боброву и другие его сослуживцы-чинуши: Николаев, Никодимов, Никонорова и другие. Драматург не случайно подчеркивает в фамилиях их общность, прибегая не только к фонетическому созвучию (нико-), но и смысловому. Для них продвинуться, удержаться, закрепиться, поддаться, создать впечатление своей нужности — главное в службе. Так возникает параллель с эпохой фамусовых и скалозубов, которая наводит на мысль о преемственности нравов службистов. Еще гуще и острее выписан сатирический образ Кирилла Петровича Балтазарова. Автор создает укрупненный тип современного чиновника административно-управленческого аппарата, в котором сконцентрированы характерные чер-

ты, манеры и нравы тех, кто представляет «сферы управления». Драматург удачно обыгрывает цитату «живому тормоз — мертвечина», переосмысливая ее в русле современности. Л. Зорин так поворачивает действие пьесы, что «мертвечиной» оказываются сами болтазаровы, тормозящие прогресс живо-го. «Цитата» написана остроумно, в ней много афоризмов, каламбуров («Я на великом рубеже. Я сам. Не чей-то протеже», «не из великих кавалеров растут ряды функционеров»). Виртуозная обработка стихотворного материала заставляет вспомнить страницы «Горя от ума», что не умаляет достоинств талантливой пьесы Л. Зорина, в которой автор сумел, как и его предшественник, очистительный смех сатиры направить против «мертвечины» и истин «псевдосовременных».

Современная сатирическая комедия свидетельствует о том, что драматурги, с одной стороны, продолжают традиции классики (острота социально-политических проблем, структура драматического действия, способы типизации характеров), а с другой — творчески обогащают ее жанрово-стилевую природу, интегрируя в ней комическое и трагическое.

¹ Киселев Н. Н. Проблемы современной комедии. Томск, 1973. С. 7.

² Фролов В. Заметки о театральной сатире // Современная драматургия. М., 1988. № 2. С. 187.

³ См.: Громова М. И. Эстетические искания в советской многонациональной драматургии 70—80-х годов. М., 1987; Фролов В. Муза пламенной сатиры. М., 1988; Свербильова Т. Г. Комедии В. В. Маяковского и современная советская драматургия. Киев, 1987.

⁴ Киселев Н. Н. Некоторые проблемы теории драматургических жанров // Художественное творчество и литературный процесс. Томск, 1984. Вып. 6. С. 127.

⁵ Левшин И. Не смейтесь над сатирой // Совр. драматургия. М., 1984. № 3. С. 246.

⁶ Фролов В. Обновление жанра // Совр. драматургия. М., 1982. № 2. С. 262.

С. Ф. КУЗЬМИНА

ТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ МАНДЕЛЬШТАМА И ФИЛОСОФИЯ ВЛ. СОЛОВЬЕВА

Вопрос о связях творчества Мандельштама с идеями Вл. С. Соловьева, во многом определившими всю философско-эстетическую программу как символизма, так и вообще «серебряного века» русской культуры, является одним из самых сложных. Но, не поставив этого вопроса, мы лишаемся понимания духовной связи поэта с той культурной почвой, которая питала нравственное (и даже собственно художественное) содержание его работы и обеспечивала масштаб его творческой мысли. При всем отличии поэтики Мандельштама от поэтики символизма, в его творчестве так или иначе учитываются основные содержательные моменты идеи всеединства и гуманистическое звучание русской нравственно-религиозной мысли в целом. Сам поэт почти ничего не говорит о Вл. Соловьеве: в нашем распоряжении всего лишь несколько скупых высказываний о нем в разных статьях, и это не может дать полного представления об отношении Мандельштама к идеям и мировоззрению Соловьева. Однако, думается, исследователь все же имеет право на сопоставление этих имен и сравнительный анализ соответствующих поэтических и философских текстов. Отметим сразу, что налицо определенная близость Мандельштама к идеям Соловьева о путях исторического развития человечества и творческой эволюции материи. О Соловьеве в контексте русской поэзии Мандельштам говорит в связи с А. Блоком: «Из мальчика, начитавшегося Соловьева и Фета, он стал русским романтиком, умудренным германскими и английскими братьями, и, наконец, русским поэтом, который осуществил заветную мечту Пушкина — в просвещении стать с веком наравне»¹. Как один из импульсов поэтического творчества и философской образованности, Соловьев, думается, был и для Мандельштама существенным моментом внутреннего развития. В этом отношении важно свидетельство Н. Я. Мандельштам, которая в своих воспоминаниях указывает: «В какой-то юношеский период его собеседником был Владимир Соловьев, который как философ, а не поэт, очевидно, гораздо ближе О. М., чем принято думать. ...Следы формообразующего влияния Владимира Соловьева разбросаны у О. М. повсюду. Они в христианско-религиозном мировоззрении соловьевского

толка, в методах и способах полемики, во многих устоявшихся понятиях и даже словах»².

В советском литературоведении эти имена сопоставляются М. Поляковым, который, однако, не считает влияние Соловьева решающим в развитии поэтического мировоззрения Мандельштама, подчеркивая, что ему наиболее близка из соловьевского наследия та часть, которая переключается с традициями демократической и оппозиционной мысли. Исследователь отмечает, что «критика Соловьевым философского схематизма, убожества буржуазного примитивизма, неприятие окружающей жизни, проблема целостности личности, ее отношение к вселенной не могли не увлечь философски настроенного молодого поэта»³. Однако, указывая на важность для сборника «Камень» соловьевского принципа «собирания вселенной», на понимание поэтом мира как «собирающего всемирного тела», М. Поляков все же невольно ограничивает влияние Соловьева только ранним периодом творчества Мандельштама, тогда как ему свойственно свои интеллектуальные пристрастия не зачеркивать, а продлевать, удерживая их, метафорически преобразованные, в памяти слова и всей образной системы.

В контексте размышлений Мандельштама о культуре-строительстве и слове как материале такого зодчества в поэтическом манифесте «Утро акмеизма» (1912—1913) имя Соловьева приобретает значение, превосходящее узкое различие акмеизма и символизма, литературных школ и направлений. В самой логике рассуждений Мандельштама многое восходит к Соловьеву, к его мысли о том, что «все действительное — сложно» в бесконечном своем стремлении к совершенству, к его представлениям о сущем, о слове-логосе, а также к его спору с позитивизмом и Кантом⁴.

«Владимир Соловьев, — пишет автор акмеистского манифеста, — испытывал пророческий ужас перед седыми финскими валунами. Немое красноречие гранитной глыбы волновало его, как злое колдовство»⁵. Здесь — скрытая ссылка на стихотворение Вл. Соловьева «Колдун-камень», посвященное Л. М. Лопатину, где одним из мотивов является возможность для материи «перетекать» из мертвой в живую и наоборот, сохраняя в своих преобразованиях абсолютную потенцию бытия: «В свой черед из усыпленья Встанет камень-человек». Помимо диалектики и игры смыслов («камень-человек» — слово-«камень») здесь важно, как нам кажется, и другое: идея Соловьева о постоянной готовности материи эволюционировать и содержать в себе потенцию абсолюта и совершенства, красоты и блага пересекается с мыслью о «творческой эволюции» А. Бергсона, которого Мандельштам читал с увлечением. Но, помня замечание Н. Я. Мандельштам о «формообразующем» влиянии Соловьева, отразившемся «даже в словах», обратим внимание на слово «усыпленье» из стихотворения «Колдун-камень». Две соловьевские строки — «В свой черед из усыпленья Встанет камень-человек» — неожиданно напоминают о себе в одном из поздних стихотворений Мандельштама «Внутри горы бездействует кумир»: «Кость усыпленная завязана узлом, Очеловечены колени, руки, плечи — Он улыбается своим широким ртом, Он мыслит костию и чувствует челом, И вспомнить силится свой облик чело-вечий».

У Мандельштама картина проступающего из «горы» (камня) человеческого облика, возможно, осложнена еще и раздумьями о потере такого облика самим человеком. Космозволюционный же процесс, по Соловьеву, благодаря своим творческим законам не может не создать человека, который и является носителем и воплощением «бытия-сущего». Прообразом же такого человека служит Христос — «живое всечеловеческое существо». Человек содержит в себе, таким образом, «высшее откровение истинно-сущего» (II, 225).

Это высокое предназначение человека у Мандельштама воплощено наиболее ярко в его известном стихотворении «За гремучую доблесть грядущих веков», где выраженная в нем идея близка к Соловьеву не только мыслью о «высоком племени людей» и непрерывной памяти о предках («пир отцов»), но и неприятием в духе нравственной философии корпоративной морали, ее относителности и небезусловности. У Соловьева есть понятие «зверочеловечество»: «исторический процесс есть долгий и трудный переход от зверочеловечества к богочеловечеству» (I, 257). Для того, чтобы видеть жизнь «изнутри» истории, требующей, писал Мандельштам в статье «Гуманизм и современность», в жертву «человеческую массу, как материал... в любом количестве»⁶, опыт русской нравственно-религиозной мысли мог служить направляющим ракурсом или своеобразным «отвесом» к этой потекшей вспять — к «зверочеловечеству» — истории. И наряду с горьким признанием: «и по-

звериному воем людье» — у поэта есть и стихотворения, утверждающие необходимость веры в человека, а по Соловьеву, — гуманизм и есть такая вера (II, 314).

Нам неизвестно, как относился Мандельштам к тонко разработанной Вл. Соловьевым и его последователями — С. Франком, Е. Трубецким, П. Флоренским, Л. Карсавиным — метафизике всеединства, раскрывающей совершенное единство множества, тождество элементов целому и «внутреннюю связь всего». Но хотелось бы обратить внимание на следующее. Соловьев к всеединству относит и абсолютное благо, и истину, и красоту. «Жизнь, — писал философ, — по самому широкому своему определению есть игра или свободное движение частных сил и положений, объединенных в индивидуальном целом» (II, 367). И далее: «Я называю истинным, или положительным, всеединством такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотою; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» (II, 552).

Эти постулируемые философом положения, на наш взгляд, могут служить ключом к многим размышлениям Мандельштама — и прозаическим, и поэтическим. Еще в статье о Чаадаеве он высказывает мысль о полноте бытия, нашедшей затем свое актуальное выражение в «Гуманизме и современности», где идея всеединства как жизни, свободно «играющей» входящими в целое частностями, явно перекликается с Соловьевым: «Простая механическая громадность и голое количество враждебны человеку, и не новая социальная пирамида соблазняет нас, а социальная готика: свободная игра тяжести и сил, человеческое общество, задуманное как сложный и дремучий архитектурный лес, где все целесообразно, индивидуально и каждая частность аukaется с громадой»⁷.

В системе Соловьева идея всеединства имеет еще и вполне конкретное историософское звучание: считая, что все человечество, «вся земля» собирается вокруг «могучего центра христианской культуры», что, «несмотря ни на какие препятствия, все растет и крепнет сознание всемирного единства», философ видел в истории центристскую силу солидарности, не раздел, а «собрание земли» (II, 552). И так как язык является общественной формой, составляет «собственный смысл или положительное качество народа» и шире — «качественность всемирного разума», — то он не может разобщать, а должен служить делу соединения и всеобщего взаимного понимания. «Все языки, — говорит Соловьев, — суть лишь особые качества всеединного слова, все соизмеримы в нем между собою или понятны друг для друга» (I, 499).

С этим явно перекликаются суждения Мандельштама о «праязыке» — языке всеобщего понимания и единства, а также его излюбленная мысль о всеевропейской общности христианской культуры.

В стихотворении «Зверинец», написанном во время первой мировой войны, геральдика разных стран с изображениями петуха, льва, орла осмысливается как «звериный» лик современной Европы, забывшей «светильник в глубине пещеры», однако здесь есть странный, на первый взгляд, образ: «А я пою вино времен — Источник речи итальянской, И в колыбели праарийской Славянский и германский лен».

Ю. Иваск сделал важное наблюдение: «В Европе, как старой, так и новой, Мандельштам прозревал общие черты — родство. Он верил в братство европейских народов и часто напоминал о единых языковых и племенных корнях их. В стихотворении «Зверинец» (1916), оплакивая братоубийственную войну, он воспекает в праарийской колыбели германский и славянский лен... (Это русское слово одного корня с германским, а также и с греческими, романскими словами *linan*, *linus*, *Leinen*, *linen* и другими, хотя значение их уже неодинаково)»⁸.

Такой же смысловой ход встречается и в других стихотворениях, например, «Чуть мерцает призрачная сцена» (1920), «К немецкой речи» (1932), где утверждается общность и языков, и истории-культуры: «Чужая речь мне будет оболочкой, И много прежде, чем я смел родиться, Я буквой был, был виноградной строчкой, Я книгой был, которая вам снится».

Утопия истории-братства была близка Мандельштаму. Уместно вспомнить и о том, что во время гражданской войны он создает картину пирующей земли («Опять войны разногласица», 1923), перекликающуюся и с идеями Вл. Соловьева, и с образами В. Хлебникова.

Совость, честь были для Соловьева и всей религиозной философии в Рос-

сии не просто «моральными», но и глубочайшим образом духовно осмысленными понятиями. Не отсюда ли у Мандельштама в этом стихотворении, наряду с картиной радостного будущего, этот горький упрек современникам: «А вам, в безвремении летающим Под хлыст войны, за власть немногих,— Хотя бы честь млекопитающих, Хотя бы совесть ластиногих!».

Думается, что нравственный космос, открытый и оправданный философией Соловьева и его последователей, учение о доброте как идее, пронизывающей всю жизнь и историю-культуру, говорящей о норме и должном в мире людей,— все это было определяющим и для нравственного кодекса Мандельштама, воплощенного в его поэзии.

Космозволюционная система Соловьева, где человек понимался как «высшее откровение истинно-сущего» (II, 225), носитель культуры и абсолютной идеи, предполагала отрицание смерти. Христианство с этой точки зрения было «воплощением Божиим и воскресением плоти» (II, 348). Уместно вспомнить, что в 20-е годы Мандельштам отстаивает принцип культуры церкви, хранящей в своих стенах духовность и страхующей государство от разрушения и поглощения всех его начинаний разрушительной силой времени. Во фрагменте «Пушкин и Скрябин» есть, на наш взгляд, аллюзии, соответствующие федоровской «философии общего дела» и мысли Соловьева о том, что «вечная жизнь рода чрез вечную смерть особой постыдна и неудовлетворительна для человека, чувствующего и потребность, и обязанность быть не орудием, а обладателем вечной жизни» (I, 60). Например, вот это рассуждение: «Христианский мир — организация, живое тело. Ткани нашего мира обновляются смертью. Приходится бороться с варварством новой жизни, потому что в ней, цветущей, не побеждена смерть»⁹. Искусство понимается им как преодоление смерти. Важно учесть, что поэт к вершинным проявлениям духовности (например, Пушкину, Достоевскому) относится как к будущему, приходящему из прошлого. В этой точке начинаются его принципиальные расхождения с настоящим, отрицающим пушкинскую «тайную свободу» и игнорирующим предупреждения Достоевского о недопустимости превращения человека в «винтик». Как раз «винтик» и становится главной частью машины, отсекающей все живое. Машинный механизм как своего рода «модель» мира входит в литературу начиная с 20-х годов. На место космоцентрического взгляда на мир приходит техноцентрический. Поэзия «Кузницы» и антиутопия Е. Замятина «Мы» — реакция на техноцентризм: в первом случае он воспевается, во втором — отрицается с предупреждением будущему.

И здесь идеи Соловьева, Карсавина, Трубецкого и других русских философов должны были пониматься прямо-таки буквально: машина, а тем более «винтик» не могут быть целью космозволюционного развития и нравственного предназначения человека.

В философии Соловьева, его нравственном оправдании добра Мандельштам, думается, видел исконно русские идеи самоценности и неповторимости человеческой жизни. Не случайно место, ставшее последним прибежищем философа, названо поэтом «священным местом русской культуры»¹⁰.

Специальный вопрос о символике в акмеистской художественной системе и символе у символистов в нашей литературе не затрагивался¹¹. Мандельштам, чутко относившийся к содержательной стороне философского учения Соловьева, остался сторонником своей концепции поэтического языка и символа. Критический пафос его выступлений против символизма общезвестен, при этом он с пиететом относился к тем завоеваниям Блока, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба, которые позволили чрезвычайно повысить, говоря его словами, «емкость» поэтического образа. Считая, что «вся современная русская поэзия вышла из родового символического лона», он подчеркивал и учительскую роль символизма и его авторитетность, и «законодательную тяжесть».

В связи со своей особой эллинистической теорией языка и слова как говорящей и страдающей плоти Мандельштам своеобразно понимает и символ: «В эллинистическом понимании символ есть утварь, а потому всякий предмет, втянутый в священный круг человека, может стать утварью, а следовательно, и символом»¹². Символизм, специально придумывающий (в принципе, символ придумать невозможно) образы-символы, или, по терминологии Мандельштама, сугубый, нарочитый символизм противоречит внутреннему строю русского языка, который «творит образы, как утварь, на потребу человека». Не различая слово и образ, поэт отрицает и «образ запечатанный», который не может быть употреблен непосредственно, а только через систему уподоблений и аналогий. «Литургическое» употребление слова, свойственное символизму, приводит, по мысли поэта, к искажению восприятия,

Абсолютное значение, которым наделяется слово-символ, смещает границы между словом и вещью. Слово становится вещью-абсолютом. В иронично-веселом и вместе с тем глубоко замечании Мандельштама о «бунте» таких слов-вещей есть и объяснение его собственного понимания символа: «На столе нельзя обедать, потому что это не просто стол. Нельзя зажечь огня, потому что это может значить такое, что сам потом не рад будешь. Человек больше не хозяин у себя дома. Ему приходится жить не то в церкви, не то в священной роще друидов...»¹³ Символ не может быть, по Мандельштаму, связанным крепостной зависимостью со своим значением. В его поэтике существенную роль играет так называемое «словесное представление», своего рода система, более подвижная и мобильная, нежели слово-символ.

У Мандельштама есть стихотворение, написанное как бы для того, чтобы продемонстрировать указанную разницу между символом в том понимании, какое было свойственно символистам, и «словесным представлением», словом-образом у акмеистов: «Как растет хлеб опара, Поначалу хороша, И беснуется от жару Домовитая душа. // Словно хлебные Софии С херувимского стола Круглым жаром налитые Подымают купола. // Чтобы силой или лаской Чудный выманить припек, Время — царственный подпасок — Ловит слово-колобок. // И свое находит место Черствый пасынок веков — Усыхающий довесок Прежде вынутых хлебов» (1922).

Начав с «эллинского» — теплого и согретого человеком — образа растущего в печи хлеба (первое четверостишие), поэт переходит к «словесному представлению», связанному сразу с несколькими значениями: это и купол Софийского храма, по внешнему виду так напоминающий полусферу свежее выпеченного хлеба, и одновременно хлеб Евхаристии. «Херувимский стол» не может не подтолкнуть к смысловому ряду: «хлеб — тело Христово». Сюда же включено понятие Софии как мудрости, тождественной Логосу — Христу¹⁴.

Третье четверостишие, сохраняя «эллинское» и домашнее отношение к процессу выпечки хлеба — «чтобы силой или лаской Чудный выманить припек», — продлевает и глубинный, христианский смысл: хлеб — тело Христово — Слово — Логос. Об этом — два последних стиха третьего катрена. Появляется еще одно измерение — время. Оно и абстрактно, как время вообще, и конкретно, как то время, которое по-хозяйски следит за выпечкой хлеба-слова. При этом сохраняется «телесность» образа. Купол Софии — полусфера хлеба — превращается в слово-колобок. Здесь уместно отметить и во все неисследованную сторону поэтики Мандельштама: использование им фольклорных мотивов и сказочных сюжетов.

Четвертая, последняя часть стихотворения замыкает «словесное представление» новым образом, обрывая прежний символический ряд («хлеб-тело Христово — Слово»), его «телесную» наглядность (купол Софии — колобок) и временную всеобщую длительность («время... ловит слово-колобок»). Этот обрыв — неожиданное превращение «времени» в «века», а только что выпеченного хлеба — в «усыхающий довесок». И главное — все стихотворение оказывается не о хлебе, Христе, Софии или времени. Оно — о судьбе «пасынка», человека, не находящего места в данной истории-культуре, ибо он рожден «прежде», как вынутый из печи раньше времени хлеб, в котором «опара» не успела сработать; нагнетание смысловой синонимии — «черствый пасынок», «прежде вынутых хлебов» — уравнивается явно нелогичным — «И свое находит место...» «Словесное представление» включает в себя символ хлеба-Христа-Слова, но как бы в перевернутом виде. Поэт идет от конкретного, «эллинского», от «утвари» — к символическому и символичности, обращенной к «всечеловечности» земной культуры — христианства, и этот путь заранее предполагает не «абсолютное», а конкретное, телесное, «теплое» — домашнее узнавание-восприятие.

Строгая иерархия ценностей и смыслов, уравновешенных и закрепленных традицией, в поэтической системе Мандельштама соотносится с актуальным таким образом, что эти начала способны замещать собой друг друга, за счет чего и рождается зеркально преображенное «продлинение» символа и не-символа. Так происходит в культовом действе, когда хлеб наделяется способностью «преосуществляться» в Христа (в литургии, Евхаристии). В этой способности хлеба и заключена жизнь в ее духовных измерениях.

¹ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 174.

² Мандельштам О. Собр. соч.: В 3 т. Нью-Йорк. 1971. Т. 2. С. 681—682.

³ Поляков М. Критическая проза О. Мандельштама // Мандельштам О. Слово и культура. С. 18.

- ⁴ См.: Соловьев В. Соч. в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 235 и далее. Цитаты из этого издания даются в тексте с указанием в скобках тома (римскими цифрами) и страницы.
- ⁵ Мандельштам О. Слово и культура. С. 169.
- ⁶ Мандельштам О. Избранное. Таллинн, 1989. С. 135.
- ⁷ Там же. С. 134.
- ⁸ Мандельштам О. Собр. соч. Т. 3. С. VIII.
- ⁹ Там же. Т. 2. С. 318.
- ¹⁰ Там же. С. 681—682.
- ¹¹ Исключением является статья: Топоров В. Н. Две главы из истории поэзии начала века: I. В. А. Комаровский — II. В. К. Шилейко (к соотношению поэтики символизма и акмеизма) // Russian Literature. Amsterdam, 1979. V. 7. N 3.
- ¹² Мандельштам О. Слово и культура. С. 45; 64.
- ¹³ Там же. С. 66.
- ¹⁴ См.: Меймдорф И. Тема «премудрости» в восточно-европейской средневековой культуре и ее наследие // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 244—245.

О. А. ЛЕУШЕВА

ОТ УТОПИИ К РЕАЛЬНОСТИ

Мечты о счастье, об идеальном устройстве общества издавна волновали умы лучших представителей человечества. Эти мечты у ряда мыслителей и художников оформились в виде утопии. В. И. Ленин дал такую формулировку утопии: «Утопия — место, которого нет, фантазия, вымысел, сказка. Утопия в политике есть такого рода пожелание, которое осуществить никак нельзя ни теперь, ни впоследствии, — пожелание, которое не опирается на общественные силы и которое не подкрепляется ростом, развитием политических, классовых сил»¹.

Истоки утопии — в древнейших представлениях человечества о возможности положительного решения судеб мира и человека как чего-то абсолютного, конечного, о возможности перехода из исторически смертного времени в иное — бессмертное, где абсолютно разделяются добро и зло и первое победит второе.

Всем нам хорошо известна «Утопия» Т. Мора. Это название произведения стало нарицательным для определенной литературной формы — утопического эпоса, с ним также связано целое направление общественной мысли — утопический социализм. «Фантастическое описание» было в условиях Т. Мора единственно возможным способом выражения его смелой социальной мысли. Конечно, схема «наилучшего» общества, созданная этим гениальным мыслителем-одиночкой, не могла быть претворена в жизнь, а стала программой желаемого действия.

Рядом с «Утопией» Т. Мора как источник распространения коммунистических представлений должен быть поставлен «Город Солнца» Т. Компанеллы. Конечно, коммунизм Компанеллы, говоря словами Ф. Энгельса, «только вчерне отработанный», «грубоватый» коммунизм².

Утопия есть неосуществимое мечтание. Но порожденные историческими обстоятельствами утопии побуждали к деятельности, к переустройству существующего общества. Примечательно, что утописты XIX века сами пытались реализовать свои проекты, возникали десятки и сотни обществ их последователей.

Современный автор, создавая утопию, называет ее более «престижным» словом: программа, проект, план... Сейчас произведение о каком-то несуществующем острове читается как анахронизм, а вот современность, как бы увиденная из завтрашнего дня, воспринимается с интересом.

Известно, что одно из предполагаемых первичных значений слова «утопия» — «блаженное место». И правда, что такого совершенного, полного блаженства, как в вымышленных странах-утопиях, исторически известная нам жизнь не знает. Но верно и другое: на этой же утопической ниве воображение мечтателей создавало и «самый адский ад», в буквальном смысле слова — «абсолютистски-полицейское, железно-тоталитарное государство», практика которого по тупости и зверству превышает все те жесточайшие режимы, которые мы знаем в истории»³. В этих произведениях чудовищно переплетаются надежды человечества на будущее и ужас перед ним. Создателем первого мрачного видения будущего, так называемой «антиутопии» был Г. Уэллс, автор «Машины времени» (1895). Его страсть к идеям, интерес к

науке, неспособность прийти к какому-нибудь оптимистическому заключению относительно упрямых фактов современности были близки Е. Замятину, А. Платонову, О. Хаксли, Дж. Оруэллу. Конечное торжество идеалов рационализма для писателей равнозначно духовному краху человечества: лишенный этических ценностей разум творит абсолютное зло под видом абсолютного добра. Эти писатели, будучи гуманистами, боролись за человеческие условия существования, за свободу личности. А когда революция, которая свершилась во имя этих идеалов, потом не осуществляла их, они продолжали бороться за эти идеалы. В действительности же все обернулось «Чевенгуром» А. Платонова, «Мы» Е. Замятина. Эти романы — предупреждение об опасности, угрожающей человеку, государству, обществу.

Не следует забывать о том, что в «антиутопиях» речь идет об искусственном мире, в котором действуют живые люди, судьба которых нас очень волнует. В этих романах подвергаются пересмотру методы построения гуманного и справедливого общества, политические способы и формы управления народом. Но критики обвиняли авторов антиутопий в отсутствии понимания хода исторического процесса, в растерянности и утрате исторических перспектив, в неспособности разглядеть поступательный ход истории, в болезненной, почти безумной деформации действительности, в неприятии нового мира, ненависти к революции, отсутствии объективности, в мрачности и мизантропии. Вот что писал литературовед М. Кузнецов в статье «Социалистический реализм и модернизм» об антиутопиях: «Эти романы-антиутопии яростно пытаются разрушить веру в грядущее человеческое счастье, пронизаны безысходным историческим пессимизмом, зоологической ненавистью к народу, к демократии»⁴.

Так ли это?

Уже в 1928—29 гг., когда создавался «Чевенгур», автор отчетливо увидел две опасности, которые угрожают делу революции: детская болезнь «левизны», все более и более возрастающая, и бюрократизация, способная заживо похоронить любое благое начинание. И писатель в своей антиутопии изобразил развитие этих тенденций, показал исторический процесс перехода государства от военного коммунизма к нэпу, стремление некоторых участников революционных событий прийти в коммунизм раз и навсегда созданный, неизменный, незыблемый.

Платонов своевременно забил тревогу. Он понял, что на Руси идет гигантская ломка векового уклада жизни, увидел всю опасность строительства «казарменного коммунизма», предугадал тенденцию трагического развития событий, их антинародный характер. Поэтому, на мой взгляд, мы имеем дело в «Чевенгуре» с той исторической правдой, которую от нас долго скрывали.

По сюжету романа «два полевых большевика» Александр Дванов и Степан Копенкин путешествуют по Руси и наводят в деревнях такой революционный порядок, который подсказывает им их революционное сознание, классовое чутье. В коммуне «Дружба бедняка» герои видят, что все ее члены имеют должности, но никто не занимается «черным» трудом: не пашет и не сеет. А во время собраний в нашем воображении возникает прообраз будущей системы голосования: все — за, один — всегда против, а другой — воздержавшийся. Абсурдные приказы, отдаваемые народу для усложнения жизни и для отпора кулачеству. Усиление классовой борьбы было поставлено в прямую связь с ростом успехов социализма. Иначе говоря, чем жестче классовая борьба, тем больше коммунизма, и наоборот. И все это делалось с единственной целью — ускорить приход нового строя.

Вера в эту идею движет всеми поступками чевенгурских большевиков, уже воздвигнувших коммунизм путем приказов и расстрелов. За всеми поступками чевенгурцев несложно различить отпечаток социальной психологии времени, о котором написан роман.

Вера в Маркса без малейшего понятия о марксизме, социальная безграмотность, дикость и невежество, примитивизм сознания — все это привело к «чевенгурскому коммунизму», который народ оплатил своей кровью и потерей веры в возможность лучшей жизни. Утопическое сознание нашло здесь прекрасную питательную среду, и все персонажи Платонова наделены им, кто больше, кто меньше. Мир для них — сплошь чистое поле, на котором будет работать только солнце. Это «порожнее плодородное место», где без труда «может вырасти растение всякого знания»⁵. Они верят, что социализм придет мгновенно и все будет прекрасно. Еще ничего не успеет родиться, как коммунизм настанет.

Доморощенные утописты, вдохновившись великими мечтами, свято верят в счастливый исход. Но жизнь, как всегда, перестроила прекрасный проект. Так извращенный революционный коммунизм был превращен в революционный идиотизм.

Это «социальное экспериментаторство» в уезде «Чевенгур», где верные социальные идеи искажались в смутном сознании искренне жаждущих немедленного счастья людей, привело к столь печальным результатам.

Андрей Платонов заставляет нас вникнуть в суть чевенгурского коммунизма, подводит к мысли, что «тут зараза, а не коммунизм»⁶. Бесславен конец этого «коммунизма», ибо в момент полной победы гибнут коммунары от мистической конницы кадетов.

«Чевенгур» — предупреждение: построение социализма вне труда, через одну лишь идею, обречено. Эти пути приведут к гибели идеала, к компрометации самой идеи коммунизма.

И вновь обратимся к истории. Во Франции, Англии, Германии были разработаны утопические системы учений о справедливом общественном устройстве. Карл Маркс в «Экономико-философских рукописях 1844 года» под словом «коммунизм» их и подразумевал. Он предвидел «возможности превращения утопии «казарменного коммунизма» в практическую реальность, то, что в XX веке стало «антиутопией» — и не в романах, а в жизни, т. е. исторически первой долговременной реализации идеи коммунизма суждено было стать «грубым, казарменным коммунизмом»⁷.

В свою очередь, В. И. Ленин хорошо понимал, что нельзя построить новое коммунистическое общество по-щучьему велению. После «военного коммунизма» с его поголовной экспроприацией и административными методами, заведшими государство в тупик, требовалось перейти к экономическим методам управления государством. Так возникла модель ленинского реформизма — нэпа, трагически нереализованного пути к социализму.

После смерти В. И. Ленина в стране сложилась такая ситуация: видны успехи нэпа, а лидеры партии спорят о путях дальнейшего развития мировой революции, дерутся за власть. При этом шло гигантское раздувание партии. И ленинская гвардия утонула в этом потоке. Вместо того, чтобы идти вперед, к научному социализму, на деле произошло отступление назад, к казарменному, к первой форме — грубой, примитивной.

Андрей Платонов видел это, он оказался прозорливее многих. И неспроста появился его «Чевенгур», навлекший на автора немилость многих ретивых критиков и политиков. Обращение писателя к историческому сюжету, по всей вероятности, было проявлением общего в то время интереса к революции. Исторические факты заинтересовали его, заставили внимательнее присмотреться к революционной эпохе. Жизнь дала Платонову очень много материала, его герои — это коллектив неповторимых личностей, которые стремятся понять происходящее.

Андрея Платонова всегда интересовал человек, он постоянно отмечал талантливость русского народа и удивительное неумение жить. С особой любовью относился он к так называемым «недоделанным» людям, так как они более правдивы, открыты. В платоновском понятии «дурость» означает ум особого рода, за которым стоит особенный человек. Его герои много говорят о революции, о смысле жизни, о будущем. Автор никого не прерывает, не торопит, не защищает, кажется, что он посторонний человек, который видит упадок интеллектуального уровня, цивилизации. Но при этом Платонов заставляет читателя задуматься, а может, и что-то додумать за него.

Платонов еще раз подтвердил жизненность того, что ранее казалось утопичным: утопии реальны, жизнь следует за ними. Сама по себе утопия — опыт прорицания будущего. Человеку свойственно заглядывать в свое грядущее, поэтому утопия пережила все нападки на нее. Все мы немножко утописты, потому что свои планы строим на шатких основаниях. Ведь именно с утопическими представлениями о социализме и коммунизме, дата наступления которого нам была обещана сверху, мы только теперь распрощались. Новое соотношение между мечтой и действительностью определила сама жизнь.

На нынешнем этапе развития нашего общества слышны призывы к построению нравственного общества. Понятно, что начинать с этого — утопия, которая приведет к повторению ошибок чевенгурцев. Но они жили верой, а у нас уже есть знания и большой горький опыт.

Обратив еще раз взгляд на роман «Чевенгур», понимаешь, почему М. Горький с таким интересом и тревогой наблюдал за творческим развитием молодых писателей, думал об их судьбе. Он высоко ценил роман Андрея

Платонова, но при этом предвидел и трудности, связанные с его публикацией.

Только сегодня, возвращенная из многолетнего забвения, эта книга стала для многих читателей открытием нового имени в литературе.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 117.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. Ч. 2. С. 52.

³ Манюэл Ф. Ю. Утопическая мысль в западном мире. М., 1983. Вып. 2. С. 5.

⁴ Кузнецов М. Социалистический реализм и модернизм // Новый мир. 1963. № 8. С. 221.

⁵ Платонов А. Чевенгур. Мн., 1989. С. 191.

⁶ Там же. С. 274.

⁷ Капустин М. П. От какого наследства мы отказываемся? // Октябрь. 1988. № 4. С. 189.

І. Р. СЦЯПУНІН

ПУШКІН І НАРОД

Мільённыя тыражы пушкінскіх кніг, экранізацыя пушкінскай прозы, усенароднае паломніцтва ў пушкінскія мясціны, імя паэта — у назвах музэяў, бібліятэк, тэатраў... Інтэрэс народа да творчасці Пушкіна, павяга да яго памяці ў нас у краіне традыцыйныя. Пра гэта сведчаць і цікавыя матэрыялы Цэнтральнага дзяржаўнага гістарычнага архіва БССР за 1899 г., калі ў народзе адзначалася 100-годдзе з дня нараджэння вялікага рускага паэта.

Царскія ўлады не былі зацікаўлены ў тым, каб пушкінскі юбілей быў усенароднай урачыстасцю. У наваколлі Святых Гор (Пушкінагор'я) і сяла Міхайлаўскага конныя паліцэйскія не пускалі простых людзей прысутнічаць на пушкінскім свяце, «некаторыя асобы ніяк не маглі прымірыцца з перспектывай, што там, дзе гуляюць паны, туды паўзе і барада (селянін): «Усё для паноў! А нас нікуды не пускаюць, — чулася з усіх бакоў...» (прачытаем у адной карэспандэнцыі). Прыводзіліся і іншыя факты. У Сімферопалі, напрыклад, у час пастановаўкі пушкінскай п'есы гарадскі галава палічыў жонку афіцэра за простую жанчыну і «прапанаваў ёй пакінуць залу, маўляў, яна нічога агульнага з Пушкіным не мае»¹.

Але нягледзячы на забароны і ўсялякія абмежаванні з боку ўлад, менавіта просты народ быў сапраўдным знаўцам Пушкіна. Так, сяляне Варанецкай воласці Апачэцкага павета Пскоўскай губерні пабудавалі ў 1895 г. на свае сродкі непадалёку ад магілы паэта двухпавярховы паўмураваны будынак багadzельні імя Пушкіна для састарэлых аднавяскоўцаў². У многіх губернях сяляне аднагалосна рашалі ў памяць паэта адкрыць пры школах бібліятэкі і даваць ім назвы «пушкінскія».

У Віцебскай губерні ў юбілей Пушкіна актыўны ўдзел прынялі беларускія сяляне. Святкаваў, як гаворыцца ў адной з карэспандэнцый, «увесь народ — ад малапісьменнага ці зусім непісьменнага да адукаванага, ад дзіцяці да старога». У Віцебску на працягу мая 1899 г. было прададзена 45 тыс. экз. твораў паэта³. Святкаванне стагоддзя з дня нараджэння вялікага паэта ў Мінску паказала, наколькі Пушкін быў блізкі і дарагі беларускаму народу. «Такой урачыстасці яшчэ не было ў нас. З самых глухіх гарадоў паступаюць звесткі пра ушанаванне паэта», — піша «Мінский листок»⁴.

Пушкін трывала ўвайшоў у народную памяць. У «Витебские губернские ведомости» дасылаліся запісы вусных расказаў сялян, у якіх вялікі паэт паказаны як выключна добры чалавек, гатовы дапамагчы ўсім бедным людзям.

«Аднойчы быў неўраджай, — расказвае 75-гадовы селянін вёскі Гайкі (што ля Міхайлаўскага) Апанас Васільеў. — У беднага мужыка не было ні хлеба, ні грошаў, каб купіць што-небудзь. Пайду, гаворыць, папрашу ў Пушкіна, можа дасць хлеба. Падыходзіць да вёскі, а каля яе вялікі лес. І выходзіць з ельніка насустрач мужыку Пушкін, кашуля чырвоная, капаюш саламяны, у руцэ — кніжка». Мужык вырашыў, «што перад ім стаіць барскі халоп ці лакей, ды і расказаў яму пра сваю патрэбу. Пушкін быў ўзрадаваны, што мужык прыняў яго за простага чалавека, і даў яму хлеба».

Селянін Іван Паўлаў з вёскі Багамілы расказвае: «Жыў ён адзін, з панамі надта не сбраваў, на паляванне з імі не хадзіў, сялян любіў... і з усімі ласкава, па-добраму абыходзіўся. Дзеткі летам назбіраюць ягад, панясуць яму прадаваць, а ён грошы заплоціць і ягады ім аддае»⁵.

У іншых расказах Пушкін прадстаўлены барацьбітом за інтарэсы сялян. Пра гэта піша віцэбскі карэспандэнт Д. Ф. Шчалок, які наведваў Святагор'е ў дні пушкінскіх урачыстасцей і гутарыў з сялянамі. «У Пушкіна,— сказаў яму адзін сталы селянін,— было тры думы. Першая дума, каб нас ад паноў адабраць, другая дума — каб розгамі не высакаць. А трэцяя — каб усю зямлю мужыкам аддаць».

У некаторых вусных расказах, запісаных А. А. Карасёвым, гаворыцца пра інтарэс народа да твораў Пушкіна яшчэ пры жыцці вялікага паэта. А. Карасёў сведчыць: калі Пушкін наведваў у 1829 г. Навачэркаск, то пазнаў, што яго вершы вельмі папулярныя сярод усіх жыхароў горада. У народныя масы прыйшлі многія творы Пушкіна: яго казкі, вершы. Яны становіліся папулярныя ў вуснай перадачы побач з фальклорнымі творамі. «Кожны шкаляр,— гаворыцца ў адной карэспандэнцыі,— ледзь не з першага года сваёй вучобы пачынае знаёміцца з лепшымі вершамі Пушкіна. За вучваючы іх услых, ён міжволі робіць слухачамі сваіх непісьменных бацькоў, прымушае іх таксама захапляцца, як і сам захапляецца».

Селянін Ніжагародскай губерні Ф. І. Дарафееў выказаў сапраўдныя адносіны народных мас да вялікага рускага паэта: «У сваіх вершах Пушкін выказаў не толькі свае пачуцці, а пачуцці ўсяго народа, за што просты чалавек глыбока паважае яго бессмяротнае імя»⁶.

«Витебские губернские ведомости» адзначаюць, што ў 1899 г. пачынаюць ужо збывацца словы Пушкіна: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет меня всяк сущий в ней язык». 15 сакавіка 1899 г. група малдаван-рамеснікаў у Кішынёве звярнулася да ўлад «з просьбай дапамагчы ім надрукаваць да ўрачыстых святкаванняў вялікага паэта паэму «Цыганы» з кароткім біяграфічным нарысам аб яе геніяльным аўтары для распаўсюджвання выдання па таннай цане сярод грамадзянскага насельніцтва Бесарабіі».

Але непісьменнасць большасці насельніцтва царскай Расіі стала пераадольнаю перашкодаю для знаёмства з творчасцю Пушкіна. Шмат якія творы вялікага паэта царскія ўлады забаранялі распаўсюджваць сярод народа. Так, паэма «Цыганы», на погляд цензуры, непрыдатная народу, таму што тут «выказваюцца думкі аднабаковыя. У ёй галоўны герой Алека гаворыць пра «неволю душных городов», дзе людзі «торгуют волею своей, главы пред идолами клонят и просят денег да цепей».

Забараняліся і іншыя пушкінскія творы. Так, паэма «Братья-разбойники» была прызнана «непажаданай для распаўсюджвання яе сярод народу», бо «змест яе можа засмуціць чытача, асабліва простага чалавека». У паэме ўслаўляецца вольналюбства. Не дазвалялася таксама дапускаць да чытачоў «Гісторыю Пугачова» таму, што ў ёй у вельмі непрывабным выглядзе апісваецца імператрыца Кацярына II, усе яе фаварыты і воінскія начальнікі⁷.

Народу не рэкамендавалася таксама чытаць раман у вершах «Евгений Онегин» і многія іншыя творы. Царскія ўлады, безумоўна, не жадалі, каб уся творчасць Пушкіна стала здабыткам шырокіх народных мас. Але гісторыя паказала, што «Пушкін, які выявіў нацыянальны гонар і славу рускага народа, стаў нацыянальным гонарам і славаю кожнага беларуса, грузіна, украінца, літоўца, казаха»⁸.

¹ ЦДГА БССР. Ф. 1416, воп. 6, адз. зах. 605, т. 1, арк. 74; ф. 1416, воп. 6, адз. зах. 609, арк. 27.

² Там жа. Ф. 321, воп. 1, адз. зах. 406, арк. 1.

³ Там жа. Ф. 1416, воп. 6, адз. зах. 605, арк. 475, 270.

⁴ Минский листок, 1899, 26 мая.

⁵ ЦДГА БССР. Ф. 1416, воп. 6, адз. зах. 605, арк. 127.

⁶ Там жа. Адз. зах. 611, арк. 183—183 об.; адз. зах. 630, арк. 518; адз. зах. 606, арк. 1492; адз. зах. 636, арк. 721; адз. зах. 606, т. 2, арк. 1492.

⁷ Там жа. Адз. зах. 605, т. 2, арк. 745; адз. зах. 628, арк. 634.

⁸ Колас Я. Зб. тв.: У 14 т. Мн., 1976. Т. 12. С. 84.

С. Я. КОСТРЫЦА

АЦЭНАЧНА-ТЛУМАЧАЛЬНЫЯ СКЛАДАНАЗАЛЕЖНЫЯ СКАЗЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

У апошні час у беларускім мовазнаўстве складваецца такая тэндэнцыя, пры якой на пытанні сінтаксіса звяртаецца недастаткова ўвагі. Асабліва гэта датычыць складаназалежных сказаў з так званымі даданымі дапаўняльнымі, дзейнікавымі і выказнікавымі. Фактычна распрацоўка пытанняў вылучэння і класіфікацыі гэтых сказаў накіравана, па-першае, на функцыянальную арыентацыю, пры якой даданая частка суадносіцца з членамі простага сказа, і, па-другое, на характар адносінаў паміж галоўнай і даданай часткамі складаназалежных сказаў дадзеных тыпаў¹.

Аднак такія падыходы прыводзіць да таго, што ў адзін тып аб'ядноўваюцца зусім неадназначныя структуры, канструкцыі ж з аднолькавымі адносінамі паміж галоўнай і даданай часткамі часта ўваходзяць у розныя тыпы складаназалежных сказаў.

Параўн.: складаназалежныя сказы з даданымі дзейнікавымі: (1) Той не можа быць другам, хто ў бядзе абыходзіць кругам (Іпр.); (2) Наадварот, здавалася, што жыццё, парушанае ў першыя дні, цяпер перабудоўваецца па законах ваеннага часу (І. Шамякін); (3) І ўсё, што ён бачыў, было дзіўна сагрэта Ганнінай блізкасцю... (І. Мележ); (4) І як нядобра, што вось яны — стаяць і плачуць на абочыне — дзве, тры, чатыры мамы мясцовых хлопцаў (Я. Брыль);

складаназалежныя сказы з даданымі дапаўняльнымі: (5) Ну, як тут вырываць малому, таму, хто з дзядзькам пасварыўся (Я. Колас); (6) Алесь тлумачыў... Бутрыму, што ім неабходна знайсці сабе трэцяга (Я. Брыль); (7) Кастусь толькі займаўся тым, што зранку малаціў, а адвячоркам укошваў травы коням нанач (Граматыка беларускай мовы. С. 597. К. Чорны);

складаназалежныя сказы з даданымі выказнікавымі: (8) Ён той, хто не дае нікому спакою; (9) Думка яго гэткая, што гэта Мікалай прычыніўся да развалу яго сям'і (К. Чорны).

Відавочна, што прыведзеныя сказы можна аб'яднаць у тыпы, больш адпаведныя адзін аднаму па структурна-смантычнаму прынцыпу. Звернем увагу на сказы (2), (4), (6), (9). Структурна гэта нерасчлянёныя складаназалежныя сказы, даданая частка якіх адносіцца да аднаго слова ў галоўнай частцы. У смантыка-сінтаксічных адносінах гэтыя сказы, на наш погляд, з'яўляюцца асаблівымі ўтварэннямі. Калі ўсе астатнія віды складаназалежных сказаў суадносяць дзве ці больш сітуацыі нямоўнай рэчаіснасці, то ў гэтых сказах (услед за М. І. Канюшкевіч назовём іх ацэначна-тлумачальнымі²) суадносяцца сітуацыя і паведамленне аб сітуацыі і, шырэй, ацэнка гэтай сітуацыі (дыктум і модус).

Дыктум разумеецца як галоўнае паведамленне аб рэчаіснасці, што адлюстроўваецца ў мове, а моўнае выражэнне звязанага з гэтай рэча-

існасцю псіхічнага перажывання разумеца як модус: Запытай любога куранёўца, *і ён табе скажа* (модус), што *Мокуць — чортава месца, гіблае для касца* (дыктум) (І. Мележ); *Чуб хваліўся* (модус), што *ён адзін час быў брыгадзірам у калгасе* (дыктум) (І. Шамякін).

В. У. Мартынаў называе сказы такога тыпа метамоўнымі ці інфармацыйнымі³. На самой справе, галоўная і даданая часткі ў гэтых канструкцыях знаходзяцца на розных узроўнях рэфлексіі (усведамлення): дыктумная падзея вербалізуецца на пярвічным узроўні, а факт усведамлення дае другі ўзровень, узровень усведамлення. Калі пярвічны ўзровень назваць мовай, то ўзровень усведамлення будзе метамоўным.

Відаць, блізкімі да такога погляду былі і аўтары «Курса сучаснай беларускай літаратурнай мовы», калі адзначалі, што «многія з даданных дапаўняльных па сутнасці з'яўляюцца ўскоснай мовай»⁴.

Таму, здаецца, недастаткова разглядаць адносіны паміж галоўнай і даданай часткамі ацэначна-тлумачальных сказаў як аб'ектныя ці прэдыкатывыя⁵. Паміж часткамі ацэначна-тлумачальных сказаў будуць узнікаць спецыфічныя тлумачальныя або інфармацыйныя адносіны.

Узнікненне тлумачальных адносін, у першую чаргу, будзе залежаць ад семантыкі апорнага слова. Толькі ў тым выпадку, калі ў семантыцы апорнага слова ёсць кампанент «псіхічны працэс», магчымы тлумачальныя адносіны паміж галоўнай і даданай часткамі складанага сказа. Іменна семантыка «псіхічны працэс» і вызначае два ўзроўні — дыктум і модус — у сказах гэтага тыпу. Калі ж кампанент «псіхічны працэс» адсутнічае, адсутнічаюць і тлумачальныя адносіны, а замест іх узнікаюць аб'ектныя. Параўн.: *Ён падумаў, што будзе трымацца свайго воза і туды, да Чарнушкаў, больш не пойдзе* (І. Мележ) — *Ён прынёс тое, што яму далі*.

Сустрэкаюцца і такія прыклады, калі апорнае слова, на першы погляд, і не мае семантыкі «псіхічны працэс» (*даваць, шукаць*), але ў кантэксце яно пераасэнсоўваецца і садзейнічае ўзнікненню тлумачальных адносін: *А Васіль не дасць, каб клалі палец у рот* (І. Мележ) — *Ён, падвесьлялы, ...шукае, што ёй сказаць* (І. Мележ).

Важна, што круг апорных слоў, афармляючых тлумачальныя адносіны, вельмі разнастайны. Часцей за ўсё гэта лексіка-семантычныя групы слоў са значэннем: 1) маўлення: Гаспадарлівы Уладзік адразу, на дварэ, *дамовіўся* са сваім суседам, што той пяройдзе на новае месца (Я. Брыль); Ты ж шчэ і не *казаў*, што хочаш узняць мяне (І. Мележ); Парушыла гаспадыня: папрасіла *расказаць*, што робіцца на фронце і «там, у нашых» (І. Шамякін); 2) інтэлектуальнай дзейнасці: Васіль тут жа *разважыў*, што можа трохі і трэба было б занесці... (І. Мележ); *Думаў*, дурыла, што хоць тут перадыхну... (Я. Брыль); ...ён *меркаваў*, што ягонаму руху да мэты павінны спрыяць усе астатнія, тым больш родзічы, жонка, бацькі (В. Быкаў); Ёй адразу *цукнула*, што тут мае месца змова (Я. Колас); 3) успрымання: Яму *відаць і чуваць*, як Марыля, з сярпом у апушчанай правай руцэ, зірнула на захад з-пад левай... (Я. Брыль); Саўка *пачуў*, што рыбка пачынае торгаць (Я. Колас); Ніхто ў Куранях, бадай, не *заўважыў*, калі і хто пасадзіў яе... (І. Мележ); 4) пачуцця, унутранага стану: *Здзівіўся* дужа дзед, калі пакупец пачаў адлічваць яму грошы папяровымі маркамі (Я. Колас); ...А ён, разам з нямногімі, раптам *узбунтаваўся*, што маці яго сюды не для таго паслала, каб лайдачыў ды лгаў (Я. Брыль); Маці прыехала па іх і ўсё-такі *рада была*, што ён здаў (Я. Брыль); 5) ацэнкі: Добра, што вароты адчынены, — не будуць рыпец (І. Шамякін); Во гэта і *кепка*, што адразу відаць (В. Быкаў); *Дрэнна* толькі, што нас яны адгэтуль не бяруць... (Я. Брыль); 6) жадання: Ён песні спяваў пра Саветы, ён *хоча*, каб яны прыйшлі... (Я. Брыль); Яна не *жадае*, каб ён быў у палоне, каб ён вярнуўся цяпер, калі ідзе бой за Маскву, за жыццё (І. Шамякін); 7) быцця, існавання: Не ў багацці яна жыла, без маці *вырасла, здаралася*, што часамі і раней, да тэхнікума,

рабіла ў людзей... (І. Шамякін); На першай днёўцы *аказалася*, што спадарожнічкаў трэба не толькі весці, але ж яшчэ і карміць (Я. Брыль).

Сцвярдженне, што паміж часткамі азначна-тлумачальнага сказа будучы ўзнікаць спецыфічныя тлумачальныя адносіны, можа выклікаць сумненні, і як прыклад узнікнення аб'ектных адносін можна прывесці сказы, дзе ў адным радзе аднародных кампанентаў стаяць дэлібератыўны аб'ект і даданая дапаўняльная частка: Аднак яе *ўразіла* гэтая *цішыня* і яшчэ *тое, што знешне ўсё аставалася такім жа, як звычайна* (І. Шамякін); ...Была і *трывога* — *за Алеся, за сябе самога, за тое, што пачнецца-такі, відаць, вайна* (Я. Брыль).

На наш погляд, магчымасць існавання сказаў з такімі аднароднымі кампанентамі тлумачыцца імкненнем усіх моўных канструкцый да згортвання ў пяцічленную канструкцыю, г. зн. у просты сказ⁶. Ды і адносіны паміж дэлібератыўным аб'ектам і дзеяннем, на яго накіраваным, вельмі спецыфічныя, і іх нельга разглядаць як уласна аб'ектныя.

Можна заключыць, што азначна-тлумачальныя сказы выпадаюць з той класіфікацыі складаназалежных сказаў, якая існуе ў беларускім сінтаксісе. Адзначаныя ў гэтым артыкуле асаблівасці азначна-тлумачальных сказаў маюць, на наш погляд, дастатковую сілу, каб вылучыць такія сказы ў асобны структурна-семантычны тып.

¹ Гл.: Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы: Сінтаксіс. Мн., 1959; Граматыка беларускай мовы. Мн., 1966. Т. 2.

² Гл.: Канюшкевіч М. І. Да характарыстыкі азначна-тлумачальнага складанага сказа // Бел. лінгвістыка. 1983. Вып. 23.

³ Гл.: Мартынов В. В. Категория языка. М., 1982.

⁴ Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. С. 240.

⁵ Гл.: Граматыка беларускай мовы. Т. 2. С. 587 і далей.

⁶ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Минирин В. Н. Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973.

В. Е. КВАЧЕК

СВОЕОБРАЗИЕ СЛОГОВОЙ СТРУКТУРЫ В БЕЛОРУССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Возвращение белорусскому языку статуса государственного актуализирует проблему национально-русского двуязычия в республике, ориентирует речевое сознание населения на более четкое разграничение структуры близкородственных языков. В этой ситуации настоятельнее ощущается необходимость повышения результативности языковой подготовки в учебных заведениях, призванных выпускать из своих стен коммуникативно развитую личность. Оптимизация обучения двум близкородственным языкам предполагает прежде всего постижение их самобытности по отношению друг к другу. Поэтому важно в беспорядочных на первый взгляд звуковых расхождениях обнаружить закономерность, опереться на ту основу, которая обобщает возникшие несоответствия, придавая им регулярность в сознании билингвов и этим способствуя более прочному усвоению материала. Сопоставительный аспект в изучении генетически близких языков плодотворен тем, что позволяет ввести в лингвистический оборот ряд характерных фактов, остающихся как бы в тени при одном лишь «внутреннем» изучении языка.

В данной статье мы сравним группу белорусско-русских однокорневых слов с тождественной семантической доминантой, имеющих, однако, незначительные различия в «звуковой материи» и, следовательно, представляющих потенциальную опасность возникновения интерференции. Упорядочить многообразие этих различий поможет, на наш взгляд, обращение к такому простому и вместе с тем «хитровому», по выражению В. К. Третьяковского, понятию, как слог. И хотя слоговой стереотип в обоих языках похож, тем не менее своеобразие слоговой структуры

диктует свои фонетические варианты и отражается в целом ряде соотносительных лексических единиц.

Объяснение и обобщение фактов в родственных языках, как и в диалектах одного языка, неизбежно направляет мысль исследователя «сквозь время», т. е. уводит в диахронию, и в этом реализуется важнейшее требование диалектики — изучать явления в связи и развитии. Потенциал исторической науки о языке, призванной «работать» на современные языковые формы, может и должен использоваться в учебном процессе более широко и эффективно. Разумеется, привлекая исторические сведения, следует избегать излишней углубленности в детали, стремиться к ясности и простоте.

Итак, обратимся к слогу. По сравнению со звуком речи это качественно новая сегментная единица, спаянная изнутри взаимной адаптацией звуков. Оба языка предпочитают открытые слоги, следуя в этом отношении праславянской и древнерусской тенденции. Закрытые слоги появились, как известно, в результате утраты редуцированных гласных *ѣ, ъ*. Однако, как замечает С. Б. Бернштейн, древняя структура слога, характеризовавшаяся возрастанием звучности, не была коренным образом преобразована в связи с утратой еров; в срединных слогах и теперь господствует старая праславянская тенденция¹. Это замечание ученого согласуется с выводами современных исследователей о том, что в русском языке «единственной реальной произносительной единицей является открытый слог» и что конструкции типа СГ и ССГ составляют около 85 % от общего числа слогов². И в белорусском, и в русском языках строение начальных, срединных и конечных слогов во многом сходно. Вместе с тем именно в слоговой структуре проявляется стремление языка по-своему сформировать звуковой облик слова, приспособить его к своим артикуляционным навыкам. В результате однокорневые слова с единой морфологической структурой утрачивают тождественность фонемного состава и становятся паралексами. Дивергенция, таким образом, происходит благодаря модификации в строении слогов.

Утрата редуцированных *ѣ, ъ* изменяла первоначальный звуковой облик слова. Возникали сочетания звуков, нарушающие тенденцию к возрастающей сонорности слога, создавая этим условия для побочной слоговости. Древнерусские говоры по-разному реагировали на это, и в результате фонетическое тождество целого ряда слов оказалось нарушенным. Появление начальных слогов, содержащих группы «сонорный + шумный (или сонорный носовой)», т. е. с нисходяще-восходящей звучностью, было чуждо естественной народной речи. Поэтому в абсолютном начале слова развивался, как правило, дополнительный гласный элемент, что и приводило к возникновению расхождений в звуковой структуре слов, в количестве слогов. Это находит отражение в современных литературных формах: *аржаны* — *ржаной*, *ильняны* — *льняной*, *ильвины* — *львиный*; *ілгачь*, *ілгун* — *лгать*, *лгун*; *імгла*, *імглісты* — *мгла*, *мглісты*; *імчацца* — *мчаться*, *імшысты* — *мишстый*, *іржавы* — *ржавый*; *ірваць*, *ірваны* — *рваць*, *рваный*; *ірдзець* — *рдеть*, *іржаць* — *ржаць* и другие производные формы. Правда, в Тлумачальным слоўніку беларускай мовы приведены как равноправные варианты *ільняны* и *льняны*, *ільгота* и *льгота*, *ільдзіна* и *льдзіна* и т. п. Дело в том, что фонологический статус этих «приставных» гласных неодинаков. Их употребление зависит от фонетической позиции, т. е. от характера звука, которым заканчивается предыдущее слово — гласный он или согласный: ср. *бачу льва* и *уцячы ад ільва*. В этом случае сочетания *и* (или *а*) + сонорный являются позиционными вариантами сонорных, поэтому нет оснований считать звуки [и] или [а] отдельными фонемами. Если же варианты стали равноправными, тогда приставные гласные следует рассматривать как самостоятельные фонемы. В отдельных случаях вариантность устранена в пользу приставного гласного (*аржаны*, *імчаць*, *імгла*), именно данные варианты употребительны в начале фраз³.

В конечных слогах после утраты редуцированных также образовались

труднопроизносимые группы согласных. И здесь вследствие развития гласного перед сонорным претерпела изменения слоговая структура, как это произошло, например, в словах *ветер*, *восемь*, *огонь*, *уголь*, *свёкор* — бел. *вецёр*, *восем*, *агонь*, *вугаль*, *свёкар* (ср. др. русск. *вѣтрѣ*, *огнь*, *осмь*, *угль*, *свѣкрѣ*, состоящие до утраты конечных гласных *ѣ*, *ь* из двух слогов). В белорусском языке развитие гласного звука в данной позиции представлено шире, что и приводило к дивергенции: *бабёр* (зверь и его мех) — *бобр* (зверь) и *бобёр* (мех), *віхор* — *вихрь* (порыв ветра), *журавель* — *журавль*, *карабель* — *корабль*, *рубель* — *рубль*. Интересно, что гласные *е*, *о*, даже поддержанные ударением, становятся в обоих языках беглыми в производных словах и падежных формах: *бабром* — *бобром*, *рублёвы* — *рублёвый* (но *карабельны* — *корабельный* — гласный сохранился, хотя *карабля*).

Слоговая структура упрощалась и в связи с утратой конечных сонорных и шумных (ср. днал. *корань*, *рунь* и т. п.). Это в большей степени характерно для белорусского языка. Отсюда и несоответствия в однокорневых словах: *жандар* (но *жандармерыя*) — *жандарм*, *верас* — *вереск*, *чацвер* (но *чацвярга*) — *четверг*, *напроці* (*насупраць*) — *напротив*, *ббязь* — *боязнь*. Последние корреляты интересны тем, что слова с конечным слогом на *-знь* вообще чужды белорусскому языку, поэтому данный суффикс заменен, преобразован или же употребляется слово другого корня и даже сочетание слов: *жизнь* — *жыццё*, *казнь* — *пакаранне смерці*, *кара* (перен.) — *козни* (ед. нет) — *падкопы*, *болезнь* — *хвароба*, *непрязнь* — *непрыязнасць*, *непрыхільнасць*; *порознь* — *паасобку*, *паасобна*; *рознь* — *варожасць*, *нелады*. Нежелательны также сочетания шумных с другими сонорными в конечном слоге: *внутрь* — *усярэдзіну* (но уже возможно и *унутр*), *воплъ* — *крык*, *лямант*; *голавль* — *галавень*. Однако уже проникли заимствованные слова с непривычной структурой конечного слога: *ансамбль*, *бінокль*, *дырыжабль* и нек. др.

Во многих случаях конечному закрытому слогу в русском корреляте соответствует открытый слог в белорусском, что нередко приводит и к расхождению в роде или склонении: *кудзеля* — *кудель*, *маці* — *мать*, *дача* — *дочь*, *морква* — *морковь*, *плесня* — *плесень* (<плѣснь, ср. в русском *басня*, *песня* < *баснь*, *пѣснь*), *пядзя* — *пядь*, *храпа* — *храп* — «передняя часть морды животного», *царквѣ* — *цѣрковь*. В позднейших заимствованиях из польского или из других языков, а также из русского в белорусский данное различие в строении конечного слога сохранялось: *кадрыля* — *кадриль*, *кафля* — *кафель*, *мэбля* — *мебель*, *нафта* — *нефть*, *півоня* — *пион*, *роля* — *роль*, *салата* (и *салат*) — *салат*, *табака* — *табак*, *таполя* — *тополь*, *фасоля* — *фасоль*, *цыкорыя* — *цикорий*. Такое же соответствие наблюдается и в других паралексах, восходящих к праславянским корневым морфемам: *жазлѣ* — *жезл*, *акруга* — *округ*, *плошча* — *площадь* (путем отсечения исконного согласного **ploskedь*), *раскоша* (и *роскаш*) — *роскошь*, *чеча* — *течь*, *ціша* — *тишь*, *ява* — *явь*. Есть немногочисленные примеры и с обратным строением конечного слога, однако в закрытых слогах белорусских коррелятов звучность конечных сонорных или шумных не теряется благодаря наличию предыдущего гласного: *дышаль* (польск. *dyszal*) — *дышло* «оглобля», *туфель* — *туфля* (сначала *туфель* и в русском — из нем. *Tuffel*), *бездань* — *бездна* (<ст. слав. *бездѣна*), *праслоек* — *прослойка*, *развілак* — *развилка*. В отдельных случаях в белорусском языке допустимы варианты: *пістоля* и *пістоля* (устар. пистолет) — *пистоль*, *тальк* и *талька* — *тальк* (но *гантэль* — *гантель* из нем. *Hantel*).

Устойчивые противопоставления конечного открытого слога, ударного и безударного, закрытому сохранились в формах инфинитива на *-чы*, *-ці* — *-чь*, *-ть*. В русских коррелятах безударный гласный инфинитивного суффикса, как правило, подвергался редукции и исчезал. Это имело место во всех немногочисленных праславянских глаголах на *-чь* (восходящим к сочетаниям **-kt*, **-gt* перед гласным переднего ряда): *берагчы* — *беречь*, *валачы* — *волочь* (и *волочить*), *запрэчы* — *запрять*, *лег-*

чы — лечь, магчы — мочь, памагчы — помочь, прадрачы — предречь, пячы — печь, секчы — сечь, стрыгчы — стричь, сцерагчы — стеречь, таўчы — толочь, цячы — течь. Такое же соотношение в немногих глаголах на -ці — -ти: есці — есть, жэрці — жрать (прост.), грызці — грызть, клисці — класть, клясці — клясть, красці — красть, лезці — лезть, надаесці (и надакучыць) — надоест, прасці — прасть, плысці (и плыць) — плыть, сесці — сесть. Различие в структуре конечного слога сохраняется у нескольких общеславянских глаголов, оба коррелята которых дву- и трехсложны: бегчы — бежать, памерці — помереть (прост.) умереть, перці — переть (прост. и также префиксальные формы), раўці — реветь, церці — тереть. Обратное соотношение конечных слогов у двух этимологически родственных глаголов *запáсці* — *запа́сці*, *пас-віць* — *па́сти* ([в] в *пасвіць*, возможно, под влиянием общеславянского *паства* с выпадением [т]). И, наконец, группа глаголов с открытым конечным слогом и в русских коррелятах, сохранивших его благодаря переносу ударения на последний слог: *вэ́сці* — *везти́*, *вэ́сці* — *вести́*, *гнё́сці* — *гнесты́*, *грэ́бці* — *гресты́*, *ме́сці* — *месты́*, *плэ́сці* — *плесты́*, *скрэ́бці* — *скресты́*, *трэ́сці* — *трясты́* (и преф. формы). Данную группу можно отнести к так называемым акцентным паралексам, другие же глаголы этого типа структуры по данному признаку тождественны: *брысці* — *бресты́*, *пай́сці* — *ползти́*, *расці* — *расти́*, *цві́сці* — *цвести́*, *і́сці* — *идти́*, *знай́сці* — *найти́* и многие префиксальные образования.

Рассмотренные межъязыковые глаголы представляют собой древнейший пласт праславянской лексики, многие из них имеют соответствия в других индоевропейских языках. Эта в целом немногочисленная группа разрослась за счет производных форм, в которых соотношение между конечными слогами в основном сохраняется, как, например, в образованных позднее дериватах с постфиксом -ся (<сѧ), сохранивших безударный гласный в белорусских коррелятах и утративших его в русских: *плéсціся*, *расплéсціся* — *плесты́сь*, *расплесты́сь*; *запáсціся* — *запа́сцісь*, *кра́дучыся* — *кра́дучись* и мн. др.

О большей приверженности белорусского языка древней слоговой структуре свидетельствуют рефлексy слогов, содержавших утраченные редуцированные гласные. Если выпадение последних приводило к резкому перепаду звучности в пределах слога, язык находил средство «поправить положение», прибегая к включению гласного звука: *вошы*, *вашывы* — *вши*, *вшивый* (<др. рус. *въшь*), *раты* — *рты* (<др. рус. *рътъ*), *шво* — *шов* (<*шьвъ*), *ліслівы* — *льстивый* (<*льсть*), *тыкнуць* — *ткнуть* (<*тъкнути*). Как известно, беглые гласные возникали не только на месте исконных ъ, ь, но под действием аналогии и на месте о, е: *равы* — *рвы* (<др. рус. *ровъ*), *карані*, *каранёвы* — *корни*, *корневой* (<др. рус. *корень*).

Чаше находят отражение в белорусских коррелятах рефлексy так называемого второго полногласия (из сочетаний типа **tǫrt*, **tǫlt*): *горан* — *горн* (<др. рус. *гѣрнѣ*), *дзёрен* — *дѣрн* (<*дѣрнѣ*), *жарало* — *жерло* (<*жѣрло*), *маланка* — *молния* (<*мѣлния*), *смяротны* — *смертный* (<*смѣръть*), *човен* — *чѣлн* (<*чѣлнѣ*).

Мы рассмотрели сравнительно немногочисленные группы соотносительных единиц, однако есть более обширные пласты межъязыковой лексики с регулярными различиями в строении слога. Тенденция формировать слог в соответствии с законом восходящей звучности рельефно проявилась в последовательном употреблении протетического согласного *в*. Имеются в виду довольно многочисленные примеры типа *возера* — *озеро*, *вока* — *око*, *вуха* — *ухо*, *павук* — *паук*, *каравул* — *караул* и др. Причем протезирование сохраняется и в позднейших образованиях, и в отдельных заимствованиях: *водпуск* — *отпуск*, *водмель* — *отмель*, *вохра* — *охра*, *вустрыца* — *устрица*. Однако следует заметить, что в иноязычных лексемах оно уже не является обязательным, и не без влияния русских звуковых форм в белорусском языке закрепились слова с неприкрытым гласным: *ордэн*, *орган*, *опера*, *опіум*, *урна* и др.

Широкое распространение получил в белорусском языке *j*-протез, вставляемый между гласными в заимствованных словах с целью устранения хиата (зияния): *мемарыял* — *мемориал*, *патрыёт* — *патриот*, *піянер* — *пионер* и мн. др. Реже встречается *g*-протез: *Ганна* — *Анна*, *гайда* — *айда* (междом.), закономерно сохранение исконного *g* в белорусском корреляте *гісторыя* — *история* (<греч. *historia*), в местоимении *гэта* — *это*.

К древнейшим диалектным различиям восходит утрата в белорусском или сохранение в русском языке конечного *j* в позиции после напряженных редуцированных *ы*, *и* в полных формах прилагательных и причастий мужского рода, в некоторых местоимениях, в повелительной форме глаголов. В результате стало возможным появление большого числа коррелятов, различающихся открытым и закрытым конечным слогом: *малады* — *молодой*, *сядзячы* — *сидячий*, *такі* — *такой*, *ні* — *ней* и т. п.

Таким образом, в современных белорусском и русском литературных языках структура слога придает звуковое своеобразие многим однокорневым лексемам. Должное внимание этому важному фактору будет способствовать более полному постижению специфики каждого языка.

¹ См.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 259.

² См.: Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. С. 139—140.

³ См.: Крывіцкі А. А., Падлужны А. І. Фанетыка беларускай мовы. Мн., 1984. С. 115.

Л. Г. ЯЦКЕВИЧ

СИСТЕМА МОДИФИКАЦИОННЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПРЕПОЗИТИВНЫХ МОРФЕМ РУССКИХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Сложная система модификационных значений имен существительных изучена только частично. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, основное внимание исследователи уделяли стабильной сложившейся системе модификационных значений, выраженных суффиксами, а также отчасти префиксами, префиксоидами и конфиксами. Во-вторых, если система суффиксальных модификационных значений сложилась уже давно, то система модификационных значений, выраженных препозитивными морфемами, еще только складывается. В третьих, модификационные препозитивные морфемы (МПМ) обнаруживают наибольшую активность в устной разговорной речи и в профессиональной сфере, терминологии, поэтому в толковых словарях существительные, включающие в свой состав МПМ, отражены минимально. Сошлемся на авторитетное свидетельство К. С. Горбачевича: «Будем прибавлять приставки *пол-*, *сверх-* и *недо-* к разным существительным, прилагательным и глаголам: *полдороги*, *полдома*, *полгорода*, *полквартиры*, *полкниги*... *сверхмощный*, *сверхскорый*,... *недослушать*, *недоплыть*... и т. д. чуть ли не бесконечно. Могут возразить: многих из этих «придуманных» нами слов нет в словарях. Да, конечно, нет. В целях сокращения объема издания такие потенциальные слова... не помещаются в словари. И это вполне оправданно. Их легко образовать по аналогии, а значение понятно из составляющих частей»¹. Таким образом, определение функционального и структурного статуса МПМ является актуальной темой исследования.

МПМ не однородны в эволюционном и структурно-типологическом отношении. Представляется целесообразным выделить следующие группы МПМ: 1) исконно русские морфемы праславянского происхождения, которые употреблялись в качестве префиксов имен существительных еще в древнерусский период, например, префиксы *па-*, *пра-*, *су-*, *у-* (*ра-, *пра-, *sq-, *q-, соотносительные с глагольными *ро-, *рго-, *съ-, *въ-) ²; в современном русском языке они являются непродуктивными и нере-

гулярными (*прадед, прародина, паужин, пагруздь, сумрак, сутемь, улов, удой*); 2) исконно русские глагольные префиксы, которые расширяют словообразовательные возможности в современном русском языке и получают роль префиксальных формантов в словообразовании имен существительных (*перезаказ, перезащита, призыв, присвист, поднаём, подмена* и др.); 3) префиксоиды, система которых находится в стадии формирования (*сверхгигант, самоконтроль, взаимовлияние, полудикарь, всемогущество* и др.); 4) основы, которые обнаруживают продуктивность в образовании слов и обладают отвлеченным значением, т. е. это повторяющиеся компоненты сложений, приближающиеся к префиксоидам (*новомученик, лженаука, первопричина* и др.); 5) заимствованные префиксы и префиксоиды (*антифашист, асимметрия, денационализация, реэкспорт, контрпредложение, гиперзвук, ультразвук, микроавтобус* и др.); 6) МПМ в составе конфи́ксов, возникающих на базе указанных типов морфем (*суглинок, межсезонье, надбровье, предгрозы* и др.). Интересно отметить, что, несмотря на генетическое разнообразие этих морфем, все они отражают одну эволюционную тенденцию в развитии морфологии и словообразования русского языка — тенденцию к выражению разнообразных модификационных значений, которые не могут быть выражены суффиксами имен существительных.

В «Русской грамматике» указывается 12 модификационных значений префиксов и конфи́ксов существительных³, что далеко не исчерпывает, по нашим данным, всего многообразия возможных у них модификационных значений. Функционально-семантическое своеобразие МПМ может быть выявлено только на фоне общей функционально-семантической системы русской грамматики. Для этого необходимо соотнести семантические функции МПМ с функционально-семантическими полями и их группировками в соответствии с принципами функциональной грамматики, разработанными А. В. Бондарко⁴. Далее на этой основе проводится уточнение и систематизация модификационных значений препозитивных морфем. Выделяются четыре функционально-семантических типа МПМ.

I. МПМ, значения которых соотносительны с группировкой функционально-семантических полей «с предметным (субъектно-объектным) ядром»⁵. Если к этому функциональному типу относится подавляющее большинство модификационных суффиксов (см. суффиксы со значениями женскости, невзрослости, собирательности, единичности, уменьшительности, увеличительности и др.), то префиксы этого типа составляют незначительную часть. Они выражают два противоположных модификационных значения: подчиненность по чину, должности, званию (*подполковник, вице-президент, проректор*) и старшинство по чину, должности, званию (*обер-прокурор, архиепископ, суперинтендант, протоиерей*). Эти значения отражают отношение к социальному статусу лица и являются непродуктивными и нерегулярными.

II. МПМ, значения которых соотносительны с группировкой функционально-семантических полей «с обстоятельственным ядром»⁶. Сюда относятся МПМ с локативными значениями (*предгорье, побережье, переносица, взморье, подглазье, заречье, субтитр* и др.). По мнению А. В. Бондарко, функционально-семантическое поле локативности имеет полицентрическую структуру, так как в роли грамматических базисных компонентов этого поля «выступают предложно-падежные аналитические формы и конструкции, обстоятельственные локативные компоненты простых предложений, сложноподчиненные предложения с придаточными места»⁷. Думается, что, кроме синтаксических базисных компонентов полицентрического поля локативности, следует выделить и морфологический центр — систему препозитивных локативных морфем (префиксов и префиксоидов), а также конфи́ксов, на основе которых формируются продуктивные деривационные модели различных частей речи, в том числе и существительных.

III. Наиболее многочисленную группу составляют МПМ, значения которых соотносительны с группировкой функционально-семантических

полей «с акциональным (предикативным) ядром»⁸. А. В. Бондарко выделяет в этой группировке три комплекса ФСП: 1) комплекс ФСП аспектуально-темпоральных отношений, 2) комплекс ФСП модально-бытийных отношений, 3) комплекс ФСП акционально-субъектных и акционально-объектных отношений. Рассматриваемые нами МПМ включаются, на наш взгляд, в ФСП всех трех указанных выше комплексов. Однако существенно то, что модификационные значения препозитивных морфем имен существительных характеризуют не актуальную предикативность глаголов-сказуемых или высказываний в целом, а свернутую, имплицитную предикативность субстантивов, которые, как правило, являются результатом номинализации сказуемого или всего высказывания. Поэтому семантические функции указанных выше функционально-семантических комплексов получают своеобразное преломление в значении МПМ. Далее рассматриваются функционально-семантические подсистемы МПМ.

МПМ выражают следующие аспектуально-темпоральные значения: а) темпоральные значения, отражающие порядок следования событий или период существования предмета относительно события или предмета, названного исходным существительным: предшествование чему-нибудь, кому-нибудь (*вечер*→*предвечерье*, *зима*→*предзимье*, *ренессанс*→*проторенессанс*, *тема*→*прототема*, *история*→*предыстория*), следование после чего-нибудь, кого-нибудь (*франкизм*→*послефранкизм*, *импрессионизм*→*постимпрессионизм*), одновременность, временная совмещенность (*размышление*→*соразмышление*, *причина*→*сопричина*, *охотник*→*соохотник*, *эволюция*→*коэволюция*); б) темпоральные значения, отражающие фазовые характеристики события или процесса, состояния, существования: начало, первичность, новизна чего-кого-нибудь (*младочехи*←*чехи*, *гегелианцы*→*младогегелианцы*, *житель*→*первозжитель*, *открытие*→*первооткрытие*, *зима*→*первозимье*, *стройка*→*новостройка*, *поселенец*→*новопоселенец*), бывшее, старое, завершившееся во времени (*финн*→*старофинн*, *чех*→*старочех*, *река*→*староречье*, *чемпион*→*экс-чемпион*, *писатель*→*экс-писатель*, *диктатор*→*экс-диктатор*); в) темпоральные значения, отражающие характер длительности событий, обозначенных исходными существительными: продолжительность (*долготерпение*, *долгожитель*, *долголетие*), краткость, ограниченность во времени (*блицтурнир*, *блицвойна*, *мини-матч*, *мини-турнир*, *микроматч*, *микротурнир*); г) темпорально-таксисные значения, отражающие отношения между двумя событиями, ситуациями или состояниями: дополнительность одного действия относительно однородного с ним другого действия (*зарядка*→*подзарядка*, *проверка*→*допроверка*, *очистка*→*доочистка*), побочность одного действия относительно однородного с ним другого действия (*звук*→*призвук*, *свист*→*присвист*, *вкус*→*привкус*, *голос*→*отголос*, *звук*→*отзвук*), промежуток времени между двумя событиями или периодами (*сезон*→*межсезонье*, *власть*→*межвластие*), повторность, возобновление действия, состояния (*выборы*→*перевыборы*, *защита*→*перезащита*, *анализ*→*реанализ*, *адаптация*→*реадаптация*). Таким образом, в значениях МПМ рассматриваемого типа пересекаются семантические функции трех ФСП: темпоральности, аспектуальности и таксиса. Модификационные значения МПМ близки к значениям способов глагольного действия. В связи с этим следует указать, что существительные, образованные от префиксальных глаголов, сохраняют обычно их аспектуальную семантику, выраженную префиксами (*доплатить*→*доплата*, *перерасходовать*→*перерасход*, *просмотреть*→*просмотр*). Именно подобные существительные и послужили образцом для образования существительных способом префиксации.

Модальные значения, выражаемые МПМ, также разнообразны. Если модальные значения коммуникативных единиц соотносительны с предикацией, то модальные оценки, выражаемые МПМ существительных, соотносительны с субстантивной номинацией и поэтому имеют свою специфику. Основным стержнем, пронизывающим

систему модальных значений, является категория отрицания. Как известно, отрицание как семиотическая категория выражает «отсутствие объективной связи»⁹. Если на коммуникативном уровне отрицание так или иначе соотносится с предикативными отношениями, то на номинативном уровне отрицание соотносительно с отношениями тождества (или отождествления). В основе модальных значений префиксов и префиксоидов существительных лежит сопоставление обозначаемых явлений и установление степени их тождества или различия. Представляется возможным выделить четыре семантические подсистемы МПМ: а) МПМ со значением неполного тождества (*полудикарь, полупролетарий, полусущество, полусон, паклён, падуб, парагрипп, суслинок*), б) МПМ со значением мнимого тождества (*псевдокультура, псевдореализм, квазиспециалист, лжесоциалист, лжеучитель, лжеученость*), в) МПМ со значением полного отрицания тождества (*непорядок, нелюбовь, неправда, неэстонец, непоэт*), г) МПМ со значением противоположности (*беспорядок, безучастие, антивирус, асимметрия, демобилизация, дисгармония, контрудар, противодействие, резвакуация*). Таким образом, модальные значения имен существительных концептуально не соотносятся с модальными значениями предикативных единиц. Это различные семиотические реализации идеи отрицания.

Залоговые значения, отражающие отношения действия к субъекту и объекту, также выражаются предикативными существительными с помощью МПМ, но эти значения не так разнообразны, как аспектуально-темпоральные и модальные, рассмотренные выше. По нашим данным, это три значения: а) взаимность действий двух или нескольких субъектов (*взаимопроверка, взаимосближение, взаимопонимание*), б) возвратность (*самооценка, самодисциплина, самомассаж, автокомментарий, автоирония*); в) произвольность, бессубъектность действия (*самоорганизация, самоизлечение, самопрограммирование*).

IV. Особый семантический тип составляют МПМ, значения которых соотносительны с группировкой ФСП «с к в а л и т а т и в н о - к в а н т и т а т и в н ы м я д р о м»¹⁰. Модификационные значения МПМ включаются в следующие подсистемы: а) значения размерности: малый — средний — большой (*микрорельеф — мезорельеф — макрорельеф, мини-автобус, макромолекула, микродоза, макси-пальто*); б) значения, отражающие отношение к целостности объекта: единый, нечленимый объект (*моноблок, монокристалл, монорельс*), половина, вычленяемая из целого (*полведро, полдома, полкуска, полквартиры*); в) значения, отражающие степень проявления чего-либо: незначительная степень проявления (*полгоря, микроинфаркт, прожельть*), неполнота, недостаточность действия (*недовложение, недозакладка*), максимальная степень проявления (*раскрасавец, сверхоптимизм, суперинфекция, макрокоррозия, ультра-реакционер, архиплут, всемогущество*).

Итак, по функционально-семантическому содержанию МПМ значительно отличаются от модификационных значений суффиксов существительных, и, за редким исключением, их значения не пересекаются. Это обусловлено тем, что модификационные значения суффиксов, как правило, соотносятся с ФСП с предметным ядром, а модификационные значения префиксов, префиксоидов и конфиксов связаны с ФСП, в центре которых находятся грамматические категории не существительных, а других частей речи — глагола и прилагательного (категории вида, времени, залога, степеней сравнения). Модификационные значения препозитивных морфем выявляют скрытую предикативность субстантивов и свидетельствуют о развитии вторичного эволюционного пласта в морфологии имен существительных. Эта «вторичная» морфология отличается от «первичной» не только функционально-семантической ориентацией (предикативной, акциональной), но и структурно. Все предикативно ориентированные модификационные значения существительных выражаются с помощью препозитивных морфем и конфиксов, в то время как первичная морфология существительных связана

с постпозитивными морфемами — суффиксами и флексиями. Структурно-типологические особенности МПМ требуют специального изучения.

¹ Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1981. С. 20.

² См.: Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 302—303, 161; Цейтлин Р. М. К вопросу о значениях применной приставки *па-* в славянских языках // Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1954. Т. 9. С. 205; Лопатин В. В. Об именном префиксе *пра-* в русском языке // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 245.

³ См.: Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 265.

⁴ См.: Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Там же. С. 42.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Там же.

⁹ Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.

¹⁰ Бондарко А. В. Указ. раб. С. 41.

Т. Г. МИХАЛЬЧУК

**ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПОВТОРА
ЧУЖОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ
СО ЗНАЧЕНИЕМ СОГЛАСИЯ-НЕСОГЛАСИЯ
И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 20-Х ГОДОВ**

Согласие-несогласие (СН) в русском языке передается различными способами. Первый способ заключается в повторе «подтверждаемого» или «отрицаемого» вслед за собеседником с использованием модального переключателя¹. Форма высказывания СН создается с учетом функции и формы исходной реплики.

Непринужденный разговор почти всегда включает в себя повтор как конструктивный элемент диалога. Н. Ю. Шведова выделила 12 основных лексико-семантических типов реплик-повторов, среди которых: собственно повторы, не осложненные никакими добавочными словесными элементами; повторы с наречными частицами (**зачем, прямо уж**), с местоименными частицами, с союзными частицами и др.²

Повтор чужого высказывания бывает полным и неполным. Полный повтор — сравнительно редкое явление. Он используется для передачи дополнительной коммуникативно-стилистической функции, а также является признаком официального общения.

Приведем примеры полного повтора-согласия (безапелляционного согласия): (Председатель:) Скажи курьеру, чтобы за ним следом шел, до самого дома довел.— (Матрос:) **Есть до самого дома!** (В. Билль-Белоцерковский. Штурм). Ср. полный повтор с шутливым оттенком: (Татьяна:) Ксения! Придержи язык!— (Ксения:) **Есть! Приказано удержать язык!** (Б. Лавренев. Разлом).

В художественных произведениях полный повтор используется для усиления акцентирования мысли, категоричности, эмоциональности высказывания, например: (Первый голос:) Значит, вы не родня Карлу Марксу? — (Горностаев:) **Нет, не родня Карлу Марксу** (К. Тренев. Любовь Яровая). (Любовь:) Вам лучше знать.— (Панова:) **Нет, уж вам лучше знать** (там же).

Ввиду действующей тенденции к экономии речи чаще используется неполный повтор, т. е. говорящий в ответной реплике ограничивается повтором лишь коммуникативно-значимой части подтверждаемого или отрицаемого. Энергичен сокращенный повтор, построенный на интенсификаторах или акцентуаторах, например:— Ну, этих ведь мало? — **Мало.**

Да вредный они народ (Дм. Фурманов. Мятёж).— Так ли я говорю, дети?— **Так** (М. Горький. Как я учился).

Краткость повтора хорошо гармонировала с тенденцией к краткости, отрывистости художественной речи. Характеризуя стиль прозы 20-х годов, А. Толстой писал: «В тот период развития литературы (1922—1923 гг.) была в моде так называемая «рубленая проза». Многие пишущие люди говорили: произведение будет динамическим, если писать короткими фразами в 3—4 слова»³.

Представляет интерес повтор чужого высказывания в вопросительной форме. В повтор-несогласие входит, во-первых, **«чистый» повтор, т. е. вопрос-несогласие, не предполагающий ответа**, поскольку... «риторический вопрос ответа не требует — он выражается самим содержанием риторического вопроса, являющимся эмоционально-экспрессивным утверждением (отрицанием)»⁴. Например: (Хрущ:) Не свистать!— (Мазахин:) **А кто свистит?** Я потихоньку (К. Тренев. Любовь Яровая).— Собрали бы вот да на платье бархатно выменяли, а то на шелково, а?— **Куды мне шелка?** Скука (Вс. Иванов. Лога). Здесь вопросительные местоимения, частицы являются модальными переключателями. Используются в качестве модальных переключателей **разве, неужели, нечто, чего, где ж, кто, куда** и пр. Л. Ф. Бердник отмечает: «Риторические вопросительные предложения обычно характеризуются как особый стилистический прием, служащий для украшения речи, для экспрессивности высказывания»⁵.

Распространен и **вопрос-переспрос на уточнение, формально предполагающий ответ**. В его составе имеется вопросительное местоимение, например:— Гражданин Копай,— сказал спокойно, немного даже весело,— ваши лодки мобилизуются на сегодняшний день...— **То ись как мобилизуются?** — глухо проворчал лавочник (А. Фадеев. Разлив.) (Панова:) Красных люблю.— (Кошкин:) Гм... **За что же это вам красных любить?** Кажись, не нашего вы поля? (К. Тренев. Любовь Яровая). А хозяин держится индифферентно — ваньку валяет.— С вас, говорит, за скушанные четыре штуки столько-то.— **Как, говорю, за четыре?** Когда четвертое в блюде находится (М. Зощенко. Аристократка).

В особую группу можно выделить **вопрос «на уточнение», но как междометное выражение неудовольствия, раздражения, резкого протеста, запрета, например:** (Сторож:) Не велено пущать.— (Автор:) **Как—не велено? Почему не велено?** (Ю. Юрьин. Агитпьеса). (Дунька:) Теперь все народное.— (Марья:) **Какое же оно народное, когда под руками аж лопнуло?** Сымай зараз, кобыла! (К. Тренев. Любовь Яровая).

Ю. М. Скребнев справедливо указывает: «Эмоциональный повтор-переспрос, выражающий несогласие с высказыванием собеседника, следует отличать от неэмоционального повтора-переспроса, который **различается в двух видах:** 1. переспрос, не сопровождающийся никаким положительным утверждением, т. е. подлинный переспрос, вызванный либо неполным пониманием услышанного вопроса, либо желанием выиграть время для обдумывания ответа; 2. переспрос, сопровождающийся дополнительным высказыванием, т. е., в сущности, мнимый переспрос: — Аню Иващенко помнишь? — Аню Иващенко? Где она?»⁶

Часто используется также и повтор-согласие в форме вопроса, например:— Ну, а с детьми как? Поди трудно? — **Как не трудно?** Не то работу делай, не то за детьми гляди,— хочь раздерись (А. Серафимович. Бабыя деревня).— В Нели-то скажи отцу, чтоб наведалься. Придавило мол. (Монах:)— **Скажу, зачем не сказать?** (Л. Леонов. Гибель Егорушки).

Конструкция такова: вопросительное местоимение + наречие + частица **не** (выступает в качестве модального переключателя) + повтор + интонация. (**Что же это как не** + сущ. в им. п.; **а то разве не** + сущ. в им. п.; **отчего же не** + инф.; **как не** + П; **что же тут не** + П; **кому же мне** + гл. в инфинитиве; **если не** + П (сущ. в д. п.); **П + зачем не** + П?). В этих конструкциях мы наблюдаем согласие («аффирмацию»),

конструктивно воплощенное в виде двойной негации (двойного модального переключателя).

Традиционно под двойной негацией понимаются исторически сложившиеся составные формы отрицания типа **никто не пришел**⁷. Такие формы оправдывают название двойной негации лишь исторически, так как в языке нет противопоставленной ему «одинарной» негации (типа, например, **никто пришел**). В формах же вопроса «согласия» мы встречаем сложение форм, каждая из которых по отдельности выражает «отрицание». **Ты ушел?** (утв.); **разве ты ушел?** (отрицание-несогласие); **разве ты не ушел?** (двойное отрицание-согласие). Из примеров должно быть лишний раз видно, что частица **не** и ее эквиваленты в русском языке имеют в основе не модальное значение («отрицания» или несогласия), а лексико-семантическое («переключение» лексического значения слова в составе высказывания на противоположное), почему их точнее называть семантическим переключателем (а в условиях конструкции СН модальным переключателем).

При повторе СН в качестве модального переключателя самостоятельно или в сочетании с другими лексико-грамматическими показателями может выступать интонация, особенно отрицательная: недоверия, возмущения, раздражения, гнева, презрения, иронии. Например: — **Может быть, он не знал, что вы хорошо понимаете в военном деле?** — **Господи, не знал!** Да все об этом знают, спросите у любого (А. Фадеев. Разгром). — **Вы грамотная?** — **Какая там грамота!** (А. Фадеев. Последний из Удэге).

Драматургами на базе повтора-несогласия воспроизводится речь собеседника в целях ее передразнивания, например: — Я же тебе сама и наловила их после. — **Наловила!** Те были ученые, которых задавила... (М. Горький. Страсти-Мордасти). — Что ты ворчишь? — **Возражаю я.** — Не ехал бы. — **Не еха-а-ал!!** А что я буду в Лебяжьем делать? Твои братцы «кошмеды» мне надоели, поглядел я на них — **будет!** (Вс. Иванов. По Иртышу).

Часто используется повтор СН с различными модальными оттенками, например, повтор с модальным значением **возможности, реализации**: — Что же, тяжело и теперь? — **Как же не тяжело, в огне** (А. Серафимович. В огне). Ср.: повтор с модальным оттенком **неопределенной достоверности**: — Значит, дружбы нет? — задаю ему острый вопрос. — **Оно не то чтобы нет, а не то чтобы есть** — разводит Климыч мудрейшую непонятную философию (А. Фурманов. Мятеж).

Повтору в речи эквивалентны **антонимические** замены, например: (Фольгин:) Но я всю жизнь мечтал о конституции. — (Малинин:) **А я всю жизнь боролся с конституцией.** (Любовь:) Но ты мало видел. — (Яровой:) О, как много! (К. Тренев. Любовь Яровая).

На базе первого способа СН образуется **синонимический повтор** с различными экспрессивно-смысловыми оттенками. Синонимы используются для стилизации передачи речевых особенностей простого народа. Синонимический повтор позволяет говорящему также выражать дополнительные содержательные и экспрессивно-эмоциональные оттенки, передает коммуникативно-речевую независимость отвечающего, вносит в речь творческий момент. Например: — **Сожгли?** — **Спалили,** просто ответил Селезнев, вынимая кисет (Вс. Иванов. Партизаны). — **А собак у вас много?** — **Собак — хватает,** да они незлые (А. Фадеев. Разгром).

В художественных произведениях 20-х годов повтор выполняет и другие стилистические функции. Он используется писателями для экспрессивного отрицающего **сравнения и противопоставления**, например: — Но вы все-таки инженер или не инженер? — улынулась Лена. — **Такой же инженер, как вы, извиняюсь, паровозный машинист,** — весело поблескивая глазками, ответил Чуркин (А. Фадеев. Последний из Удэге). — **Море! Ах, море! Вот оно, море! Ничего я не люблю так, как море!** — **Кашу больше любишь, поди,** — заметил спокойно Гаврила Лукич (Дм. Фурманов. Морские берега).

Первый способ выражения СН обусловлен в своей реальной форме лексико-грамматическим построением исходной реплики. Такое условие делает невозможным предварительную подготовку форм этого способа. То же условие (мгновенность словесной реакции на чужую речь и принципы опоры на чужую речь) характерно для каламбура: «Анекдот и афоризм можно приготовить заранее и преподнести в надлежащий момент. Каламбур же не может быть приготовлен заранее. Он — мгновенная реакция на слово собеседника. Упущен момент — и игра слов уже становится невозможной. Вот почему контекст играет в создании каламбура огромную роль»⁸.

Таким образом, контекст конструкции СН является типичной функционально-синтаксической рамкой для каламбура. У К. Тренева, Л. Сейфулиной, Б. Ромашова, М. Шолохова, А. Фадеева, А. Неверова, А. Чапыгина и др. писателей в основу построения каламбуров кладется полисемия, омонимия, антонимия. Одним из приемов создания каламбуров — яркой языковой характеристики 20-х годов — является народная этимология (сближение двух слов, не связанных происхождением, но имеющих звуковое подобие). К каламбурам, построенным на народной этимологии, близки каламбуры, вызванные звуковой ассоциацией. Чаще всего она выражается рифмой, почти абсолютной. Приведем примеры разных способов построения каламбуров:

а) использование полисемии (многозначности слова).— Не хочу брать у тебя последнее.— **Последняя у попа попадья**,— уже мягче сказал Политов (М. Шолохов. Пастух).— Ну, тогда собирай свои монетки, ночью дождь будет.— Ясное дело,— подтвердил Жмыхов.— **Не ясное, а хмарное**,— пошутил Стрюк (А. Фадеев. Разлив);

б) использование омонимии:— Каркаешь? Слюни разводишь? — Я к примеру говорю.— **Никакого примера не надо, без примера примерим** (А. Неверов. Гуси-лебеди). (Елисатов:) Либо в Москве Россию, либо в Париже вас, мою единую и неделимую.— (Панова:) **Не знаю, что вы получите в Москве или Париже, а здесь вы можете получить пощечину, и не единую** (К. Тренев. Любовь Яровая);

в) использование антонимии: (Яровой:) О каком это вы утверждении говорили? — (Панова:) **Об утверждении? Едва ли. Кроме взаимного отрицания у нас с вашей женой ничего нет** (К. Тренев. Любовь Яровая);

г) подхват народной этимологии — В Совет, Ньюраша, выбрали. Вот гляди! Пропечатали: «Александр Елизарович Македонский». То есть надо бы Евдокимович, так отпечатка вышла.— «Отпечатка!» Гляди, **как бы на загривок отпечатки не сделали** (Л. Сейфулина. Александр Македонский);

д) использование звуковой ассоциации слов:— Я первый стрелил — зверь лег! — **Оно и лег, да улег!** (А. Чапыгин. Люди с озер).

— Что, Егор, нарвался? — **Нарвался, да не порвался**,— ловко увернулся коротконогий Егор, потирая колени (А. Неверов. Гуси-лебеди). (Любовь:) Не дадите?.. Э, Иуда! — (Чир:) Не Иуда, а Иов — имя мое священное (К. Тренев. Любовь Яровая);

е) шутливое или ироническое переосмысление фразеологизмов. Интересными являются диалоги, в которых первая реплика представляет собой фразеологизм (утверждение, пожелание, оценку), а последующая — несогласие. Возникает перестройка фразеологизма, данного в исходной реплике, в реплике СН. Тем самым создается художественный эффект, например:— Спасай Вас бог! — закричали на берегу.— **Сами спасемся**,— проворчал под нос Горовой (А. Фадеев. Разлив).— Да каким чертом тебя сюда из Иваново-Вознесенска принесло? Степенко поправил: — **Не чертом, а поездом** (Л. Сейфулина. Правонарушители);

ж) рифмованные каламбуры. Встречается повтор с распространением, дающим ироническое переосмысление. Повтор «скрепляется» с распространяющей частью рифмой, изменение мысли собеседника внешне маскируется. Следующие каламбуры основаны на параллельном по-

строении фразеологизмов: (Излезна:). Не видють, как сирота плачет, а видють, как скачет.— (Старик:) Сирота-а! Не пролезет в ворота! (А. Се-
рафимович. Марьяна).— Столяры да плотники от бога прокляты, за то
они прокляты, что много лесу перевели. Натирая нитку мелом, Беспа-
лых ответил:— Кабы не клин да не мох, так бы и плотник издох!
(Вс. Иванов. Партизаны).

Повтор — многофункциональное явление русской диалогической ре-
чи, которое требует дальнейшего всестороннего изучения.

¹ См.: Озаровский О. В. Способы выражения согласия-несогласия в русском языке // Русский язык в национальной школе. 1974. № 6.

² См.: Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи: Реплики-повто-
ры // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 70.

³ Толстой А. Литература и жизнь. М., 1939. С. 150.

⁴ Шердакова Л. Н. Риторический вопрос в языке произведений В. И. Лени-
на // Русский язык в школе. 1972. № 2. С. 83.

⁵ Бердник Л. Ф. О семантике вопросительных предложений // Проблемы грам-
матической семантики. Ростов-н-Д., 1978. С. 30.

⁶ Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985. С. 158.

⁷ См.: Кржижкова Е. К вопросу о так называемой двойной негации в славян-
ских языках // Slavica. Praha, 1968. Вып. XXVII.

⁸ Мокниенко В. М. Каламбурь у Горького // Русская речь. 1968. № 2. С. 32.

НГУЕН ВАН ТХАНЬ (СРВ)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С НОМИНАТИВАМИ КАЧЕСТВА

Языковые средства, выражающие субъект и предикат мысли, в рус-
ском языке весьма разнообразны. Для синтаксистов, изучающих предло-
жение с точки зрения его смысла, его обобщенного информативного со-
держания, имеет решающее значение противопоставление классов имен
конкретно-предметного значения или слов предметной и пропозитивной
(событийной, признаковой) семантики.

Исследование языкового материала показывает, что на семантику
предложения большое влияние оказывают разные категориально-семан-
тические подклассы компонентов структуры. Например, разные группы
существительных по-разному проявляют себя в синтаксисе, и это зависит
прежде всего от их значений. Так, имена — названия лиц (*студент, па-
харь, каменищик*) преимущественно будут встречаться в позиции агента,
действующего лица, субъекта или субъекта — носителя признака, со-
стояния.

Имена предметов (*камень, книга, цветы*) чаще всего будут называть
те предметы, которые становятся объектами человеческой деятельности.
Если имя неодушевленного предмета в именительном падеже оказывае-
тся в позиции подлежащего, то оно не обозначает деятеля, потому что
предмет лишен способности действовать, в такой позиции имя предмета
выступает как имя носителя признака (*Камень мокрый. Книга в кожаном
переплете*). В предложениях, где с этими именами сопрягается гла-
гол-сказуемое, тоже нет сообщения о действии: глагол сообщает либо о
наличии, существовании предмета (*Солнце светит*), либо о предназна-
ченном функционировании предмета (*Часы идут. Станок работает*), ли-
бо о состоянии (*Картина висит*). Имя предмета в именительном падеже
может обозначать и орудие — каузатор действия (*Камень разбил окно*).
Предложения *Камень разбил окно* и *Мальчик разбил окно* не представ-
ляют собой идентичной структуры. Различие в семантике этих предложе-
ний вытекает из различия в составе их компонентов: имя субъекта и имя
орудия.

Имена отвлеченного значения вообще не могут обозначать деятеля,
субъекта. Они сами обозначают действия, состояния, признаки. Чтобы
синтаксически реализовать свои значения, эти слова должны сочетаться

в тех или иных моделях либо с названием субъекта — носителя признака, состояния (*Он в волнении. Его отличает доброта*), либо в значении причины, каузирующей другое состояние, действие, качество (*Красный от волнения. Подозрителен от ревности*)¹.

Из наблюдений над материалом можно прийти к выводу, что принадлежность слова к категориально-семантическим классам определяет его семантико-синтаксические назначения, ролевые позиции, которые оно, облеченное в соответствующую грамматическую форму, способно занять в тех или иных моделях предложения.

Изучая соотношение семантических и синтаксических признаков в тех или иных категориях слов, замечаем, что это соотношение различно в разных подклассах частей речи. Например, в именах существительных конкретно-предметного значения эти дифференциальные признаки находятся между собой в согласии, в равновесии: предметному значению соответствуют и категории, и функции. В именах с отвлеченным значением эти признаки вступают в противоречие, равновесие нарушается: значения действия, состояния, качества, выражаемые этими именами, не соответствуют общему категориальному значению предметности, но подчиняются ему, принимая морфологические формы предметного имени, становясь «опредмеченным наименованием» все же действия, состояния, качества.

В данной статье рассматривается один из подклассов существительных — отвлеченные имена со значением качества в именительном падеже. Наблюдая за функционированием этого подкласса имен существительных, мы опирались на совокупность семантических признаков компонентов и таким образом определяли, в каких типах синтаксических конструкций участвуют имена качества, какие типы моделей они организуют.

Грамматика-80 отмечает, что среди существительных некоторые слова обладают вторичным значением носителя признака, конкретизирующимся применительно к человеку (*личность, индивидуальность*), месту, пространству (*окрестность, окружность*), собирательному понятию (*юность, растительность*), веществу, продукту (*жидкость, копченость*), вообще вещи, явлению (*новость, редкость*). У многих слов этого типа отмечено значение подвижного количественного признака, поддающегося измерению². Все эти семантические различия, как свидетельствуют языковые факты, обнаруживаются и в синтаксическом функционировании соответствующих имен существительных.

Языковой материал, взятый нами из журналов, газет, художественных произведений, составляет 200 предложений. Каждое из них рассматривается, анализируется на двух уровнях: структурной схемы и пропозиции. Наши примеры показывают, что отвлеченное имя в именительном падеже может выполнять разную семантическую роль. Из наших примеров мы выделяем 5 групп, в которых отвлеченные имена существительных отличаются между собой по пропозиции.

1. Предложения, в которых отвлеченное имя качества обозначает состояние, признак субъекта: *В смертельной схватке с барсом раскрывается смелость, сила духа, готовность юноши к борьбе. Материал отличает эластичность. Меня переполняет огромная гордость. Сестрой овладела тревога*. В этих предложениях отвлеченное имя качества обозначает предикативный признак субъекта. Чтобы реализовать свое основное семантическое значение — значение признака, состояния, отвлеченное имя качества участвует прежде всего в таких специальных моделях, где оно соотносится с именем предмета — носителя признака. Здесь обнаруживается большая группа предложений, семантика модели которых представляет соотнесенность содержащего и содержимого: признак и сфера его проявления. Предмет — носитель признака, вместилище — оформляется косвенными падежами, признак (эмоциональное состояние) как содержимое оформляется именительным падежом, их сопряжение подкрепляется глаголами наличия, проявления, чувства. Возможны и безглаголь-

ные конструкции: *На лице ее появилась неподвижность и важность. Во взгляде ее нежность. В его жизни появилась новая радость.*

В особую группу выделяются предложения, где подчеркивается количественное изменение состояния, признака, понятия, выраженного отвлеченным именем качества. Здесь глагольный предикат при имени качества сообщает об изменении степени состояния, признака, понятия: *Вот и утихли во мне озорство и бедовость. Значительно выросла урожайность суходольных культур. Продуктивность выведенных ими сортов и гибридов достигает высокого уровня.*

Регулярные структурно-семантические модификации, выражающие модальные отношения между носителем признака и признаком, передаются специальными конструкциями с модальным словом НУЖНО, НЕОБХОДИМО, а также другими средствами: *В наши дни скромность, уважительное отношение к людям особенно нужны руководителю коллектива. Честь и долг характерны для семьи Болконских, доброта и радушие — для семьи Ростовых. Не используются возможности внешкольных учреждений...*

2. Предложения, в которых имя качества выполняет роль каузатора. Это самая большая группа: она составляет более 40 % исследуемых единиц. Реализация этого семантического значения в различных моделях очень разнообразна. Имена качества, по сути дела, не способны обозначать субъект — агенс действия. Своим существованием они могут оказывать то или иное воздействие на другие предметы, каузировать реакцию лица, вызывать какое-то действие, состояние, те или иные изменения в другом предмете.

Находясь в именительном падеже, имя качества обычно становится указателем причины, каузатором действия (*Организованность и стойкость индейцев вынудили официальный Вашингтон пойти на уступки*); признака предмета (*Их целеустремленность придает глубину переживаниям*); состояния, эмоциональной реакции лица (*Меня особенно поразила чистота и глубина неба*); количественных изменений (*Ограниченность в средствах и колониальные порядки сократили возможность выбора дальнейшего пути*).

Имя качества в роли каузатора как бы нейтрализует в себе атрибутивные и предикативные отношения между именем предмета и именем признака, состояния: в состав каузатора входят агенс — носитель признака, состояния и признак, состояние, например: *Осторожность депутатов не удивила нас.*

3. Предложения, в которых имя качества обозначает не признак, состояние, а понятие, явление, категорию. Это значение сохраняет характер отвлеченности. Например: *Сегодняшние трудности станут всего лишь воспоминанием. Стабильность директорского корпуса — очень важное слагаемое в работе.* В таких моделях понятия, выраженные именами качества, подлежат логической квалификации или логическому соотношению с другими понятиями.

4. Предложения, в которых имя качества обозначает объект действия, восприятия. Например: *Деду вспомнилась молодость. Возможность сдвига к лучшему замечалась всеми.* Глагол — предикативный признак — в этих моделях образуется при помощи присоединительной частицы -ся к переходным глаголам. Если предикативный признак — глагол восприятия, то субъект представлен как пассивный.

5. Предложения, в которых имя качества выполняет роль субъекта — носителя признака, состояния. Здесь эти имена употребляются в составе олицетворения, метафоры: *И резвая задумается младость. Молодость интересуется жизнь вокруг, старость — жизнь в самом человеке.*

Итак, предельно полный обзор конструкций, в которых одним из организуемых компонентов предикативной основы является имя качества, отражает наиболее характерные модели употребления имен качества и их функции, а также спектр семантических значений этого подкласса существительных.

Семантика имен качества, с одной стороны, определяет их синтаксические свойства. Для реализации каждого семантического значения имеется своя модель, выполняющая определенную функцию, например, для соотнесения их с именем предмета, для сообщения об их каузативной роли, для сообщения о причинно-следственной соотнесенности разных признаков между собой и т. д.

С другой стороны, семантические и синтаксические признаки у этого подкласса имен существительных чаще могут расходиться: эти признаки вступают в противоречие, равновесие нарушается³.

Семантический анализ простых предложений, необходимый для понимания информативного содержания предложения, особенно важен для контрастивного описания языков и преподавания русского языка как иностранного.

¹ См.: Шмелев Д. Н. Синтаксическая членность высказывания в современном русском языке. М., 1976.

² См.: Русская грамматика. 1980. Т. 1. С. 462.

³ См. также: Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М., 1988.

И. Н. СОФРОНОВА

ИДИОСТИЛЬ КАК ПРОБЛЕМА ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ

Идиостиль любого национального писателя неизбежно реализует в себе не только собственно языковые, но и общекультурные особенности того этнического ареала, в который входит данный писатель как языковая личность. Обращение лингвистической мысли к языковой личности не является случайным, а имеет эволюционно-гносеологические и конкретно-аналитические предпосылки¹. Вопрос о языке писателя стоял, в частности, в центре лингвистической концепции К. Фосслера, рассматривавшего язык как продукт индивидуального творчества². В силу субъективизма своего метода исследования глава школы эстетического идеализма постулировал лишь факт творческого самовыражения индивида, создающего тексты на языке в той или иной форме. Такая концепция творческой личности оказалась односторонней, поскольку в своем стремлении решить проблему «писатель — текст» не учитывала соотношения «текст — читатель».

Любой текст можно считать условно открытой структурой, получающей завершение лишь в процессе ее восприятия соответствующим адресатом. В частности, текст литературно-художественного произведения полностью завершается после прочтения его читателем. Таким образом, процесс художественной коммуникации, выступающий как триада «писатель — текст — читатель», предполагает *n* прочтений художественного текста в зависимости от количества читателей. Включение читателя в исследование языка художественной литературы характерно для трудов В. В. Виноградова, которому принадлежит особая роль в возрождении интереса к языковой личности в отечественной филологии³.

Идеи В. В. Виноградова в настоящее время активно развивает в своих работах Ю. Н. Караулов, который обращается к проблеме соотношения автора и читателя в процессе художественной коммуникации, решая вопрос о роли прецедентных текстов в структуре языковой личности⁴. При этом результаты ментальной деятельности человечества, объективированные в художественном тексте в виде цитат, эпиграфов и различного типа аллюзий, становятся основой для рассуждений о сферах автора и читателя и их взаимодействии в процессе художественной рецепции. Обращение к тем или иным прецедентным текстам позволяет судить о широте тезауруса автора, а их выявление и осмысление в новом контексте зависит от широты тезауруса читателя. В то же время «знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее

культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры»⁵. Таким образом, глубина прочтения произведения в целом зависит от степени совпадения тезаурусов автора и читателя. Именно поэтому для исследований языка художественной литературы особенно важна прагматическая направленность, учитывающая интересы читателя и способствующая успеху художественной коммуникации, когда осуществляется подлинное сотворчество автора и читателя. При этом постижение творческой личности писателя в полной мере происходит в процессе продуманного филологического чтения.

Поскольку за каждым текстом стоит определенная языковая личность, владеющая соответствующей системой языка (Ю. Н. Караулов), идиостиль писателя-билингва всегда отличается включением культурного компонента, принадлежащего другому языковому коллективу, вследствие чего художественный текст такого автора можно представить в виде многослойной структуры, организация которой усложнена особым полем, где взаимодействуют различные культурные парадигмы. При этом характер сочетания элементов двух национальных культур на фоне традиций мировой общечеловеческой культуры в творчестве одного писателя выявляет как объем авторского тезауруса, так и важнейшие глубинные показатели идиостиля.

Все это следует учитывать в практической работе с художественными текстами писателей-билингвов на русском языке, особенно в иностранной аудитории. Сама по себе специфика восприятия текста на неродном языке обусловлена различием пресуппозиций — и шире — тезаурусов автора и читателя, которое определяется прежде всего социально-историческими чертами национальных культур. Информационное неравенство, порожденное недостатком страноведческих фоновых знаний, значительно затрудняет восприятие текста иностранным читателем, а отсутствие таких знаний либо ведет к переосмыслению текста в соответствии со своей культурной традицией, либо делает художественное восприятие невозможным. Если воспринимаемый текст на русском языке принадлежит писателю-билингву, то иностранный читатель одновременно включается как минимум в две неизвестные ему культурные парадигмы, что еще больше осложняет процесс художественной коммуникации, увеличивая информационное неравенство автора и читателя. Для того чтобы облегчить восприятие таких текстов, необходимо помочь читателю-иностранцу (как, впрочем, и носителю языка) проникнуть в пресуппозицию автора, что можно осуществить на основе знакомства с затекстом произведения до момента его восприятия. При этом следует дать предварительные сведения об авторе и используемом им методе художественного воспроизведения действительности, о теме произведения и его героях, о форме и композиции текста, а главное — об основных чертах тех национальных культур, к которым принадлежит творчество рассматриваемого писателя-билингва.

Так, например, национальное творчество на русском языке обусловило специфику идиостиля белорусского писателя А. Адамовича, поскольку «русский язык у национального писателя способствует формированию новых художественных приемов... что иногда ведет к преодолению и трансформированию задач, стоящих перед автором»⁶. Однако историческое родство русской и белорусской культур определило не трансформацию национальной традиции в творчестве А. Адамовича, а ее органическое слияние, взаимодействие с русской традицией в русле мировой духовной культуры.

А. Адамович свободно оперирует понятиями различных культурных парадигм, выстраивая их в единый смысловой ряд. Такое обращение к общечеловеческим духовным ценностям нашло наиболее яркое художественное выражение в его повестях «Каратели» и «Последняя пастораль», где широко используются историко-документальные, филологические и библейские цитаты и аллюзии, а также содержательные в культурно-смысловом отношении эпиграфы. При этом заметной особенностью твор-

ческого почерка писателя становится опора на документ, имеющая истоки в белорусской национальной традиции («Комаровская хроника» М. Горещкого)⁷. В то же время введение документальных сведений в ткань художественного произведения характерно и для русской литературы, например, для творчества Ф. М. Достоевского⁸. Опора на традиции двух национальных литератур позволила А. Адамовичу создать особый тип текста, отличающий идиостиль писателя, — смешанный или художественно-документальный, одновременно имеющий публицистическую окраску.

Идиостиль А. Адамовича отличается ассоциативностью, что связано с особым характером аллюзий, которые способны создавать широкие ассоциативные поля, втягивающие в себя эпиграфы и цитаты. Поэтому анализ текстов А. Адамовича в иностранной аудитории требует кропотливой работы над «чужим словом», которому соответствуют различные культурные контексты. Например, в «Последней пасторали» только на уровне эпиграфов трижды актуализируются смыслы, связанные с концептуально значимой идеей автора о ненасилии и несколько трансформируемые в зависимости от того культурного контекста, к которому принадлежит текст-источник эпиграфа. Хронотоп (пространственно-временной континуум) текста отражает истоки и развитие мысли о непричинении вреда человеку человеком от древнеиндийской ахимсы к христианскому «не убивай» и гражданскому неповиновению Г. Торо, чье имя вызывает ассоциации с непотворением злу Л. Толстого и движением «Сатьяграха» М. Ганди. Происходит пересечение различных ассоциативных полей, центрами которых выступают соответствующие эпиграфы из библейских и древнеиндийских текстов, а также произведения Г. Торо. Такая удивительная любовь к миру и человеку, пронизывающая все произведения А. Адамовича, соответствует и русской культурной традиции, так как нравственные идеалы Древней Руси помогали русскому народу «смотреть на мир и действовать с любовью и добротой к людям, отвращаясь от всякого насилия»⁹.

В целом активное обращение к культурному опыту человечества посредством введения библейских, мифологических, литературных цитат и аллюзий, а также при помощи включения в текст соответствующих эпиграфов придало последним произведениям А. Адамовича характер притчи, что позволило писателю проанализировать события современной истории на фоне всеобщей истории человечества, осуществляя связь эпох и культур. Следует также подчеркнуть, что наличие различных культурных парадигм в тезаурусе автора является основой глубокого вертикального контекста его произведений.

Идиостиль А. Адамовича позволяет говорить о высокой художественной культуре автора, отражающей триединство национального, русского и общечеловеческого элементов в тезаурусе писателя, при котором «понятие национального духовного достояния, родного для писателя, выступает в неразрывной связи с духовным миром иной нации»¹⁰ и культурным наследием всего человечества.

Таким образом, в практической работе над художественным произведением необходимо учитывать, что генетическая природа, выбор и соотношение элементов текстовой структуры определяются особенностями тезауруса писателя, вследствие чего национальное творчество на русском языке имеет свою специфику в характере средств художественного выражения. Именно поэтому «проблема языковых особенностей произведений писателей национальных литератур (прежде всего в тех случаях, когда писатель сам создает текст на русском языке) является и лингвострановедческой проблемой»¹¹.

⁷ См.: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

⁸ См.: Фосслер К. Позитивизм и идеализм в языкознании // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч. I; Звегинцев В. А. Эстетический идеализм в языкознании. М., 1956.

- ³ См.: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. С. 27 и далее.
⁴ См.: Караулов Ю. Н. Из опыта реконструкции языковой личности // Литература. Язык. Культура. М., 1986; Он же. Русский язык и языковая личность.
⁵ Там же. С. 216.
⁶ Михайловская Н. Г. О проблемах художественно-литературного двуязычия // Вопросы языкознания. 1979. № 2. С. 63.
⁷ См.: Дедков И. Обновленное зрение. М., 1988. С. 218.
⁸ См.: Холшевников В. Е. О литературных цитатах у Достоевского // Вестник ЛГУ. Сер. истор., яз. и литерат. 1960. Вып. 2. № 8. С. 136.
⁹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1984. С. 37.
¹⁰ Михайловская Н. Г. О проблемах художественно-литературного двуязычия. С. 62.
¹¹ Кулибина Н. В. Методика лингвострановедческой работы над художественным текстом. М., 1988. С. 31.

Н. П. АНТРОПОВ, И. М. СУХОВИЦКАЯ
ЭТИМОЛОГО-ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
К НЕКОТОРЫМ ТЕРМИНАМ
СЕРБСКОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Славянский свадебный обряд имеет богатую терминологическую систему. Ее разветвленность достаточно показательна: она свидетельствует о древности свадебного обряда и практически полном отсутствии запретов на номинации тех или иных обрядовых действий или участников — свадебных чинов (в отличие, например, от погребального).

Традиционная сербская свадьба разыгрывается как спектакль, в котором «каждый имеет свое имя и должность сватовскую знает» (Вук Караджич). Терминологические сетки свадеб различных ареальных образований Сербии частично совпадают. Как указывает Н. Бегович в монографии, посвященной жизни и обычаям сербов-границар, свадебные обычаи у целого народа различны в проведении, но в основе своей они одинаковы, потому что тождественна материя, их составляющая¹. Главные действующие лица: жених и невеста, кум — глава и распорядитель свадьбы, священник, скрепляющий брак. Это ядро, к которому можно добавить еще несколько чинов, обязательно присутствующих на сербском свадебном торжестве — **првенец**, **стари сват**, **дјевер**, **барјактар** (знаменосец). Кроме того, можно выделить определенные этапы свадебного обряда, зафиксированные и в Воеводине, и в Западной Сербии, и по течению Моравы: сватовство, сговор, обмен дарами, венчание, хождение молодой по воду. Однако, анализируя сербские этнографические сборники, можно обнаружить реалии и лексику, соответствующие лишь определенным районам Сербии. Существенные различия в свадебном обряде наблюдаются даже в близко расположенных этнокультурных ареалах (например, район Алексинаца и Лесковца), где для называния персонажей, тождественных по функциям, могут использоваться различные лексемы. Так, в селах к западу от Моравы, четвертый по значению свадебный чин — **воевода**². Им обычно бывает зять от дома жениха, в обязанности которого входит занятие гостей, руководство дарами, объявление приказов. На востоке от Моравы **воеводу** не знают, а схожие функции здесь выполняет **чауш** 'гвардеец; начальник охраны'³. Согласно Л. Мичовичу, **чауш** — это тот среди сватов, кто своими шутками должен привлекать внимание, чтобы уберечь остальных сватов от сглаза⁴. Подобные расхождения достаточно часты. Этимолого-этнолингвистический анализ такой лексики в рамках отдельного славянского лингвоэтнографического фонда неизбежно приводит к соответствующим типологическим параллелям с обрядовой терминологией других славянских народов, что принципиально важно для изучения метаязыка славянской духовной культуры вообще.

В настоящей работе авторы не ставили своей целью охватить всю сербскую свадебную терминологию, имея в виду подробно остановиться на некоторых существенных этнолингвистических единицах.

Любо Мичович в исследовании об обычаях поповцев называет участника свадебного действия, который не упоминается другими исследователями, — **комора** 'юноша, едущий с конем и телегой за приданым невесты'⁵. Когда сваты приближаются к дому невесты, **комора** едет последним, когда же они, получив приданое, возвращаются к дому жениха, тот едет впереди процессии. Прежде чем приступить к анализу этой лексемы, необходимо привести функциональные параллели. Обычай увоза приданого существует в свадебных обрядах всех славянских народов. Во многих районах Сербии приданое забирает деверь; эту же обязанность деверь выполняет и в полесском свадебном обряде. Однако, в тех же районах, где известен **комора**, когда его не было, приданое забирали **рухарице**⁶ (от **рухо** 'приданое') — две девушки из невестиной родни, которые на плечах несут приданое невесты к дому жениха. На полпути их встречают две девушки из дома жениха, которые перекладывают приданое на свои плечи. В селах к западу от Лесковца за приданым отправлялась **китка**; по М. Джорджевичу⁷ — группа ближайшей родни жениха: родители, кум, старший сват, деверь, везущие молодой букет (**киту**) цветов. **Киткой** называлась также повозка, запряженная волами и украшенная (**накипена**) цветами. В эту повозку загружалось все добро невесты и перевозилось в дом жениха. Таким образом, словом **китка** назывались повозка, группа людей, которые на ней ехали, и та миссия, которая ими выполнялась. Подобное разнообразие значений отмечается и в слове **комора**: это и телега, в которой везут приданое, и человек, его везущий.

И. И. Толстой следующим образом переводит слово **комора**: 'палата, камера, военный обоз'. Поучительной представляется история семантического развития лексемы. Сербскохорватский «Речник» приводит ее следующие значения: а) лицо или лица, которые на конях или с повозкой едут за приданым молодой, б) приданое⁸. Однако, судя по всему, эти значения единичны, так как авторы словаря ссылаются в рецептивной части статьи на свидетельство этнографического исследования Л. Мичовича. Загребский академический словарь объясняет этимологию **комора** греч. **χαμαρα** 'свод' (новогреч. и 'комната')⁹. «Древнегреческо-русский словарь» И. Х. Дворецкого дает еще одно значение греческого слова — 'крытая повозка со сводчатым верхом'¹⁰. С этими же значениям **χαμαρα** было заимствовано латинским: **camera**, **camara**. В средние века лат. **camera** расширило семантическую базу, отраженную ныне в романских языках (итал. **cámara**, франц. **chambre**): **conclav**; **cubiculum**; **conclave ubi thesaurus repontur et servantur**; **camera denavium**; in Francia, **fiscus seu thesaurus regius** (комната, опочивальня; комната, где хранилось богатство, казна; во Франции налог или сокровища императора). Слово известно всем славянским, где в литературных языках имеет значение ограниченного пространства, ср. русск. **камера**, **каморка**, чеш. **komora**, польск. **komora**, **camera**. Позднелат. **camera** 'комната, в которой хранилось богатство' развило и иные значения: богатство королевское или государственное, позже — богатство (деньги), принадлежащее какому-нибудь определенному лицу. Далее семантическое поле лексемы включило, кроме названия богатства, еще и того (тех), кто это богатство охраняет и управляет им. С последним значением **camera** в XV веке было заимствовано сербскохорватским языком, где **комора** стало обозначать человека, охраняющего некое богатство. Это значение было, вероятно, редким, локальным и сохранилось лишь в одном этнокультурном ареале в наименовании свадебного чина. Возможно, в данном случае произошло соединение нескольких значений: 'крытая повозка' (ср. **χαμαρα**) и 'богатство' + 'человек, который его охраняет'. Бесспорно, есть основания говорить и о метонимии — переносе значения с объекта на субъект, что нередко в традиционной обрядовой терминологии. Полагая, что приведенный пример хорошо иллюстрирует мысль В. А. Меркуловой о том, что «реконструкция исходного значения в большинстве случаев предопределяет реконструкцию исходной мотивации»¹¹,

Значительно шире, чем **комора**, распространен в Сербии такой свадебный чин, как **долибаша**, которое в СХРС переводится словом «тамада» (с. 96). Л. Мичович сообщает, что и дом невесты, и дом жениха имели каждый своего **долибашу**: «Долибаша — главный в доме, пока свадьба не пройдет»¹². «Речник» приводит два значения слова: 1) почетный гость за столом, выбранный старейшина; 2) тот, кто наливает (**точи**) спиртное и угощает остальных гостей в какой-нибудь компании¹³. Здесь же **долибаша** этимологизируется, причем на турецкой основе: тур. **dolu** 'полный' + **baş** 'старейшина'. Вторая часть слова возражений не вызывает. Этот корень в сербскохорватском встречается довольно часто, нередко в соединении со славянской частью, ср.; например, **девербаша** 'старший деверь на свадьбе'. Однако первая часть (**dolu**), на наш взгляд, не может быть истолкована однозначно, пока не обсуждены возможности ее собственно славянской интерпретации.

В сербскохорватском языке отмечена лексема **долија** со значениями: 1) чаша или другая посуда, из которой пьют; 2) вид угощения во время народных праздников¹⁴. На свадьбе реалья (первое значение) зафиксирована М. Джорджевичем в Лесковачской Мораве¹⁵, где **долија** — это глиняная миска, чаша с вином, на дно которой кладется яблоко, снятое со свадебного пирога. Гости по очереди пьют вино из **долији** и опускают в нее деньги. Когда чаша обойдет стол (софру) по кругу, молодая угостит вином кума, старшего свата и деверя, а молодой в это время движет **софру** три раза к востоку. Когда **софра** сдвинется в третий раз, **стари сват** берет яблоко, режет его на две части и дает половинки молодоженам. Затем **кум** ломает пирог над головами молодых, а **стари сват** берет **долию**, высыпает оттуда деньги и отдает молодым, сосуд же ударяет о какой-нибудь угол и ломает на куски. (Подобное ритуальное битье посуды хорошо известно в свадебных и родинных обрядах всех славянских народов).

Полагаем, что представляется вполне правомерным связать свадебные термины **долија** и **долибаша**, имея в виду еще и глагол праславянского происхождения **долити** 'дополнить, наливая; долить; налить до краев какую-нибудь жидкость'¹⁶. **Долибаша**, судя по этнографическим описаниям, — как раз человек, в течение всей свадьбы следящий за тем, чтобы у гостей была полная чаша (**долија**) и постоянно подливающий вино или ракию (ср. аналогичную функцию у русского (редко — белорусского) свадебного чина — чашника). Таким образом, не представляется невероятным, что первая часть анализируемого слова является по происхождению славянской. Это тем более реально, что **долибаша** вовсе не был «полным» старейшиной свадьбы, как следует из значения предполагаемого турецкого слова, ибо одновременно с ним действовали персонажи, имевшие гораздо более весомый свадебный чин: старший сват, первенец, кум.

Почти все участники сербского свадебного «спектакля» (сваты) были родственниками жениха или невесты. Не случайно общеславянская лексема праславянского характера ***svatъ** связана с местоименной основой ***svo-, sve-** (Фасмер. III, 570). Большое значение в славянских свадебных обрядах имели дядья, кум (духовный родственник) и деверь. В сербской свадьбе деверю отводится весьма значительная роль, впрочем, отчасти сравнимая с его значением в свадебных обрядах иных славян, особенно словацких, полесских (где деверь — старший брат жениха — должен был, судя по вполне ясным, хотя и отрывочным и глухим свидетельствам, производить дефлорацию) и нек. др. Д. Антониевич пишет, что деверь следует по рангу за старостой и кумом, т. е. является третьим свадебным чином¹⁷. **Деверем** может быть брат (сестра) жениха, реже — любой другой родственник.

Общеславянское ***deverъ** восходит к и.-е. ***daiuer-** 'брат мужа', (ЭССЯ. 5, 19). С этим значением оно вошло в западно- и восточнославянские языки. Во всех южнославянских это слово приобрело также

значение 'шафер на свадьбе'. Безусловно, такая семантика обусловлена ролью, которую играл деверь (брат (иногда младший) жениха) в южнославянской свадьбе. В сербскохорватском языке отмечаются также и другие значения слова **дјевер** (дѣвер): 1) брат мужа или родственник из этого же поколения; 2) сопровождающий молодую в день свадьбы; 3) свидетель при церковном венчании; 4) сопровождающий вообще; 5) секундант во время дуэли¹⁸. Понятно, что появление двух последних значений связано с наличием двух первых, что свидетельствует о закреплении в традиционном народном менталитете весьма архаической связи деверя с функцией сопровождения. В Алексинацком Поморавье М. Джорджевичем зафиксирован интересный дериват слова **дјевер** — **деверичић** 'свадебное деревце'¹⁹. Накануне свадьбы, в субботу, в доме невесты пекли **саборник**. При замешивании теста соблюдалось обязательное правило: замешивать должна девушка, у которой живы родители. Важнейшими моментами являются вынос и украшение **саборника**. Пирог ставится в сито, а сито — на блюдо, покрытое белым полотенцем. По краям пирог украшают цветами, а в середину ставят одно развилостое деревце с тремя ветками (**деверичић**), которые украшают красными яблоками и лентой. В селах к западу от Моравы **деверичић** претерпел некоторую эволюцию: это может быть стебель с тринадцатью и более веточками, украшенными яблоками. В некоторых селах в Лесковацкой Мораве в доме жениха пекут пирог, украшая его **деверичи-чем**, причем здесь он выглядит несколько иначе, представляя собой деревце с тремя ветками, на средней из которых яблоко, а на двух крайних хлебцы.

Вероятно, связь **дјевер** — **деверичић**, которая ныне явно утрачена, базировалась на какой-то особой функции деверя, совершавшего некие ритуальные действия со свадебным пирогом (вроде разделения **коровая**). Возможна и охранительно-магическая реминисценция: **деверичић** — апотропей **саборника**, а деверь — невесты. Любопытна также и числовая символика, отношение к числу 3: третий по значению чин на свадьбе — три (архаический вариант) ветки.

Приведенные примеры свидетельствуют, по мнению авторов, во-первых, о чрезвычайной благодатности для славянских этимологических разысканий материала традиционной духовной культуры, в частности, диалектной обрядовой терминологии, а во-вторых, о необходимости при соблюдении обычных этимологических процедур учитывать этнолингвистические критерии.

¹ См.: Беговић Н. Живот и обичаји Срба граничара. Београд, 1986. С. 157.

² См.: Антонијевић Д. Алексиначко Поморавље. Београд, 1971. С. 145.

³ См.: Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. М., 1976. С. 662 (далее — СХРС).

⁴ См.: Мићовић Љ. Живот и обичаји Поповаца. Београд, 1952. С. 138.

⁵ Там же. С. 136.

⁶ Там же.

⁷ См.: Борђевић М. Живот и обичаји народа у Лесковацкој Морави. Београд, 1958. С. 454.

⁸ См.: Речник српскохрватског книжевног и народног језика. Београд, 1978. Т. 10. С. 338 (далее — Речник).

⁹ См.: Rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. Zagreb, 1880. Dio V. S. 246—247.

¹⁰ См.: Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1. С. 870.

¹¹ Меркулова В. А. К вопросу о семантической реконструкции // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985—1987. М., 1989. С. 266.

¹² Мићовић Љ. Указ. соч. С. 437.

¹³ См.: Речник. Т. 4. С. 499.

¹⁴ Там же. С. 500.

¹⁵ См.: Борђевић М. Указ. соч. С. 474.

¹⁶ См.: Речник. Т. 4. С. 501.

¹⁷ См.: Антонијевић Д. Указ. соч. С. 145.

¹⁸ См.: Речник. Т. 4. С. 132.

¹⁹ См.: Борђевић М. Указ. соч. С. 449.

АНАЛОГИЯ КАК ФАКТОР ФРАЗЕМООБРАЗОВАНИЯ

Значение аналогии как одного из важнейших принципов организации языка и источника языковых изменений было понято еще во времена александрийских грамматиков. Проблемы аналогии активно разрабатывались и младограмматиками: например, Г. Пауль характеризовал новообразование по аналогии как решение пропорционального уравнения¹. Являясь мощным фактором языковой эволюции, аналогия понижает все уровни языка. Ее созидательная роль отмечается в фонологии, словозменении и словообразовании, в лексике и синтаксисе, в нормативно-стилистических изменениях, а также в области индивидуальной речи — в закономерностях овладения родным и неродным языками. Так, действием смысловой и синтаксической аналогии объясняется значительное количество новых сочетаемостей, в том числе несвободных², «разрушительное» влияние структурно-семантической аналогии оказывается источником многих речевых контаминаций и неправильностей³. Роль аналогии в динамике языка диалектически противоречива: с одной стороны, она вызывает к жизни множество инноваций, с другой — ее действие сказывается в «давлении» системы, способствующем устойчивости, определенной консервативности языка.

Выделение аналогии как фактора фразеоморфизма связано с признанием моделированного характера фразеологических оборотов (далее ФО), которое в современной лингвистике становится аксиоматичным, несмотря на различные подходы к понятию «модель»⁴. Вывод о существовании моделей в сфере фразеологии — неизбежное следствие фразеоморфологического анализа. При синхроническом подходе (Соссюр, например, подчеркивал синхроничность самого механизма аналогии: «аналогия — явление целиком... синхроническое»⁵), при отвлечении от разнообразных структурно-семантических связей ФО с инвариантной моделью понятие фразеологической модели, на наш взгляд, вполне соотносимо с понятием словообразовательного типа в словообразовании. В таком случае аналогия как фактор фразеоморфизма представляет собой подражание образцу, являющемуся конкретным представителем сложившейся модели, в том числе модели, представленной единичным образцом. В отличие от вторичной фразеологической деривации, использующей исходный ФО в качестве деривационной базы для создания новой единицы и развивающей его образ и значение (как, например, ФО *горячая война* в противоположность ФО *холодная война*), при образовании по аналогии исходный ФО не участвует в производстве новой единицы, а служит лишь образцом для подражания, актуализируя в сознании говорящих свои формальные и смысловые структуры и побуждая говорящих использовать эти структуры при необходимости образовать новый ФО.

Анализируемый материал⁶ демонстрирует более двух десятков моделей-образцов, по-разному семантически сближенных с новообразованиями: 1) новый ФО и модель входят в одну тематическую группу; 2) новый ФО и образец являются синонимами; 3) новый ФО и образец имеют аналогичные межкомпонентные семантические отношения; 4) при наличии постоянного лексического члена новый ФО и образец имеют сходный характер переосмысления переменных членов. Непременным условием образований по аналогии в сфере фразеологии является следование структуре образца, в большинстве случаев (в нашем материале) сочетающегося с заимствованием лексического компонента модели. Таким образом, аналогия в области фразеоморфизма является структурно-семантической. Рассмотрим некоторые конкретные примеры образования моделированных фразеологизмов.

I. Одной из самых продуктивных является модель, соответствующая по структуре беспредложному присубстантивному примыканию родительного падежа, выражающего разнообразные виды определительного

значения (определение по назначению, функции; определение по наличию; собственно определительное). Для этой модели характерно повторение опорных знаменательных слов. Так, одной из представительниц такой модели является активно развивающаяся в 60—80-е гг. и возникшая по аналогии с наименованиями различных календарных дат (*День Конституции, День танкиста, День учителя* и т. д.) модель **День (дни) + (прил.) + сущ. в р. п.:** *День права* (СМ-78), *День депутата* (СМ-79), *День молодого рабочего* (СМ-80), *Дни «Литературной газеты»* (СМ-81), *День бегуна* (СМ-82), *День туризма* (СМ-82) и мн. др. Продуктивность модели (в нашем материале насчитывается 42 новые единицы) привела к четкой формулировке и фиксации в СМ-81 нового значения лексемы *день*: *День, дни чего-либо — 'разовое или традиционное (культурно-масовое, общественное, политическое) мероприятие, осуществляемое в течение одного или нескольких дней подряд'.* Отметим, что многие фразеологизмы такого типа по происхождению являются кальками, в том числе интернациональными (*День земель* — Палестина, *День профсоюзных действий* — Англия, *Международный день театра...*), что говорит о межъязыковой аналогии.

Другими представителями этой модели являются сочетания, в которых в качестве постоянных лексических членов выступают лексемы *неделя, дом, цех, эффект* и др.: *Неделя открытых дверей* (СМ-81), *Дом новосела* (СМ-78), *Дом животновода* (СМ-81), *цех здоровья* (СНСЗ-84), *эффект присутствия* (СНСЗ-84), *эффект снежного кома* (СМ-80) и т. д.

II. Структурно иную модель представляют собой не менее распространенные сочетания, в которых с постоянным лексическим членом (именем существительным) согласуются переменные члены (имена прилагательные), имеющие сходный характер переосмысления. Так, СМ-79-82 фиксируют 10 единиц модели **прил. + война:** *автомобильная война, рыболовная война, электронная война, стальная война, комплексная война* (калька с англ.). Первые компоненты данных единиц переосмыслены метонимически, а лексема *война* во всех случаях выступает в словарном переносном значении (2-ое значение по СЕ⁷) 'состояние вражды; борьба с кем-л., чем-л.': *автомобильная война*, напр., означает 'острую конкурентную борьбу автомобильных компаний за рынки сбыта'; значение *ФО тунцовая война, рыболовная война, рыбная война* определяется следующим образом: 'о взаимных неудовольствиях, столкновениях, вызванных нарушением морских границ рыболовными судами'.

III. Такую же структуру имеет модель **прил. из группы цветообозначений либо обозначений качества материала + сущ., называющее часть (деталь) одежды (в частности, головной убор).** Так, *ФО зеленые береты* (СНСЗ-84, впервые фиксируется в 1966 г.) 'об особых частях и подразделениях в вооруженных силах США — командос' стал образцом для возникновения группы единиц, идиоматизация которых обусловлена регулярным метонимическим переносом 'часть одежды' — 'человек в такой одежде': *черные береты* (СМ-80), *красные береты* (СМ-82), *голубые каски* (СМ-78), *медные каски* (СМ-80). Эта же модель и в калькируемых единицах *синие воротнички* и *белые воротнички* (СНСЗ-84).

IV. Новообразования по аналогии представлены и глагольно-именными *ФО*, хотя количественно они уступают субстантивным. Словосочетанию с предложным слабым управлением (управляемая форма — вин. п. с предложном *в*) соответствует структура *ФО*, образованных по модели глагол со значением 'производить, извлекать звук' + **во все + сущ. в вин. п. мн. ч., означающее 'наименование предмета (музыкального инструмента), из которого извлекается звук'**: *дудеть во все трубы, стучать во все барабаны* (СМ-81). Данные *ФО* созданы по аналогии с синонимичными *звонить во все колокола, трубить во все трубы* (СЕ) и имеют значение 'широко оповещать о грозящей опасности'.

V. Синтаксической структуре глагольно-именного словосочетания соответствуют некоторые фразеологизмы каламбурного характера, модель которых представляет собой «разложение» глагола на два компо-

нента: «лжеоднокорневое» с глаголом существительное (смысловый центр ФО) и формальный компонент ФО (глагол). С этой точки зрения новая фразеологическая перифраза *дрожжи продавать* (СМ-81) 'испытывать сильное чувство страха; дрожать от страха' (каламбурное псевдоэтимологическое сближение *дрожать — дрожжи*) аналогична ФО *жданки проесть* 'ждать', *здать храпака* 'всхрапнуть'⁸.

VI. Среди моделированных ФО без заимствованного из образца постоянного лексического члена выделяется группа так называемых фразеологизмов-тавтологизмов. Наиболее распространенной является модель **падежные формы в двупадежных примыкающих группах с одним и тем же именем**, реализующаяся в следующих конкретных представителях: 1) **предл.-пад. форма им. сущ. в р. п. с определительным значением с предлогом от** + **предл.-пад. форма им. сущ. в р. п. с определит. значением с предлогом до**: *от двери до двери* (СНСЗ-84), *от горизонта до горизонта* (СМ-77), *от звонка до звонка* (СНСЗ-84), *от гимна до гимна* (СМ-82), *от росы до росы* (СМ-81) (аналоги — *от зари до зари*, *от темна до темна*, *от петухов до петухов* и т. п.); 2) **имя сущ. в в. п. без предлога** + **предл.-пад. форма им. сущ. в в. п. с предлогом в**: *голова в голову* (СМ-80), *рубль в рубль* (СМ-78), *колесо в колесо* (79) (аналоги — *тюлька в тюльку*, *точка в точку*, *рука в руку*).

VII. Сходной моделью является модель **падежные формы в двупадежных примыкающих группах с контекстуально противопоставленными именами**: *от нуля до ключа* (СМ-79), *от нуля до крыши* (СНСЗ-84), *от маковки до корешка* (СМ-82).

Характерными чертами ФО типа *от звонка до звонка* и *от маковки до корешка* являются семантическое равноправие компонентов, фиксированный порядок их расположения, неизменность грамматических форм существительных в составе таких оборотов, а также эквивалентность лексико-грамматического значения и синтаксических функций ФО наречию.

Таковы лишь некоторые примеры проявления аналогии в сфере фразеомообразования. В целом структурно-семантическая аналогия является активным способом создания новых ФО: около 9 % всех ФО в словарях и словарных материалах повой русской лексики создано с помощью аналогии (это превосходит количество ФО, созданных в результате вторичной фразеологической деривации). В результате фразеомообразования по аналогии возникают в основном идиоматичные и при этом малоустойчивые ФО различных синтаксических структур. Как и всякое новообразование, такие ФО первоначально возникают и испытываются в речи, будучи импровизацией одного из говорящих, т. е. носят индивидуально-авторский характер, и лишь затем могут удержаться (или не удержаться) в языке. Это важно подчеркнуть и потому, что большинство новообразований по аналогии в рассмотренном материале — принадлежность публицистики. Дальнейшую их судьбу решит время.

¹ См.: Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 132.

² См.: Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966.

³ См.: Золотова Г. А. О характере нормы в синтаксисе // Синтаксис и наука. М., 1974.

⁴ См.: Мокненко В. М. Славянская фразеология. М., 1989. С. 49—50.

⁵ Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 200.

⁶ Материалом служат ФО, извлеченные из следующих источников: Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1973 (СНСЗ-73); Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1984 (СНСЗ-84); Новое в русской лексике: Словарные материалы-77. М., 1980 (СМ-77); Новое в русской лексике: Словарные материалы-78. М., 1981 (СМ-78); Новое в русской лексике: Словарные материалы-79. М., 1982 (СМ-79); Новое в русской лексике: Словарные материалы-80. М., 1984 (СМ-80); Новое в русской лексике: Словарные материалы-81. М., 1986 (СМ-81); Новое в русской лексике: Словар-

ные материалы-82. М., 1986 (СМ-82); Новое в русской лексике: Словарные материалы-83. М., 1987 (СМ-83).

⁷ СЕ — Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981—1984.

⁸ См.: Мокненко В. М. Славянская фразеология. М., 1989.

В. В. ИВАНИЦКИЙ

ОБ АСПЕКТУАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДЕЙСТВИЯ НА УРОВНЕ ПРЕДИКАТОВ

На уровне предикатов аспектуальная семантика соотносится с ситуациями, включающими в себя хронотопные координаты. Выделим следующие типы ситуаций (высказываний): экзистенциальные, процессные и событийные ¹.

В экзистенциальных ситуациях устанавливается, фиксируется существование предмета, обладающего теми или иными признаками и свойствами. Экзистенциальные ситуации распределяются на следующие подтипы: 1) бытийная ситуация, 2) квалификативная, 3) идентификативная, 4) классификативная и 5) характеризующая ситуации.

Бытийные высказывания отражают ситуацию, в которой осуществляется простая констатация существования (несуществования) предмета. Аспектуальная характеристика предиката в таких высказываниях, соотносимых с предметно-логической сферой обобщения, практически может быть сведена к нулю. Например: Редкие звезды, ослабленные желтоватым светом луны. Теплый степной ветерок. Силуэты акаций. Ограды дач. Звуки перепелов. Тишина. Далекий лай собак. Время от времени крик ослика. Серебристо-пыльная полынь, ее неповторимый ночной запах (В. Катаев). Обстоятельство кратности в предложении «Время от времени крик ослика», так оживляющее, благодаря своей семантике, общую картину описания, не может быть в данном случае охарактеризовано как средство аспектуальности, поскольку здесь важен факт присутствия крика животного, а не произведения этого крика, ср.: Время от времени **кричит** ослик.

«Ситуация бытия предшествует логически всякой иной ситуации: прежде чем говорить о каком-либо предмете, следует допустить его существование (или несуществование). Поэтому границы бытийных предложений нечетки, они легко переходят в предложения других семантических типов...»² Например: Дело было во время войны. Я лежал в госпитале, в просторной горнице деревенского дома, а дом тот стоял на берегу озера, недалеко от Минска. Рядом со мною лежал раненый танкист, старшина Иван Фирсович Силин. Он был ранен в грудь навывлет... (А. Платонов). Последнее предложение в данном контексте выражает квалификативную ситуацию.

Кваликативные высказывания характеризуют признаки и свойства предмета (субъекта предложения), присущие ему по его природе, раскрывающие характер его существования: А зори здесь были тихими-тихими (Б. Васильев). Аспектуальная характеристика в квалификативных высказываниях, как и в прочих экзистенциальных, проецируется не столько на предикат, сколько на субъект, который раскрывается в имманентных для него признаках и свойствах. Длительность, непрерывность или кратность проявления признаков и свойств предмета представляют собой естественные условия его неизменного существования, ср.: А зори здесь всегда (до сих пор/иногда) были тихими-тихими.

«Акт идентификации устанавливает тождество объекта самому себе путем сопоставления свойств, признаков, фактов и т. п.»³ Идентификативные высказывания характеризуются равнообъемностью значений подлежащего и сказуемого⁴. Например: — Я, говорит, и есть сват Андрей. А ты Барахвостов, что ли? (В. Белов). Устанавливаемое при идентификации тождество субъекта и предиката предполагает определенность предмета, что в языках, имеющих артикль, выражается с помощью опре-

деленного артикля. Это позволяет грамматически отличить идентификативный тип высказывания от классификативного.

Классификативные высказывания показывают «включение субъекта в класс, обозначаемый предикатом»⁵, поэтому равнозначная взаимозамена субъекта и предиката невозможна. В предложениях данного типа предикатив может употребляться без артикля или с неопределенным артиклем. Ср.:— Ты, Бархвостов, плут. Плут и жулик... (В. Белов) — нем. *Du bist ein Schelm; Barachwosstoff, ein Schelm und ein Dieb...* Указанные различия выявляются не только в предметно-логической области, они касаются и аспектуальности. Так, трудно представить классификативные высказывания, включающие показатели неограниченной кратности типа «иногда», «обычно», «каждый раз». Обобщенный характер семантики предикатива здесь больше соответствует его сочетанию с аспектуальными признаками длительности и непрерывности, которые не обладают семантической расчлененностью.

В характеризующих высказываниях выражаются признаки и свойства, раскрывающиеся в соотношении между предметами — субъектом и объектом высказывания. Например: Начальство ценило неулыбчивую вдову героя-пограничника... (Б. Васильев).

Между указанными типами экзистенциальных высказываний (ситуаций) нет непроходимых границ, например: Бунин имел вид дачника, но не банального дачника-провинциала в соломенной шляпе, рубашке-апаш и парусиновых туфлях, /Бунин был дачник столичный, изысканно-интеллигентный (В. Катаев). Первая часть высказывания является характеризующей, вторая — классификативной.

Экзистенциальная сущность и смысловая близость указанных типов высказываний предопределяет их аспектуальные основания: эти высказывания строятся на основе близких по аспектуальным признакам глаголов — неопределенных глаголов реляционного и статального способов действия. Причем бытийный тип связан в основном с реализацией статальных глаголов (с общим семантическим компонентом «быть»: находиться, лежать, царить, возвышаться и т. п.), а характеризующий тип — с реализацией реляционных глаголов (с общим компонентом «иметь»: обладать, зависеть, значить, называться и т. п.).

В экзистенциальных высказываниях между субъектом и предикатом существует тесное семантическое единство, в котором субъект играет ведущую роль, а предикат — зависимую. В связи с этим становится понятным, почему такие, например, глаголы, как «быть» и «иметь», характеризуются весьма неопределенным значением. Реальное семантическое «наполнение» этих глаголов обеспечивается контекстом; в некоторых высказываниях функции этих глаголов сводятся к темпоральности, а когда и в этом нет необходимости, глаголы могут быть опущены, ср.: Книга была на столе — Книга на столе.

Процессная ситуация предполагает последовательную и непрерывную смену следующих друг за другом моментов развития процесса. В данной ситуации происходят какие-либо количественные преобразования в предметной сфере высказывания, обусловленные процессом, который выражается в предикате. Процессные высказывания характеризуются признаком длительности, как и экзистенциальные высказывания. Однако в этих случаях длительность имеет разную природу. В экзистенциальных высказываниях она имеет предметный характер, будучи онтологически присущей субъекту. В процессных высказываниях длительность — признак предиката. Поэтому в первом случае предел длительности возможен только при соответствующих трансформациях предмета, субъекта, а во втором он может мыслиться как естественное продолжение процесса, заключенного в предикате.

Выделим следующие подтипы процессных ситуаций: обобщенно-процессная, кратко-процессная и конкретно-процессная⁶.

Обобщенно-процессные высказывания представляют процесс как не-

делимое целое. Например: Ярко светило солнце, дул свежий ветерок; Все ходишь, ходишь, ноги горят (К. Симонов).

В кратко-процессных высказываниях признак длительности выступает вместе с признаком кратности. В русском языке данные признаки обычно содержатся в семантике форм несовершенного вида. Поэтому в зависимости от того, какой из этих признаков выходит на передний план, высказывание может обозначать либо обобщенно-процессную, либо кратко-процессную ситуацию. Например: Утром она слышала, как отец запрягал казенного Дымка, как гость прощался с матерью, как скрипели ворота. Лежала, прикидываясь спящей, а из-под закрытых век ползли слезы (Б. Васильев). Если этот текст соотнесен с единичным случаем, то ситуация понимается как обобщенно-процессная; если речь идет о повторении ситуации, то она характеризуется как кратко-процессная (ср.: По утрам она слышала, как...). Если приведенный пример начать следующим образом: Утром она слушала, как..., — то перед нами будет высказывание, отражающее конкретно-процессную ситуацию. Данная ситуация отличается от прочих процессных ситуаций соотнесенностью с определенным моментом процесса, основное внимание в ней направлено на выделение признака предиката в конкретном его проявлении.

В русском языке конкретно-процессные высказывания обычно снабжены соответствующими показателями. Например: Будучи ранен в морском сражении в ногу, / он теперь залечивал рану в тихом далеком тылу (А. Платонов).

Для процессных высказываний характерно употребление эволютивных, инхоативных, многоактных и многократных глаголов, а также предельных глаголов, за исключением тех, которым чужда идея процессности, — моментальных, одноактных и финитивных глаголов типа «очнуться», «вздрогнуть», «отвоеваться» (из неопределенных глаголов — это реляционные глаголы).

Событийная ситуация определяется количественными или качественными изменениями, происходящими в субъекте и / или объекте действия. Событие уникально по своей природе, проявление его имеет причинный характер. В связи с этим одно событие вызывает актуализацию другого события, образуются цепи событий⁷.

Уникальность события, его конкретный характер — в противоположность экзистенциальным событийные высказывания концентрируют в предикате информацию о том, что происходит с субъектом и / или объектом действия — объясняют причину, которая обуславливает сложность установления разновидностей событийных ситуаций. В принципе можно было бы утверждать, сколько существует предельных глаголов или глаголов, способных иметь предельное значение, столько и существует типов событийных ситуаций. В событийных ситуациях употребляются различные по акциональности предельные глаголы, в русском языке — обычно глаголы совершенного вида.

Поскольку между предикатами в событийных высказываниях наблюдается яркая причинная связь, постольку завершение одного действия логично подразумевает появление другого действия. Типичны ситуации, представляющие цепь событий. Например: Пришел майор Годнев. Бакланов дал ему поправку в первоначальный план и направил к полковнику Кузьмину (А. Платонов); Васков спрятал ее под еловым выворотнем, забросал ветками и ушел (Б. Васильев).

Смена событий, появление новой ситуации обусловлены прежде всего логикой самих действий, предикатов, а не сменой субъекта действия или темы высказывания. Смена одного события может повлечь за собой другое событие, процесс или состояние. Например: Она как **посмотрит**, так я сразу **боюсь**. (В. Распутин) (событийная ситуация — экзистенциальная ситуация); Две тетушки уже **отпили**, (**развязали** верхние платки) **сидят**, громко **разговаривают...** (В. Белов) (событийная ситуация — событийная ситуация — процессная ситуация).

Главную роль в событийных ситуациях играют предикаты-сказуемые, благодаря которым осуществляется «продвижение» текста вперед. Если событийная ситуация меняется на экзистенциальную, то повествование как бы останавливается, замирает, фиксируя предметный мир. Когда после событийной ситуации следует процессная, повествование замедляет свой ход, акцентируя внимание на предикате. Комбинируясь в тексте с различными типами высказываний, событийные высказывания образуют как бы узловые моменты, вершины в рамках межфразового единства. Например: **Стреляла лежа, уже не пытаюсь убежать,** / потому что вместе с кровью **уходили** и силы. // И немцы **добили** ее в упор, // а потом долго **смотрели** на ее и после смерти гордое и прекрасное лицо... (Б. Васильев) (процессная ситуация — процессная ситуация ← событийная ситуация → процессная ситуация).

Наиболее типичными акциональными группировками глаголов, составляющих событийные высказывания, являются различные результативные способы действия, а также финитивный, одноактный, моментальный способы действия. В событийных высказываниях не встречаются неопределенные глаголы, обозначающие отношение, состояние и неограниченные процессы. В русском языке эти глаголы относятся к группе дефективных глаголов несовершенного вида.

В широком контексте повествования изложенные типы высказываний образуют свои микроконтексты с тесно связанными и взаимопересекающимися границами. Эти высказывания могут охватывать несколько предложений, простых и/или сложных, но могут выделяться и в составе одного сложного предложения.

Границы ситуаций определяются единством субъекта, темы и предиката высказывания. В разных типах ситуаций существуют и разные соотношения между субъектом, темой и предикатом высказывания. Так, в экзистенциальных ситуациях смена субъекта и темы высказывания несет за собой смену ситуации и предиката. В событийных ситуациях же главную роль в этом отношении играет предикат. **С усилением акциональной «активности» предиката повышается его роль в формировании границ высказывания.** При событийных ситуациях она достигает максимального значения, прежде всего тогда, когда актуализуются признаки моментальности, одноактности и т. п. Большую роль в определении границ ситуаций играет и модально-темпоральный контекст.

¹ См.: Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca; N. Y., 1967. Семантические типы предикатов. М., 1982.

² Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка // Синтаксис. М., 1981. С. 122.

³ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл // Логико-семантические проблемы. М., 1976. С. 284.

⁴ См.: Гак В. Г. Указ. соч. С. 124.

⁵ Там же. С. 124—125.

⁶ Вендлер З. различает глаголы, обозначающие неограниченные процессы, или деятельность, и ограниченные процессы, или исполнение. В нашей классификации первой группе соответствуют неопределенные статальные и эволютивные глаголы, которые функционируют в экзистенциальных высказываниях. Ко второй группе относятся предельные глаголы, образующие процессные и событийные высказывания.

⁷ См.: Мигирин В. Н. Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики. Казань, 1978. С. 117.

Л. И. СОБОЛЕВА

СИНКРЕТИЗМ ОЗНАЧАЮЩЕГО И ОЗНАЧАЕМОГО В ГЛАГОЛАХ РЕЧИ

Для определения особенностей организации семантического поля глаголов речи нами был проведен компонентный анализ более 350 слов из «Словаря русского языка XI—XVII вв.». Предполагалось, что список семантических компонентов глаголов речи, появившийся в результате

лексикографических изысканий, позволит не только типизировать семантическую структуру глаголов речи, но и определить степень осознанности элементов речевой деятельности субъектами речевой деятельности. Такая «бытовая» трансформация общелингвистических знаний позволяет рассматривать глаголы речи, а точнее, их отдельные значения как своего рода аналог метаязыку лингвистики. И если интроспекция невозможна по отношению к мышлению, то речепользование насквозь интроспективно (достаточно вспомнить о жажде этимологизирования у носителей языка, о двух вечных вопросах: почему мы так говорим? и почему они говорят не так как мы?, об извечном человеческом стремлении к поиску мотивировки, которое было осознано коммуникативной семантикой в различении содержания и сообщения на уровне высказывания) и результаты этой интроспекции, этой непрерывной речевой рефлексии обобщены в семантических компонентах слов, обозначающих речь.

Индуктивный поиск семантических компонентов глаголов речи был стимулирован дедуктивными посылками: 1) представлениями о структуре речевой деятельности (мотив, цель, условия, этапы или действия, выполняющие эти действия операции)¹; 2) представлениями о составляющих речевой деятельности (психической, физиологической, физической)²; 3) представлениями о возможных видах мотива (требование, обращение информационного характера, связанное с контекстом, желание яснее сформулировать собственную мысль)³; 4) представлениями о разновидностях внеречевого контекста (мотивы, замысел говорящего; отношение слушающего к речевой информации, отношения между говорящим и слушающим, ситуация общения)⁴; 5) представлениями об аспектах плана содержания языкового знака и в первую очередь о «внеязыковых», «внеречевых» его аспектах (о сигматике, прагматике); семантике, синтактике, хотя последние два аспекта для целей нашего исследования менее значимы, потому что мы пытаемся найти в значениях глаголов речи бытовое представление о составляющих речевого акта, т. е. процесса перехода кода в текст. Поэтому нас интересует не то, в чем лексикализуются семантические компоненты глаголов речи (в синонимах, гипонимах, гиперонимах...), а то, какие из семантических компонентов являются составляющими каждого из значений однозначных и полисемичных глаголов. Иначе говоря, мы ищем семантические компоненты лексикализованных сем, названных семами второго порядка. Семантическую структуру полей позволяют объяснить только семы второго порядка, имеющие, в принципе, дедуктивную природу, потому что любое строгое словарное толкование, использованное для выяснения сем второго порядка сделает членение языкового знака бесконечно глубоким (ведь мы постоянно должны будем каждую следующую гипонимическую сему рассматривать как форму, которая является инвариантом более тонкого, точного, скрытого содержания)⁵. 6) Одной из дедуктивных посылок поиска семантических компонентов является представление о функциях языка и речи. Предполагается, что семы, которые связаны с регулятивной функцией (цель речи, речь как стимул речи), окажутся более частотными, чем семы, отражающие собственно коммуникативную функцию языка. Так как регулятивная функция первична, она присутствует уже в эгоцентрической речи ребенка и проявляется в том, что а) спонтанная речь ребенка сопровождает действие, б) речь активизируется в проблемной ситуации. В социальной коммуникативной речи регулятивная функция проявляется в том, что волевой акт формируется под воздействием внутренней речи (эгоцентрическая речь из продолжения действия становится регулятором действия ребенка, а внутренняя речь опережает действия и планирует элементарные действия и поведение в целом). В итоге, коммуникативная функция языка сводится к его регулятивной функции: даже если передача информации — самоцель, то сама информация формирует установки личности и определяет ее поведение в социуме. Вероятно, поэтому даже в глаголах речи, имеющих синкретическую семантическую структуру: речь + неречевое действие, речь + интеллект, часто

будут встречаться семантические компоненты: цель речи, речь как стимул действия, речь как стимул речи. В какой-то мере с этой же функцией связан семантический компонент «речь как реакция». В целом же в семантических компонентах глаголов речи отражены и коммуникативная, и номинативная функции языка (семы: номинация, объект речи, значимость речевой информации, хотя последняя сема в большей мере отражает материальность речи и ее коммуникативную направленность), и функция языка как орудия мышления (сема: достоверность речевой информации, а также: речь + интеллект), и аккумулятивная функция языка в комплексе с коммуникативной (семы: передача информации, интенсивность передачи или получения информации, значимость речевой информации, достоверность речевой информации — в двух последних семах отражается и функция языка как орудия познания), и этническая функция в самом широком ее понимании (семы: этическая оценка объекта речи, этическая оценка содержания речи, ведь морально-этические нормы — часть культуры этноса), и эстетическая функция речи (семы: эстетическая оценка речи, степень владения речью), и экспрессивная функция речи (семы: эмоциональное состояние субъекта, эмоциональное воздействие на адресата речи). Лишь с очень большими оговорками сему — характер отношений между субъектом и адресатом речи — можно считать иллюстрацией фатической функции речи. Кроме того, предпосылками поиска семантических компонентов оказались: 7) представления о составляющих процесса коммуникации (адресант, адресат, сообщение, код, ситуация); 8) представления о некоторых антиномиях (в том числе и психолингвистической природы), лежащих в основе изменения системы языка (антиномия говорящего и слушающего, антиномия кода и текста, антиномия коммуникативной и экспрессивной функции языка).

Психолингвистическая трактовка семной структуры глаголов речи предполагает учет процесса порождения и восприятия речи (семы: субъект речи, адресат речи, доступность речевой информации, речь как реакция, степень владения речью), учет психической составляющей речевой деятельности (семы: эмоциональное состояние субъекта, апеллятивная функция), учет физической составляющей речевой деятельности (сема: акустические свойства речи). Понимание речевой деятельности как одного из видов деятельности и как способа стимулировать неречевую деятельность реализовано в синкретизме сем «речь», «неречевое действие» в лексическом значении одного слова: «речь как стимул действия», «цель речи», «речь как стимул речи». Представления о различных видах мотивов реализуются в семах: воздействие на адресата; цель речи; речь как стимул действия; речь как стимул речи (требование); передача информации, значимость речевой информации; интенсивность передачи или получения информации; достоверность речевой информации; номинация; полнота переданной в речи информации; передача информации, противоположной первоначально переданной; доступность речевой информации; последовательность, связность, логичность речи. Представления о разновидностях внеречевого контекста реализуются в семах: эмоциональное состояние субъекта; этическая оценка содержания речи; морально-этическая оценка объекта речи, а также во всех семах, характеризующих мотивы речепорождения.

Семиотическая трактовка семной структуры глаголов речи предполагает поиск семантических компонентов, воплощающих различные аспекты плана содержания языкового знака. Прагматический аспект плана содержания знака реализуется в семах, характеризующих отношение к высказыванию (эстетическая оценка речи, морально-этическая оценка содержания речи, эмоциональное воздействие на адресата. Сигматический аспект плана содержания знака реализуется в семах, характеризующих объект речи, а также отношения объекта с субъектом и адресатом речи; в семах, характеризующих речевую информацию. Представления о линейности речи реализуются в семах: продолжительность речи; последовательность, связность, логичность речи.

По названным параметрам анализировались однозначные глаголы речи (263 слова), двузначные глаголы (61 слово), а также глаголы с синкретическим значением⁶.

Синкретическими глаголами речи считаются такие слова, в которых означающее создает установку на восприятие речевого значения, а означаемое обозначает неречевое действие, и наоборот. Асимметрия языкового знака проявилась в следующих основных типах отношений означающего (стоит на I месте) и означаемого (стоит на II месте): звук — действие (I), действие — звук (II), звук — эмоция (III), речь — отрицательная эмоция (IV), эмоция — результат речи (V), орган речи — результат речи (VI), интеллект — речь + интеллект (VII); а также в лексикализации синестезии восприятия, где выделяется три типа отношений: зрительное восприятие — речь (VIII), тактильные ощущения — речь (IX), восприятие речи — производство речи (X); кроме того, среди асимметричных знаков со структурой действие — речь существует пять энантиосемичных лексем (XI).

В словах I типа (10 глаголов) означающее может обозначать: а) звук живого существа, б) звук, издаваемый неживыми предметами, в) форму речи, г) орган речи, д) цель речи, например: **взустити** — «1. Побуждать, заставлять что-либо сделать. 2. Склонить к каким-либо действиям, подстрекнуть против кого-либо.»; **закликнути** — «Отстранить (от должности)». В словах II типа (6 глаголов) означаемое имеет семы: а) материализация речи, б) передача информации, в) сумма субъектов речи, например: **дѣяти**² — «Говорить», сравните **дѣеть** в качестве ссылки на чужую речь; **єдинятися** — «Объединяться, договариваться о единстве действий». В словах III типа (3 глагола) означающее может обозначать эмоцию а) как причину появления аудио-объекта, б) как результат звукового воздействия, в) как сопутствующее состояние при речепроизводстве. Например: **зарыдатися** — «Начать стыдиться», **зудити** — «Докучать кому-либо, раздражать кого-либо», **выстонати** — «Выстрадать». В словах IV типа (3 глагола) означающее предполагает семы: 1) морально-этическое содержание речи; 2) нарушение этикетных норм речи, а означаемое называет эмоцию, которая а) возникает в результате речевого воздействия на адресата и сам адресат становится объектом эмоционального переживания, б) является результатом речевого воздействия на адресата и субъект речи становится объектом эмоционального переживания, в) эмоциональное воздействие сопровождается материальным. Например: **засрамити** — «Устыдить», **загрубити** — «Восстановить против себя, раздражить», **грубити** — «Причинять вред, наносить ущерб, обиду». В словах V типа (3 глагола) означаемое может выражать а) конкретный результат речевого воздействия, б) общий результат этого воздействия, в) эмоцию адресата, порожденную интенсивным речевым воздействием. Например: **выпечаловати** — «Выпросить, исходатайствовать для кого-либо освобождение», **докучитися** — «Допроситься, добиться усиленными просьбами», **докучати** — «Неотступно просить, надоедать». Слово VI типа отличается от слова I типа **взустити** тем, что означаемое **наустити** имеет сему — интеллектуальное воздействие как результат речи: **наустити** — «Убедить, побудить; подговорить, подстрекнуть». Слова VII типа (2 глагола) являются промежуточными между группой собственно синкретической и семиотико-синкретической лексики (с асимметрией означающего и означаемого), потому что их означающее содержит и сему «речь» и сему «интеллект»: **всповѣдати** — «Поведать, рассказать», **наумняти** — «Научать, советовать». Доля синестетической лексики среди 40 слов семиотико-синкретической лексики неожиданно мала (всего 6 слов или 17,5 %), а доля семиотико-синкретической лексики в целом составляет 26 % общего числа синкретических лексем. В означающих синестетической лексики превалирует указание на тактильные ощущения (как самые простые) и на зрительное восприятие (как самое информативное), а означаемые синестетических слов имеют семы: морально-этическое содержание речи, морально-этическое пе-

реживание, интеллектуальная цель речи, звук живого существа. Например: **вытвердѣти** — «Вытвердить, затвердить», **выщекотати** — «Пропеть (о соловье)», **дерзовати** — «Осмелиться свободно и непочтительно говорить, делать что-либо», **зазрѣтися** — «1. Подвергнуться осуждению, поношению. 2. Устыдиться». Вероятно, синестетическими можно считать слова, где означающее имеет сему «слушать», а означаемое — сему «говорить», например: **запослушити** — «Подтвердить в качестве свидетеля (послуха), письменно засвидетельствовать что-либо».

Своеобразной разновидностью синкретизма является энантиосемия. Все энантиосемичные глаголы речи содержат сему «морально-этическая оценка» либо речевого объекта, либо самой речи. И в четырех из пяти глаголов энантиосемия создается одновременным существованием в слове положительной и отрицательной морально-этической оценки. Например: **велерѣковати** (аналогично **велерѣчевати**, **велерѣчевствовати**) — «1. Клеветать, наговаривать. 2. Много говорить о себе, хвастать, похвальнось», **выговаривати** — «1. Произнести, высказать. Упрекнуть кого-либо, сделать выговор кому-либо. 2. Ставить условия, оговаривать что-либо в свою пользу. 3. Оправдывать, доказывать невиновность». И только в **насочити** — «Донести, объявить, сообщить» — энантиосемия основывается на семе «возможное количество адресатов». «Донести» содержит семы: передача информации с морально-этической оценкой объекта речи без его ведома и при ограниченном числе адресатов, а «объявить, сообщить» — передача информации при неограниченном числе адресатов. Для глаголов речи оказывается важной не только вполне запрограммированная сема «характер отношений субъекта и адресата речи» (в двузначных глаголах она встречается в пяти словах из 61 и одновременно с семой «передача информации» (в 5 словах) и «речь как стимул речи» — в 1 слове), но и отношения субъекта и объекта, объекта и адресата речи. Эти отношения определяют, во-первых, морально-этическое содержание речи, во-вторых, ее эмоциональное воздействие.

Двойная энантиосемия глаголов группы **велерѣковати** основана на том, что отрицательная оценка **в содержании** речи не предполагает тождества ее субъекта и объекта, а положительная оценка **в содержании** речи предполагает тождество субъекта и объекта речи. Но сама эта закономерность стала причиной того, что морально-этическая оценка **содержания** речи в любом случае является отрицательной. Из пяти однозначных глаголов с семантической структурой: цель речи + морально-этическая оценка + передача информации — два содержат положительную оценку объекта (**выславляти**, **выславливати**); из трех остальных глаголов, где предполагается тождественность субъекта и объекта речи, два имеют сему «отрицательная морально-этическая оценка **в содержании** речи» (**вспокаятися**, **вспокаятися**). Отношения объекта и адресата речи актуальны для глаголов, имеющих семы: оценка объекта речи, эмоциональное воздействие на адресата (это 7 слов типа **надсмѣватися** — «Смеяться над кем-либо, высмеивать кого-либо»). Если адресат нетождественен объекту речи, то и на субъекта, и на адресата речь оказывает положительное эмоциональное воздействие. Если адресат тождественен объекту речи, то на субъекта речь оказывает положительное эмоциональное воздействие, а на адресата — отрицательное. Но в отличие от семы «характер отношений субъекта и адресата речи» отношения объекта к субъекту и адресату лишь имплицитно присутствуют в названных глаголах речи в качестве той пресуппозиции, которая влияет на организацию кода, на формирование семантической структуры глаголов речи. Что это, если не еще одна иллюстрация открытости семантического уровня языка, бесконечного членения языкового знака, существования в его означаемом формы и содержания, которое тоже есть следствие асимметрии знака языка?

Дальнейшее сопоставление семантической структуры несинкретических глаголов речи и любых сенсорных глаголов позволит определить степень универсальности семантических компонентов (их наличие в гла-

голах разной семантической степени сложности); различия в степени распространенности сем, зависящие от количества семантически однотипных слов, в которых встречается сема; частоту совместной встречаемости сем, а в результате — психолингвистически и культурологически интерпретировать все эти лексико-семантические параметры.

¹ Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.

² Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

³ Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976.

⁴ Лурия А. Р. Язык и сознание.

⁵ Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989.

⁶ См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1986. Т. I—X.

Е. И. ГАПОВА

О ЯЗЫКОВОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

Языковое представление событийного потока не связано в отличие от представления предметных сущностей с какой-либо одной лингвистической категорией, а может быть реализовано при помощи различных формальных средств: предложений и их номинализаций, глаголов, имен. Но, очевидно, возможна и группировка языковых средств согласно тому, какие типы концептов происходящего они преимущественно обозначают. В частности, выделяемая в английском языке группа — инфинитивные обороты (сочетания вопросительного слова с инфинитивом *what to do* — ИО), хотя и обозначают элементы событийного потока, не покрывают значений, относящихся к области онтологии. Означиваемые с их помощью сущности относятся к сфере мысли, отражения действительности в сознании, что можно доказать с помощью следующих рассуждений.

Установление особенностей некоторого типа языкового значения требует рассмотрения его взаимодействия с другими значениями, в частности, значениями присоединяющих единиц. Сочетаемость лексемы определяется ее индивидуальным лексическим значением, общим грамматическим и значением подкласса. Можно также выделить значение, противопоставленное лексическому значению конкретного слова, как индивидуальное — групповому. «Такие обобщенные значения слов часто не имеют эксплицитного выражения... но объединяют слова в целые группы в составе той или иной части речи. В определенном синтаксическом окружении лексическая номинация этих слов переходит в разряд грамматической»¹. В результате комбинаторно-семантических процессов эти значения становятся необходимым условием сочетаемости опорного слова с определенным типом распространителя, а функционально-семантическая сочетаемость языковой единицы (ИО) будет выступать в качестве одного из ее дифференциальных признаков. Одним из важнейших грамматических свойств ИО является их типовая зависимость от лексем, обозначающих различные речемыслительные процессы или результаты речемыслительной деятельности:

I don't **know** what to do.

He had no **idea** of what to say.

She was **uncertain** how to go on.

Корпус присоединяющих глаголов, исходя из их семного состава, можно подразделить на следующие семантические группы: 1) умственной и психической деятельности (напр., *know*, *think*); 2) инструктирования (*instruct*); 3) восприятия (*watch**); 4) обозначающие приобретение информации (*learn*); 5) обозначающие волевые акции (*decide*); 6) обозначающие коммуникативные процессы (*discuss*); 7) с семантикой поиска информации (*wonder*); 8) с семантикой планирования (*plan*). Очевидно, что семантическая сфера вводящих вершинных глаголов — сфера мысли и знания, психических процессов. Посторонней к ней явля-

ется группа глаголов восприятия, образованная из тех глагольных лексем, которые могут присоединять ИО согласно данным словаря А. Хорнби², где конструкции «глагол+инфинитивная фраза» поставлены в соответствие формулы Р8 и Р20. (Словарь Хорнби послужил основным источником списка присоединяющих глаголов, некоторые дополнительные данные выявил текстовый поиск). Среди всего множества глагольных лексем с перцептивным значением валентность на ИО, согласно словарю, открывают только *look, mark, notice, observe, see, watch*. Очевидно, это объясняется тем, что значение, которое выражает ИО, находится не в сфере ощущений, а в мыслительной деятельности, и характер информации не соответствует указанному способу ее восприятия. Действительно, такие знания, как *what to do, how to behave*, вероятнее всего могут быть получены в результате когнитивных действий, а не физического созерцания или слушания. Поэтому вводить подобную информацию способны те лексемы, у которых на базе перцептивных смыслов развился когнитивный компонент, благодаря чему они начинают обозначать ментальные операции. Это подтверждается приведенными в словаре Хорнби толкованиями тех лексико-семантических вариантов глаголов восприятия, которые могут присоединять ИО: *look — pay attention, mark — pay attention; note — notice, pay attention*. Остальные глаголы, входящие в группу, хотя и интерпретируются в словаре как обозначающие физическое восприятие и при этом способные присоединять ИО, но примеров такого употребления не приводится. И это не случайно, ибо таких употреблений не выявила и имеющаяся выборка, кроме единственного: *She... studied several adverts in a three-year old Cosmopolitan... to see what shape to make her lipstick (Sharpe)*.

В этом случае, очевидно, возможны две интерпретации. Первая: в ИО включено существительное *shape*, имеющее предметное значение, а предмет действительно можно увидеть. Вторая интерпретация связана с представлением о неразрывной связи перцептивных и эпистемических процессов. Как указывает Н. Д. Арутюнова, зрительному восприятию соответствуют следующие ментальные операции: 1) таксономия (отнесение к классу); 2) идентификация индивида; 3) интерпретация (т. е. установление знаковых отношений, прочтение); 4) выявление импликаций³. Таким образом, для данного употребления глагола *see* невозможно исключение эпистемической пропозиции и, следовательно, ИО называет не просто предмет, а предмет в его связях и отношениях, в его соотношении со временем как часть отражаемой действительности, чем и обеспечивается возможность «прочтения и выявления импликаций».

Очевидно, перцептивные глаголы, если в них преобладает значение физического восприятия, присоединять ИО не могут. Это связано с существованием таких принципиально различных видов информации; как сенсорная и концептуальная⁴. Так как ИО обозначают концептуальную информацию, то они не могут вводиться лексемами, обозначающими «чистую» перцепцию.

Можно предположить, что специфика семантического содержания ИО является результатом воздействия вводящих лексем, содержащих эпистемические семы: происходит переосмысление в речи понятийного содержания самих ИО, почему они и приобретают возможность означивать содержание сознания. Однако есть текстовые свидетельства того, что лексемы неэпистемической семантики, попадая в поле действия ИО (присоединяя их), изменяют свое значение и получают эпистемическое прочтение:

1. We discussed Wordsworth for one day and **spent** the rest of the time on how to present Hamlet to teenage children (Jones).

2. Croxley **busied** himself with breakfast, the Sunday papers and what the hell to do with Yapp (Sharpe).

3. He had spent his last few days with Eva **agonizing** over what to do about them... (Segal).

Обозначаемый при помощи ИО тип пропозиции актуализировал

в вводящих глаголах сему ментальности, «манипулирования» (идеальным) содержанием (или информацией). Эта сема — то общее, что содержится в значении группы лексем разной семантики и что является показателем отнесения пропозиции к области концептуального мира.

Наиболее частотная вводящая лексема — глагол «знать». Из его семантических представлений выберем то, с помощью которого может быть описано наличие у субъекта определенной мысли, ибо знание является ментальным состоянием: Р находится в сознании А. Но что же именно находится в сознании А в том случае, когда лексема, обозначающая способ оперирования информацией, изъясняется при помощи ИО? З. Вендлер писал о сущности знания: «...знание... чьей-то точки зрения не предполагает знания той же самой вещи, которая является объектом этой точки зрения... Если твоя точка зрения есть Р, а я знаю твою точку зрения, то то, что я знаю, не есть само Р, а есть то, что твоя точка зрения есть Р»⁵. Очевидно, что ИО обладает структурно-смысловым значением темы информации, а не ее сущности: благодаря местоимению он не называет для читателя те действия, о которых идет речь, а выделяет их путем указания. Доказательством этого может служить тот факт, что контекст способен раскрывать содержание этой конструкции, называя те действия, на которые ИО только указал:

...There's a wonderful life ahead of you if you know how to **handle** yourself. When you get to New York keep off Broadway, keep out of the public's eye... Pick out one or two friends and be satisfied to imagine the rest (Chaplin).

Участие ИО в текстообразовании в качестве семантического элемента, требующего дальнейшего раскрытия, несомненно⁶.

Таким образом, ИО включаются в число грамматических явлений, ориентированных специфическим образом на выражение интеллектуальных операций, т. е. таких конструкций, в которых мышление выступает в качестве своего объекта. Поэтому независимо от лексического наполнения означиваемая с их помощью сущность относится к сфере мысли, отражения действительности в сознании. Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что разделение воспринимаемой человеком информации на чувственную и концептуальную нашло отражение не только в лексике, но и в синтаксисе. В языке существуют, кроме ИО, синтаксические конструкции, которые связаны с передачей концептуальной информации.

¹ Гаврилова Г. Ф. О прогнозирующей роли опорного слова в главной части сложноподчиненного предложения // Филол. науки. 1985. № 2. С. 43.

² См.: Hornby A. S. Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 1974.

³ См.: Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1989. С. 114.

⁴ См.: Малькольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я знаю» // Философия. Логика. Язык. М., 1987.

⁵ Вендлер З. Факты в языке // Там же. С. 301.

⁶ См.: Гапова Е. И. Функционально-семантические отношения инфинитивных оборотов с контекстом // Весн. Белорус. ун-та. Сер. 4. 1988. № 2.

Т. У. ПАДАЛЯК

ДУХОЎНАЕ СТАНАЎЛЕННЕ АСОБЫ: КАНСТРУКТЫЎНЫ І ДЭСТРУКТЫЎНЫ УПЛЫЎ МАЛАДЗЕЖНАГА ДРУКУ

Пра неабходнасць выхавання духоўнасці сёння гаворыцца шмат. Наракальні на бездухоўнасць моладзі сталі агульным месцам у размовах на самых розных узроўнях — у асяроддзі творчай інтэлігенцыі і кухонных «кулуарах», у парламенце і, канешне, у сродках масавай інфармацыі. Застойныя з'явы мінулых гадоў негатыўна адбіліся на духоўным стане грамадства, садзейнічалі дэвальвацыі маральных ідэалаў і каштоўнасцей, нарастанню дэфіцыту чалавечнасці і сацыяльнай справядлівасці. Сёння паўстала задача пераадолець гэтую заганную «спадчыну».

«Друк — гэта найбольш агульны для індывідаў спосаб раскрыцця іх духоўнага быцця»¹, — пісаў К. Маркс. Чалавек як асоба фарміруецца на працягу ўсяго жыцця, але маладосць — перыяд найбольш актыўных духоўна-маральных пошукаў. Маладзёжны друк адрасаваны менавіта гэтай узроставай катэгорыі. значыць, будзе правільным сцвярджаць, што ён з'яўляецца не толькі спосабам раскрыцця «духоўнага быцця» моладзі, а і дзейсным фактарам фарміравання гэтага «духоўнага быцця» (прычым як са знакам «плюс», так і са знакам «мінус»), фактарам фарміравання духоўнасці.

Хаця ў апошнія гады тэрмін «духоўнасць» ужываецца часцей, чым трэба, агульнапрынятага яго вызначэння пакуль няма. Гэта тлумачыцца, напэўна, і складанасцю прадмета даследавання, і тым, што духоўны свет асобы традыцыйна вывучаўся многімі навукамі — філасофіяй, псіхалогіяй, этыкай, эстэтыкай і нават фізіялогіяй вышэйшай нервовай дзейнасці чалавека.

У грамадскай свядомасці доўгі час панавалі стэрэатып, які звязваў, нярэдка і атаясамляў духоўнасць з рэлігіёзнасцю асобы. Таму саслоўе служыцеляў царквы сталі называць духавенствам. Філасафы-рацыяналісты Новага часу, каб адмежавацца ад рэлігіёзных мысліцеляў, наогул адмовіліся ад паняццяў «дух», «духоўнае», замяняючы іх тэрмінамі «свядомасць», «мысленне».

На наш погляд, можна сцвярджаць, што духоўнасць ёсць этычны ўзровень быцця. Чалавек духоўны ў той ступені, у якой яго ўнутранае жыццё, стыль паводзін і дзейнасці адпавядаюць агульначалавечым маральным каштоўнасцям. Што датычыцца друку, то ён у ідэале прызначаны сеяць разуменне, добрае, вечнае і выступае ў ролі своеасаблівай лакмусавай паперы, што дапамагае чалавеку вызначыць полюсы добра і зла, мяжу ісціны і хлусні, ўзлёту і падзення. Гэта функцыя друку ў застойныя часы была зведзена амаль да нуля.

З 1985 года маладзёжны друк, як і іншыя сродкі масавай інфармацыі, паказаў сябе з найлепшага боку, стаў у авангардзе галоснасці, пачаў чуйна і дакладна ўлоўліваць змены ў грамадскай свядомасці, у псіхалогіі і мысленні людзей. Газеты «Комсомольская правда», «Чырвоная змена», «Знамя юности» пачалі ўсё больш упэўнена звяртацца да «закрытых» некалі тэм, здолелі выйсці на новы ўзровень распрацоўкі надзённых праблем рэчаіснасці.

Аднак усялякая рэвалюцыйная з'ява ўздымае наверх накіп і пену. Маладзёжны друк — не выключэнне, ён таксама не абмінуў крайнасцей і пера-

хлёстаў. Побач з прагрэсіўнай тэндэнцыяй павышэння аператыўнасці і пашырэннем інфармацыі на старонках газет з'яўляецца значная колькасць публікацыяў, якія не ўзбагачаюць, а, наадварот, духоўна збядняюць чытача. Бязмежнае крытыканства, смакаванне недахопаў і іх пастаяннае перажоўванне, «чорны» пэсімізм і таннае «сюсюканне» — усё гэта пачало адварочваць моладзь ад прэсы: маўляў, колькі ж можна чытаць пра ўсё гэта?! (Рэзкае падзенне тыражоў многіх маладзёжных выданняў на 1991 год тлумачыцца, трэба меркаваць, не толькі падаражаннем падпіскі).

Нельга лічыць нармальнай і голую сенсацыйнасць, на якую робіць стаўку ў апошні час маладзёжны друк. Як слушна заўважае даследчык сучаснай журналістыкі А. Чычаноўскі, чытачы, сапраўды, «згаладаліся не толькі па праўдзівай, але і па «раскаванай» інфармацыі»². Але ж сенсацыйнасць дзеля шоку, работа сугуба на патрэбу сённяшняга дня, па прыцыпу «чаго пажадаеце?» — ніколі не былі перспектыўнымі для прэсы, бо ператваралі яе ў служанку абывацеля. А ў друку, асабліва маладзёжным, прыкладна з 1988 года пачала ярка праяўляцца менавіта гэтая тэндэнцыя. На старонках «Комсомольской правды», «Чырвонай змены», «Знамени юности» ўсё большае месца займаюць матэрыялы пра секс і разбэшчанасць, пра НЛА, экстрасенсаў, хірамантаў, калдуноў, пра наркаманаў і таксікаманаў, пра гомасексуалістаў і прастытутаў... Зараз, калі зняты ўсялякія «табу» і абмежаванні, калі мы, нарэшце, атрымалі Закон аб друку, як ніколі актуальным стала пытанне аб маральнай адказнасці і сумленнасці журналістаў. Канешне, на «клубнічна-малінавыя» тэмы пісаць лягчэй, на іх хутчэй «кльонуць» (асабліва калі матэрыял будзецца па прыцыпу «што бачу, тое і пішу»), але ж журналіст павінен думаць перш за ўсё пра каэфіцыент карыснага дзеяння свайго выступлення на старонках газеты. А калі ў яго няма пачуцця адказнасці за напісанае, то трэба весці гаворку пра адмоўны ўплыў прэсы на духоўнае станаўленне асобы, пра выхаванне бездухоўнасці.

Маладзёжныя газеты з трывогай адзначаюць: тое, што стагоддзямі было нельга (сорамна), зараз стала не толькі можна, але і... папулярна. Адна з шануемых маладзёжным друкам тэм — прастытуцыя. Калі чытаеш шматлікія газетныя матэрыялы, узнікае ўражанне, што рэдакцыйныя партфелі па гэтай тэматыцы невычарпальныя. Публікацый на «пікантныя» тэмы шмат, але, на думку супрацоўнікаў МУС, яны часцей прыносяць шкоду, а не карысць. Пра гэта расказвала «Комсомольская правда» 27 студзеня 1989 г. у артыкуле Н. Баяркінай «На панелі». Сапраўды: калі бярэшся лячыць, то галоўнае — не пашкодзь! У апошні час павялічылася колькасць правапарушэнняў, якія ўчыняюць прадстаўніцы старажытнейшай прафесіі, у іх асяроддзе сталі ўлівацца юныя дзяўчаты — па ўсяму відаць, не без «дапамогі» маладзёжнага друку. Можна прыгадаць аповесць В. Куніна «Інтэрдзяўчын-ка», якая нечакана стала бестселерам адразу пасля апублікавання ў часопісе «Аўрора» (№№ 2—3, 1988). Маладзёжкі не змясцілі ніводнай больш-менш глыбокай, сур'ёзнай рэцэнзіі на твор, дзе з захапленнем (інакш і не скажаш!) малюецца жыццё прастытутаў.

У час працы над артыкулам «Узаканеная платная разбэшчанасць: ці магчыма? ці трэба?» («Чырвоная змена», 29 верасня 1990 г.) мне давялося размаўляць з многімі адказнымі камсамольскімі работнікамі. Амаль усе яны не супраць легалізацыі прастытуцыі, а ў самой «пікантнай» прафесіі... не бачаць нічога заганага (!). Прынамсі, гэтае меркаванне можна лічыць з'яўленам, калі ўважліва перагледзець старонкі маладзёжных газет за 1988—1989 гг. Напрыклад, 5 кастрычніка 1989 г. цэлы выпуск «Клуба цікаўных» «Комсомолка» прысвяціла сексу. Чаго тут толькі няма! І «Сумная гісторыя» С. Прутава аб школьным настаўніку фізкультуры, які расказвае сваім вучням, «як ён займаўся каханнем на падаконніку ў пад'ездзе і, відаць, ад лішку пацуццяў выдавіў аконнае шкло спінай сваёй суседкі». Тут і глыбокадумная парада-разважанне аб тым, што «з псіхалагічнага пункту гледжання будзе шмат карысней, калі першы практычны вопыт сексу жанчына атрымае яшчэ да таго, як выйдзе замуж... большасць людзей так і робіць» і многае іншае ў гэтым жа рэгістры.

Газета адрасавана чытачу, узрост якога ад 14 і больш: дык зусім не зразумела, чаму ўзаемаадносіны паміж мужчынам і жанчынай рэдакцыя зводзіць выключна да сексу, да біялогіі, а пра светлае пачуццё кахання — ані слова. Атрымліваецца: секс у нас ёсць, кахання — няма... Гэта вынікае таксама і з матэрыялаў тэматычнай старонкі «Чырвонай змены» «Адам і Ева». «Чырвонка», дарэчы, рэгулярна «балую» свайго чытача і фотаздымкамі, якія, бадай што, маглі б паспаборнічаць з «плэйбоеўскімі».

Зноў — крайнасць: калі раней маладзёжкі баяліся хоць крыху саступіць ад ханжаскай маралі «зашпіленых гузікаў», то зараз заняліся ледзь не пропаведдзю разбэшчанасці. Толькі дзесьці з другой паловы 1990 г. пачала па-троху мяняцца танальнасць матэрыялаў на гэтыя тэмы. Так, журналіст А. Лапін у артыкуле «Секстрасенсы» («Комсомольская правда», 28 кастрычніка 1990 г.) разважае: «Па сутнасці, уся гісторыя чалавецтва — гэта працэс выдзірання сябе з дзікаства і некультурнасці. Дык няўжо мільёны пакаленняў чалавецтва імкнуліся да таго, каб нашчадкі вярнуліся да дзікага стану? Мы павінны нарэшце ўсвядоміць, што ніводнае грамадства не выжыве, калі яно будзе разбэшчваць уласных дзяцей». Не разлічанае на штучную сенсацыйнасць, разумнае і глыбокае асвятленне ўсіх пытанняў і праблем у маладзёжнай прэсе будзе садзейнічаць духоўнаму адраджэнню грамадства, вяртанню ў жыццё вечных каштоўнасцей. Інакш нас чакае маральны тупік.

Леў Талстой запісаў у дзённіку 13 сакавіка 1900 г.: «Усё можна дараваць, толькі не скажэнне тых вышэйшых ісцін, да якіх з такой цяжкасцю дайшло чалавецтва». Друк сведчыць: у грамадстве якраз і адбываецца злачынная пераацэнка каштоўнасцей. Адна з прычын, безумоўна, — функцыянаванне камандна-адміністрацыйнай сістэмы. Але ж справа не толькі ў гэтым, нельга ўсё тлумачыць знешнімі ўмовамі: чалавек павінен заставацца Чалавекам заўсёды, якімі б складанымі не былі абставіны. Чамусьці гэты нюанс газеты амаль не ўлічваюць. Маладзёжкі друкуюць шмат пісьмаў чытачоў, у якіх сваю амаральнасць некаторыя тлумачаць так: маўляў, я тут ні пры чым, жыццё дрэннае — і я такі. Людзі здымаюць з сябе ўсялякую адказнасць, свядома адмаўляюцца ад сумлення (?!). «Лічу, што менавіта з-за адсутнасці дастойнай мэты ў жыцці сярод нас ёсць новаспечаныя свідрыгайлавы, аднолькава здольныя рабіць і дабро, і зло», — напісаў у «Комсомольскую правду» 20-гадовы Джамал Аджыеў (7 верасня 1989 г.)

Адсутнасць дастойнай мэты жыцця, бязвер'е ідзе і ад страты павагі да мінулага сваёй краіны, свайго народа. Некалі У. І. Ленін ваяўніча выступаў супраць нігілізму ў адносінах да папярэдняй культуры. Паўтараемасць памылак — наша пакаранне, наш крыж. Мы зноў так перакрэслілі сваё, ужо сацыялістычнае мінулае, што стварылі ўражанне, быццам з 1917 г. ішлі толькі шляхам памылак. Пры аналізе публікацый маладзёжных газет на гістарычныя тэмы звяртае ўвагу імкненне ўсё без разбору «ускалмачваць». Дзеся гэтага газеты пускаюць у ход чорныя фарбы, амаль што спаборнічаюць: хто болей «гэткага» надрукуе. Але ж у нашай гісторыі шмат светлых, яркіх старонак, а юнакам і дзяўчатам, якія абдумваюць жыццё, неабходны станоўчы прыклад, «святло ў канцы тунеля». Аднак матэрыялы аб моцных, бескампрамісных людзях, чые перакананні не зламалі ні пакуты сталінскіх катаванняў, ні застойная руціна, — па-ранейшаму рэдкія на старонках газет.

У грамадстве паглыбляецца тэндэнцыя страты ўсялякіх ідэалаў: надта шмат іх было навязана. Маладзёжкі вядуць з чытачом шчырую, бескампрамісную гутарку на конт гэтага. «Да заснавання. А навошта? — так называўся артыкул В. Марынічавай («Комсомольская правда», 30 верасня 1989 г.), які выклікаў цэлы шквал чытацкіх пісьмаў, некаторыя з якіх апублікаваны пад рубрыкай «Як жыць?» — 8, 9 і 12 снежня. «Крах або ўлада ідэалу» — так называецца адна з падборак, дзе чытачы разважаюць пра тое, ці патрэбны ідэал наогул і як пазбавіцца ад ілжывых, уяўных ідэалаў, чым адрозніваюцца ідэалы ад ідалаў, што разумець пад камуністычным ідэалам, у што верыць? Мабыць, гэтыя сумненні і блуканні, спрэчкі з аўтарытэтамі і з сабою і ёсць духоўныя шуканні маладога пакалення, што ажыццяўляюцца з дапамогай друку.

Тэма ўплыву маладзёжнай прэсы на духоўнае станаўленне асобы даволі складаная, патрабуе ўсебаковага асэнсавання і, галоўнае, разумення ў рэдакцыйных калектывах маладзёжных газет.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 79.

² Чичановский А. А. Инстанция истины. М., 1989. С. 19.

ВЫТОКІ І СУЧАСНЫ СТАН СТУДЭНЦКАГА ДРУКУ БЕЛАРУСІ

Стварэнне шматтыражнага друку ВНУ не было выпадковай з'явай. Сваім нараджэннем гэты тып газет абавязаны дзейнасці У. І. Леніна — журналіста і рэдактара, тэарэтыка і арганізатара газетнай справы ў краіне. Неабвержных фактаў на карысць гэтай думкі дастаткова. Значэнне, якое надаваў У. І. Ленін спецыялізаванаму друку ў фарміраванні грамадскай думкі, у палітычнай актывізацыі студэнцкай моладзі, раскрывае барацьба прыхільнікаў «Іскры» з эсэрамі ў сувязі з выданнем нелегальнай газеты «Студент». Першы нумар яе (красавік 1903) цалкам адпавядаў эсэраўскаму напрамку. Сацыял-дэмакраты на чале з У. І. Леніным не прынялі палітычную лінію «Студента» і зрабілі шэраг захадаў для пераарыентацыі гэтага друкаванага органа. Прынамсі, характэрна выказванне У. І. Леніна: «...аб значным кроку ўперад, які адбыўся ў поглядах рэдакцыі пасля выпуску № 1 «Студента»¹.

У. І. Ленін сустракаўся з рэдактарам «Студента», арганізоўваў дапамогу ў выданні газеты. Для яе ён напісаў артыкул «Задачы рэвалюцыйнай моладзі», які быў надрукаваны ў №№ 2—3. Артыкул адначасна падзагалоўкам «Пісьмо першае». Заканчваючы яго, У. І. Ленін пісаў: «У наступных пісьмах я хацеў бы пагутарыць з чытачамі «Студента» аб значэнні марксізма для выпрацоўкі цэльнага светасузірання, аб прынцыповых і тактычных адрозненнях сацыял-дэмакратычнай партыі і партыі соц.рэв., аб пытаннях студэнцкай арганізацыі і аб адносінах студэнцтва да рабочага класа наогул»². У гэтых накідах наступных пісем-гутарак прасочваецца прынцыповы погляд У. І. Леніна на ролю і перспектывы развіцця студэнцкага друку. Ён разглядаў студэнцкую прэсу як сродак рэвалюцыйнага выхавання, сталення навучэнскай моладзі. Адначасова У. І. Ленін сфармуляваў патрабаванні да студэнцкай прэсы: «толькі стоячы на пункце гледжання ў поўнай меры акрэсленай праграмы, можна і трэба працаваць у самых шырокіх кругах студэнцтва над расшырэннем акадэмічнага кругагляду і над прапагандай навуковага сацыялізма, г. зн. марксізма»³.

Асабісты ўдзел у студэнцкіх выданнях таксама з'яўляецца доказам таго, якую адказную ролю адводзіў У. І. Ленін спецыялізаванаму друку для студэнцтва. З яго імем непасрэдна звязаны выхад у 1914 г. першага нумара агульнарасійскага студэнцкага часопіса «Утро жизни». У 1906 г. у першым і адзіным нумары штотыднёвай грамадска-палітычнай і літаратурнай газеты «Молодая Россия» — легальны орган сацыял-дэмакратычных студэнтаў — ён выступіў з артыкулам «Рабочая партия і яе задачы пры сучасным становішчы»⁴.

Нават гэтыя, а таксама іншыя дакументы сведчаць, што ленінскія погляды на ролю спецыялізаванага друку ў фарміраванні грамадскай думкі студэнцтва, асабісты ўдзел У. І. Леніна ў студэнцкіх друкаваных органах падрыхтавалі тэарэтычны падмурак, стварылі гістарычныя перадумовы нараджэння шматтыражнага друку вышэйшых навуковых устаноў.

«Радаслоўная» газет інстытутаў і універсітэтаў пачыналася не з нулявой адзнакі. Стварэнне шматтыражнага друку — гэта працэсы назапашвання выдавецкага вопыту ў ВНУ, пашырэння аўдыторыі чытачоў насценных і аднаразовых эпизадных выданняў, якія былі шырока распаўсюджаны ў вышэйшай школе ў першыя гады пасля Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі. Пэўны практычны падмурак для ўзнікнення шматтыражнага друку ВНУ падрыхтавалі выдаваемыя студэнтамі часопісы. У 1921 г. студэнты Горацкага сельскагаспадарчага інстытута выпусцілі тры нумары штомесячніка «Дни нашей жизни», у наступным годзе — пяць. Тры нумары часопіса «Голос революционного студенчества» былі выдадзены ў 1923—1924 гг.⁵ Шматтыражная газета «Советский студент» Беларускай сельскагаспадарчай акадэміі пачала выходзіць з 1929 г.

Вядомы зараз і іншыя часопісныя выданні, адназдзённыя друкаваныя газеты студэнтаў Беларусі. Як адзначаюць даследчыкі, «з 1918 па 1929 год у краіне выдавалася больш за 50 студэнцкіх часопісаў... У гэты перыяд з'явіўся новы тып студэнцкага друку — шматтыражныя газеты ВНУ»⁶.

Першыя шматтыражныя газеты ВНУ пачалі выдавацца ў буйнейшых універсітэтах і інстытутах краіны. Адна са старэйшых газет краіны — шматтыражка Беларускага дзяржаўнага універсітэта — выдаецца з 1922 г. Першы нумар яе выйшаў пад назвай «Голос рабфаковца» да гадавіны ўтва-

рэння ўніверсітэта. У канцы 1929 г. «Рабоче-крэстьянскіі корреспондент» канстатаваў: «цяпер ужо амаль у кожнай буйной ВНУ, акрамя насценных газет, выдаюцца шматтыражныя друкаваныя газеты»⁷.

З цягам часу шматтыражная прэса развівалася з улікам зменлівых гістарычных умоў і задач вышэйшай школы. У гэтай сувязі пэўную цікавасць уяўляе храналогія стварэння студэнцкага друку Беларусі: 1922 г.— «Беларускі ўніверсітэт», 1929 г.— «Советскіі студент» (Горацкая сельскагаспадарчая акадэмія); 1935 г.— «Советскіі інжынер» (Беларускі політэхнічны інстытут), 1955 г.— «Советскіі медик» (Мінскі дзяржаўны медыцынскі інстытут); 1956 — «Сігнал» (Беларускі інстытут інжынераў чыгуначнага транспарту); 1969 г.— «Гомельскі ўніверсітэт»; 1972 г.— «Савецкі настаўнік» (Мінскі педінстытут); 1977 — «Эканоміст» (Беларускі дзяржаўны інстытут народнай гаспадаркі); 1984 — «Сельскіі інжынер» (Беларускі інстытут механізацыі сельскай гаспадаркі); 1985 — «Маяк» (Мінскі радыётэхнічны інстытут); 1986 г.— «Гродненскіі ўніверсітэт».

Для перыяду станаўлення шматтыражнага друку ВНУ характэрна частая змена назваў выданняў, перапынкі ў выпуску, у прыватнасці, звязаныя з Вялікай Айчыннай вайной. Напрыклад, газета «Беларускі ўніверсітэт» з 1922 па 1954 г. змяніла дзесяць назваў, «Советскіі студент» — тры.

Толькі на рубяжы 50-х гг. студэнцкі друк набыў стабільнасць у назвах функцыяніруючых выданняў. Развіццё сістэмы вышэйшай адукацыі прадвызначыла пашырэнне сеткі шматтыражных газет. У 50—80-х гг. працягваўся працэс стварэння новых газет і ператварэння іх у масавы тып выдання.

Па нашых падліках, к канцу 1990 г. у краіне выдавалася звыш 450 шматтыражных газет ВНУ. Улічваючы, што практычна ўсе яны выдаюцца тыражом у 2 тыс. экз. і больш, разавы іх тыраж перавысіў мільён экзэмпляраў.

Па стану на 1990 г. у 12 буйнейшых ВНУ Беларусі выдаваліся шматтыражныя газеты тыражом амаль 35 тыс. экз. Сённяшнія колькасць і тыраж прэсы ВНУ для ста тысяч студэнтаў 33 ВНУ рэспублікі відавочна недастатковыя. Думаецца, што Закон аб друку, які вызначыў шляхі далейшага развіцця сродкаў масавай інфармацыі, надасць колькасны і змястоўны дынамізм сістэме студэнцкага друку Беларусі.

¹ Ленін У. І. Творы. Т. 7. С. 28.

² Там жа. С. 41.

³ Там жа.

⁴ Там жа. Т. 10. С. 75.

⁵ Гл.: Советскіі студент. 1979. 12, 19 кастрычніка; 2, 19 лістапада.

⁶ Вестник Ленинградского университета: Сер. ист., язык, лит. 1969. Вып. 1. № 2. С. 175.

⁷ Рабоче-крэстьянскіі корреспондент. 1929. № 24. С. 17.

И. Ф. УХВАНОВА-ШМЫГОВА

О ВЫРАБОТКЕ НАВЫКОВ ВЕРТИКАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ ТЕКСТА У СТУДЕНТОВ

Подготовка высококвалифицированного специалиста в вузе невозможна без последовательной, рационально-спланированной, эффективной самостоятельной работы студента. И в первую очередь это работа с книгой, с текстом. Однако умеет ли студент действительно эффективно работать с текстом? Насколько глубоко он понимает содержание прочитанного? Умеет ли отделить главное от второстепенного, данное от выводимого, получаемого, причину от следствия? Умеет ли видеть связи, отношения между элементами одного текста, между определенным рядом текстов? Исходя из каких соображений дает оценку тексту? Может ли увидеть в содержании текста авторскую оценку, если она представлена имплицитно? Все это — не праздные вопросы. Ответы на них с той или иной мерой полноты всегда дает преподаватель, раскрывая тему лекции. Но учит ли он студента самостоятельному поиску ответов на эти вопросы, логике такого поиска, вооружает ли его знаниями методики самостоятельной работы с письменными источниками, текстами по специальности?

Практика работы со студентами факультета журналистики над текстами по специальности показала, что задания на последовательный пересказ той или иной статьи с опорой на спонтанно выбранные тематические слова или предложения в их линейном развертывании способствуют развитию памяти студентов, умению следить за описываемыми событиями, но не подготавливают к схватыванию самой сути материала. А значит, любой вопрос, опережающий либо возвращающий студента к уже сказанному, нередко ставит его в тупик. Характерно, что, готовясь к пересказу по традиционному плану, студент редко возвращается к уже прочитанному. Он стремится запомнить горизонтальные, но не вертикальные связи текста, которые часто остаются вообще незамеченными. Вот здесь и теряется драгоценное время студента. Установка на линейное прочтение и такое же линейное заучивание прочитанного дает лишь накопление первичной информации, но не ее преобразование. Для этого необходим уже навык вертикального чтения, предполагающий не только восприятие материала, но и преобразование, сопоставление, уточнение, определенное творчество. А значит, необходимо помочь студенту в приобретении навыков такой работы. Нельзя ждать, пока чисто интуитивно он придет к этому сам. Ведь из-за отсутствия этого навыка может теряться и интерес к изучаемому предмету, ибо студент нередко оказывается не в состоянии перейти от простого накопления определенного количества информации к качественно новой ступени — приобретению действительного знания. Определенная независимость от линейной заданности информации в процессе работы с текстами по специальности — причем уже на первом этапе такой работы — является залогом готовности

студента к дискуссиям по изучаемым материалам, нацеливает на поиск связей и отношений, выделяемых в процессе вертикального чтения опорных элементов, поиск логики информативного развертывания текстов. В дальнейшем же навык вертикального чтения облегчит работу студента над материалами для написания как докладов на научные студенческие конференции, так и ежегодных курсовых работ. Вот почему было бы весьма полезным создание в вузах на самом раннем этапе обучения спецкурса (семинара или факультатива), ставящего перед собой задачу выработки и закрепления у студентов умений и навыков вертикального чтения. Речь идет о том, чтобы вооружить обучающихся методикой работы с текстами. Смысловым ядром такого спецкурса должно стать обучение тому, что является собой план содержания текстов и каковы возможности его свертывания.

Текст, как и другие структурные единицы письменной речи — слово, предложение, книга... являясь по существу семиотическим знаком, включает в себя различные виды информации: как внелингвистическую (сигнификативно-денотативного или познавательно-деятельностного характера, с одной стороны, и оценочно-эмотивного или прагматически детерминированного, с другой), так и лингвистическую (синтаксического или линейно-значимостного характера и парадигматического или, соответственно, вертикально-значимостного характера). При этом совершенно очевидно, что многоаспектность носит системный характер, в силу чего и происходит определенное равновесие плана содержания единиц языка/речи, его диалектическое единство, предполагающее (в рамках этого равновесия) постоянное движение, вариативность, множественность толкований и пр. Такой подход к понятию «план содержания языка/речи» является уже непосредственной данностью современной науки о языке, однако не стал еще реальностью в полной мере для методической науки, а значит, никак не проявляет себя в непосредственной практической работе с письменными источниками. Так, для студента-нефилолога чуть ли не всех лет обучения текст так и остается источником исключительно внелингвистической информации, а иногда лишь одной ее части — сигнификативно-денотативной. Умение же работать с ним отождествляется с умением «считывать» лишь этот вид информации. Такой намеренно урезанный, механистический подход к плану содержания текста и является, по нашему мнению, причиной низкого уровня знаний многих студентов. В нем заключается, по всей видимости, определенный методологический просчет. Основная ошибка игнорирования лингвистической стороны плана содержания текста заключается в недопонимании того, что она проявляет себя с двух сторон: и как источник информации, и как источник саморегуляции и организации данного явления. Из последнего и вытекает то, что организация внелингвистической информации (равно как и лингвистической) предопределена характером возможных лингвистических заданностей. А значит, внелингвистическая информация текста имеет как линейное, так и вертикальное измерения.

Единство в подходах к плану содержания различных структурных единиц письменной речи, обусловленное тем, что все они являются письменно представленными, завершенными информативными единицами, семиотическими знаками, не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость четкого видения каждой и умение работать с ними, начиная с более мелких (микротексты) и кончая выходом на ряд тематически связанных текстов, книгу и пр. (макротексты). Такая работа предполагает, во-первых, приобретение студентами навыков так называемого рема-тематического чтения, иначе говоря, навыков формулирования ответов на вопросы: 1) о чем говорится в данной структурной единице текста? — тема и 2) что именно говорится об этом? — рема. Эти два элементарных вопроса оказываются не такими уж простыми для первокурсников. Тем более, что перед ними ставится задача представить тему одним словом (именем существительным) или назывной группой. Характерно, что, как правило, студенты пытаются вместо поиска своего ответа

воспроизводить какие-то готовые формы из текста. Уже на этом этапе, таким образом, надо стремиться к выработке у студентов краткости и точности, поставить обучающегося перед необходимостью поиска ключевого слова не только в самом тексте, но **своего** слова, надо научить его **называть** факты, явления, действия, события, т. е. тему, оторвав от конкретных проявлений, деталей. И только после того, как тема названа, переходить к ее раскрытию: так что же говорится об этом? Второй вопрос, как правило, понимается легче и требуется меньше примеров, чтобы студент понял, что от него требуется. Очевидно, учеба в общеобразовательной школе протекает таким образом, что учащимся не надо называть вещи, явления. Это делает за него учитель. Ему же чаще приходится раскрывать содержание уже названного или просто заучивать готовые ответы на сформулированные вопросы.

Выработка и закрепление навыков рема-тематического чтения начинается, как правило, с предложения. Однако важно «не засидеться» на этом, чтобы не потерять видение перспективы — общего текстового развертывания, текста в целом. За основную работу оптимально брать более крупные структурные единицы текста. Такой единицей может быть абзац, а чаще группа абзацев (когда со всей очевидностью уже с первого взгляда в них прослеживается определенное тематическое единство, близость). Причем, работая с более крупными единицами, необходимо научиться видеть тема-рематические линии — тот лексический пласт, который работает непосредственно на развертывание темы (расширение либо сужение ее граней, детализация...). Для закрепления этого навыка надо научить студента оптимальным вариантам письменной фиксации таких линий¹. Это, однако, лишь первый этап работы, который включает в себя в процессе последовательной, поструктурной проработки текста фиксацию пока еще линейно-заданного рема-тематического плана. По своей сути он является начальным этапом обучения семиотической грамматике текста, овладение которой предполагает умение в выделенных по степени значимости структурных единицах текста видеть их главные семантические сочленения и декодировать их в соответствии со значением их позиции (как линейной, так и вертикальной). Но уже на этом этапе со всей очевидностью обнаруживаются преимущества данного подхода. Так, значительно сокращается время чтения текста в целом, снижается во многих случаях определенная робость первокурсников перед более крупными по размеру речевыми единицами.

Следующий этап работы предполагает поиск связи, характера отношений между темами и определение того, что является связующим звеном между ними, как эта связь проявляется (близость, смежность, включенность, однородность, притяжение, отталкивание...). Здесь может (и должно) наблюдаться определенное абстрагирование от собственно текстовой информации, домысливание, принятие и отторжение — процесс творческого осмысления, предполагающий и оценочную деятельность, согласие или несогласие с автором. Этот этап работы проводится вначале всей группой, а затем в парах с обязательными дискуссиями, мотивировкой, возвращением при необходимости к первоисточнику. Здесь важны все детали, совпадения, противоречия. От этих обсуждений, раздумий, поисков и следует отталкиваться, переходя к третьему этапу работы с текстом — составлению основных понятийных парадигм текста, определяя их последовательность смысловой заданностью и зависимостью.

Новый этап работы предполагает, во-первых, необходимость выявить, а значит, **назвать** общую, определяющую тему (или темы) материала, независимо от той, которая объявлена автором в заголовке (ибо возможны расхождения между объявленной автором и реализованной темами, не говоря уже о тех случаях, когда заголовок вообще не несет никакой информации, а выполняет какую-то иную функцию — рекламную, например). Следует учитывать и возможное параллельное раскрытие тем, не связанных с основной изначально, равно как может информатив-

но проявить себя подтекст и т. д. Все эти выявляемые в процессе чтения темы заслуживают внимания при одном условии: когда прослеживаются соответствующие тема-рематические линии, иначе говоря, когда тема у автора получает определенное развитие в ремах. В противном же случае, т. е. будучи только названной, она является, по своей сути, лишь ремой, каким-то образом (пусть даже и весьма значительным) воздействующей на содержание темы, но не имеющей самостоятельного, определяющего характера. Наличие же таких линий — объективный показатель адекватности чтения материала, своего рода противодействие от одностороннего, личностно-значимого только для данного читателя видения материала. Хотя совершенно ясно, что некоторый элемент субъективности в процессе чтения присутствует всегда. Он неизбежен и в процессе выбора последовательности тем по значимости. Ведь было бы неверным такую последовательность ставить в зависимость от длины тема-рематической линии (количественный показатель лишь отчасти может быть опорой для такого выбора). Здесь должны учитываться также такие объективные показатели, как внутривидовые позиции тем: их выделение по абзацам, присутствие элементов тема-рематических линий в заголовках, подзаголовках, «лидах» (для газетно-журнальных материалов), использование всего арсенала их графической подачи и пр. Эти все средства и следует в полной мере вывести, обсуждая параллельно с денотатно-сигнификативным аспектом плана содержания текста и его оценочно-эмотивное содержание, выступающее в своеобразном равновесии прагматики составителя текста и прагматики его читателя. Это равновесие, однако, может искусственно нарушаться в ту или другую сторону в тех случаях, когда перед читающим стоит определенная, узко очерченная им самим либо педагогам задача. Такие варианты, если позволяет время данного спецкурса или семинара, могут быть соответственно проработаны.

Как уже было отмечено, развитие тема-рематических линий идет по пути выявления доминантной лексики, работающей на название, определение, детализацию, развертывание соответствующей темы, ее эмотивное видение. Опираясь на эту лексику, читатель декодирует соответственные такие аспекты плана содержания, как денотатно-сигнификативный и прагматический. Иначе говоря, происходит процесс актуализации внелингвистических связей, отношений между обозначаемыми. Однако мы не можем не учитывать и того факта, что и обозначающие, т. е. собственно языковые знаки (слова, словосочетания...), также тесно связаны между собой определенными узлами. Речь идет о вторичной информации, которую приобретают знаки, попадая в языковую систему — информации парадигматического характера. Насколько семантически сочетаемостны между собой языковые знаки, попадающие в одну тема-рематическую линию, какие ассоциации, параллели, переносы, связи они с собой несут, в какое эмоционально-оценочное и смысловое поле они попадают, какую информацию несет это поле в целом — это не праздные вопросы. Ответы на них также позволяют выявить содержание темы, задающей данную линию, содержание всего текста, объясняют появление других тема-рематических линий, заголовков, подзаголовков и пр. Обучение парадигматическому декодированию текстов способствует повышению языковой культуры студентов, более глубокому осознанию ими воздействующей силы слова, работает на совершенствование профессиональных знаний, обогащение словаря по специальности.

Таким образом, мы с той или иной степенью полноты определили в процессе схематизации вертикально-прочитанного текста гносеологические, прагматические и парадигматические параметры его плана содержания. Однако глубина чтения предполагает также и постижение замысла автора. И здесь нам важен анализ соотношения результатов линейного и вертикального типов чтения. Такой анализ можно запрограммировать в составляемые схемы. Так, можно пронумеровать все парадигматические ряды в соответствии с последовательностью их подачи в тексте,

где одна и та же парадигма (или ее элементы) может иметь несколько цифр в соответствии с тем количеством раз, сколько на каждом новом витке, в соответствии с развитием своей мысли, автор к ней обращался. Можно изобразить авторское линейное развертывание на схеме и с помощью графических элементов: стрел, пунктира (между линейно-связанными темами/ремами) и пр. Следует избегать здесь лишь излишней детализации, которая не облегчит, а, наоборот, значительно осложнит видение прочитанного. Излишнее дробление может привести к эффекту потери целого. Наша же задача — идти по пути свертывания материала.²

Видение замысла автора и осознание того, насколько он способствует раскрытию темы/тем, помогает созреванию у читателя нового, критического взгляда на план содержания текста в целом и его элементов, способствует появлению в дискуссиях студентов таких критериев, как достаточность/избыточность, логичность/алогичность, прерывистость/последовательность, схематизм/глубина и др.

Дальнейшая работа по обучению вертикальному чтению предполагает обязательный выход на обработку по намеченной нами схеме группы тематически связанных текстов одного автора, разных авторов. Для студентов журфака это может быть также группа текстов, объединенных по принципам жанра, школы и пр.

Значимость обучения вертикальному чтению студентов факультета журналистики, ввиду апробации многих элементов предлагаемого спецкурса/семинара в рамках занятий на этом факультете, видится также и в том, что, помимо подготовки к будущей НИРС, а также занятиям по обучению редакторской работе, оно может оказаться полезным и в дальнейшей практической работе будущих журналистов. Так, уже на начальном этапе сбора материала к будущим статьям студентов можно нацелить их на составление предварительных смысловых парадигм. Это поможет увидеть недостающие звенья уже в самом начале работы, удержит от бездумья, «расползания» материала, пустословия. Ну и, конечно же, станет в целом весомее, содержательнее самостоятельная работа студентов в процессе обучения в вузе.

¹ Можно воспользоваться в данной связи предложениями А. А. Вейзе об изначальной форме письменной фиксации тем и рем при составлении тема-рема-тематических линий. (См.: Вейзе А. А. Реферирование текста. Мн., 1978).

² Можно предложить здесь термин «акцентное свертывание», т. е. свертывание текста с расстановкой семантических акцентов.

Л. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. П. МАШКОВСКАЯ, Ф. М. ЛИТВИНКО

ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ УМЕНИЙ ИСПОЛЬЗОВАТЬ КОМПЬЮТЕРЫ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современных условиях университетское образование должно помогать студентам педагогических специальностей вырабатывать умения и навыки использования персональных компьютеров в практической деятельности. Студенты должны получить представление о дидактических возможностях типовых персональных компьютеров, установленных в школьных кабинетах, а также уметь применять имеющиеся в наличии компьютерные программные средства по предмету специальности и разрабатывать собственные такие средства.

Исследования, проводимые на филологическом факультете Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина, показали, что у подавляющего большинства студентов отделения русского языка и литературы, осознанно, а не в силу сложившихся обстоятельств выбравших профессию учителя, отмечается желание овладеть знаниями по предмету специальности, современными методами, способами и сред-

ствами передачи знаний ученикам. В этих условиях важно так организовать учебно-воспитательный процесс в вузе, чтобы трансформировать неосознанный интерес в наиболее важный для эффективной учебно-познавательной деятельности студентов опосредованный интерес. По нашему мнению, именно персональный компьютер может выступить своего рода стимулятором, побуждающим будущих педагогов глубже вникнуть в содержание своего предмета и методику его преподавания. Если студент сможет на таком уровне описать сценарий урока, а исполнитель (в частности, компьютер) обеспечит достижение намеченной цели, то можно сказать, что этот студент владеет материалом и способами его передачи.

Для подготовки будущих педагогов к использованию персональных компьютеров в качестве одного из средств обучения в средней общеобразовательной школе на отделении русского языка и литературы разработан спецпрактикум, основные цели которого:

- формирование у будущего педагога потребностей и мотивов использования вычислительной техники в учебном процессе; практическое ознакомление с местом компьютера в учебном процессе школы, дидактическими основами применения ЭВМ в преподавании;

- приобретение студентами практических умений и навыков составления и редактирования текстов письменных работ (отзывов и рецензий на художественные произведения, сочинений и изложений и т. д.) с помощью компьютерных текстово-графических редакторов, а также умений и навыков разработки моделей обучающих программ;

- преобразование обучающих программ в соответствии с задачами определенного этапа обучения и формами организации занятий;

- составление простейших обучающих программ.

Достижение целей спецпрактикума обеспечивается путем:

- изучения студентами дидактических основ компьютеризации обучения, возможностей, преимуществ и условий применения вычислительной техники в учебном процессе;

- формирования умений и навыков работы с компьютерными программными средствами учебного назначения;

- ознакомления с элементами обучающих программ (при работе с моделями), основными приемами и методами составления обучающих программ;

- развития умений и навыков составления отдельных элементов обучающих программ;

- формирования умений и навыков составления простейших обучающих программ;

- формирования у студентов умений корректировки структуры и текстового наполнения обучающей программы с целью использования ее в иной дидактической ситуации.

Достижение указанных целей спецпрактикума осложнялось практически полной неподготовленностью студентов-филологов в области информатики и вычислительной техники в объеме средней школы и, в частности, отсутствием у них навыков работы с компьютером в качестве пользователей, а также недостаточно развитым алгоритмическим мышлением. Поэтому первые занятия спецпрактикума ставили целью преодоление студентами естественного психологического барьера, препятствующего свободному владению новым для них техническим средством обучения — компьютером. На этих занятиях студентам предлагалось поработать в роли обучаемых с различными компьютерными учебными программами, выполнение которых не вызывало затруднений: программы рассчитаны на учащихся 5—6 классов. Так, например, нами использовались обучающие программы по следующему тематическому разделу «Словообразование» школьного курса русского языка: «Корень слова», «Чередование звуков», «Буквы *о-а* в корне *-раст-/-рос-*», «Буквы *о-а* в корне *-гор-/-гар-*», «Буквы *о-а* в корне *-лаг-/-лож-*», «Буквы *о-а* в корне *-кос-/-кас-*», «Буквы *о-ё* после шипящих в корне», «Приставка», «Правописа-

ние гласных и согласных в приставках», «Буквы **з, с** на конце приставок», «Гласные в приставках *пре-, при-*», «Буквы **ы, и** после приставок», «Суффикс». Эти программы позволяют: дать понятие о корне как значимой части слова, выработать у учащихся навыки вычленения корня в слове и определения его значения, повторить правописание проверяемых согласных и гласных в корне слова; закрепить навыки правописания корней *-лаг-/-лож-, -раст-/-рос-, -гор-/-гар-, -кос-/-кас-*; закрепить навыки правописания *ё-о* после шипящих в корне; сформировать у учащихся понятие о приставке как значимой части слова, показать роль приставок в образовании слов; дать понятие о чередовании звуков при изменении и образовании слов; научить учащихся определять корень, приставку при наличии в них чередующихся звуков; повторить и систематизировать сведения о правописании гласных и конечных согласных в приставках; закрепить правописание приставок и написание предлогов с другими словами; дать понятие о суффиксе как значимой части слова, показать роль суффикса в образовании слов, выработать у учащихся навыки выделения суффикса и определения его значения. Дружественный диалог «компьютер — ученик» и доброжелательная обстановка на занятиях позволили быстро снять напряженность в работе студентов, более того, многие из них изъявили желание использовать эти обучающие программы в период своей педагогической практики во внеклассной работе с учащимися средних школ, а также попытаться разработать собственные компьютерные программы, не представляя, однако, связанного с этим объема методической и технической работы.

Указанные факты свидетельствовали о начале процесса становления опосредованного интереса студентов-филологов к идее использования компьютера в преподавании русского языка. Последующие занятия посвящены элементам моделирования урока на примере модификации готовых обучающих программ в контролирующие для условного итогового урока. Особое удовлетворение испытывали студенты при работе с текстово-графическим редактором, открывая для себя новые возможности компьютера по развитию речи учащихся путем редактирования текстов письменных работ. На последующих занятиях рассматривались элементы моделирования компьютеризованного урока русского языка с целью более рациональной организации и дифференциации процесса обучения. Так, например, студенты знакомились с особенностями планирования уроков по теме, всей темы с включением различных компьютерных программ, анализировали изменение целей работы школьника с обучающей программой при использовании ее на различных этапах одного урока, на различных уроках по теме; наблюдали за изменением времени работы школьника с обучающей программой в зависимости от степени ознакомления с информацией, содержащейся в программе (изучение нового для школьника материала при работе с компьютером или после предварительного знакомства с материалом по учебнику, после объяснения учителем на уроке и т. п.). Модифицируя готовые обучающие программы в контролирующие для условного итогового урока, студенты знакомились со структурами таких программ, основными приемами и методами их разработки, особенностями построения диалога с компьютером. В частности, участники семинара анализировали различные варианты постановки вопросов, выбора и конструирования ответов, а также особенности формулировки заданий в зависимости от возраста и степени подготовленности учащихся; анализировали задания репродуктивного и творческого типа, способы их выполнения в контексте определенной программы; оценивали различные варианты подведения итогов работы учащегося с компьютерной программой.

Если на первых занятиях студенты, как правило, работали с компьютером индивидуально, то на последующих оказалось целесообразным объединить их в малые творческие подгруппы по 2—3 человека. Каждой такой подгруппе выдавалось свое задание по разработке различных вариантов включения компьютерных программ в учебно-воспитательный

процесс по теме одного или нескольких уроков. Результаты работы продемонстрировались на итоговых занятиях в форме деловой игры, когда представитель каждой малой подгруппы («учитель») проводил со всеми студентами («учениками») один из возможных фрагментов компьютеризованного урока.

В заключительной части такого занятия вырабатывалась общая концепция вариативности включения компьютерных программ в структуру одного или нескольких уроков русского языка в средней общеобразовательной школе.

О сформированности у студентов опосредованного интереса к использованию компьютеров в будущей профессиональной деятельности свидетельствуют такие признаки, наблюдаемые нами на занятиях спецпрактикума, как эмоциональность (мимика, внимание, чувства удивления, радости, сопереживания), интеллектуальная активность (появление вопросов, стремление поделиться новыми знаниями); волевое усилие (завершенность деятельности, ее продуктивность, настойчивость и терпение в преодолении возникающих трудностей); эффективность обучения (успеваемость, самоконтроль).

И. С. РОВДО

О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

Для овладения чешским, как и любым другим языком, недостаточно знания лексики, грамматики, фонетики. Чтобы процесс коммуникации на чешском языке был адекватным, необходимы знания его национально-культурной семантики, т. е. лингвострановедческие знания. Лингвострановедческая методика преподавания чешского языка преследует цель не только научить языку как средству коммуникации, но и ознакомить с культурой страны в том виде, в каком она отражена в этом языке.

Если учесть, что, кроме слов эквивалентных, есть достаточное количество и безэквивалентных, наличие которых обусловлено национальной спецификой (семантикой) языка, то разница в процессе их запоминания будет очевидной. К примеру, преподавателю достаточно сказать, что чешское слово *sešit* эквивалентно русскому *тетрадь*, чтобы учащиеся поняли его значение. Усвоить остается только форму, т. е. произношение и написание. Иначе обстоит дело с безэквивалентными словами. Объясняя слова, например, *knedlik*, *drogerie*, *nohejbal*, мы не можем прибегнуть к переводному методу объяснения, поскольку соответствующих эквивалентов в русском языке нет. Следовательно, возникает задача объяснить подробно, что значит *knedlik*, *drogerie*, *nohejbal*. Поскольку понятия, как и предметы, явления, названные данными лексемами, отсутствуют в русской этнокультурной и языковой общности, эти слова или заимствуются (*knedlik* — *кнедлик*), или переводятся описательно (*drogerie* — магазин химических, москательных, косметических и других товаров, *nohejbal* — игра в мяч на волейбольной площадке с низкой сеткой, через которую перебрасывается мяч ударами ноги).

Иногда безэквивалентное чешское слово по форме сходно с русским словом, что вселяет в билингва уверенность и в содержательную эквивалентность этих слов. Так, носители русского языка, даже достаточно хорошо знающие чешский язык, часто переводят *Akademie múzických umění* как *Академия музыкального искусства*, хотя в данном сочетании слово *múzický* несет другую смысловую нагрузку. В переводе это сочетание выражается сложнее: *Академия музыки, театра и кинематографии*.

Значительно больше будет процент так называемых фоновых, т. е. эквивалентных слов, различающихся всевозможными внеязыковыми сведениями, знаниями. Такие слова вызывают разные ассоциации у носите-

лей чешского языка, с одной стороны, и у носителя русского — с другой. Так, слово *nástěnka* переводится на русский язык как *стенгазета*. Однако словом *nástěnka* может обозначаться и какая-либо информация в виде небольших плакатов, выпущенных, например, к какому-нибудь юбилею, что вряд ли можно назвать словом *стенгазета*.

К фоновым словам относятся и чеш. *nádraží* — рус. *вокзал*. Если спросить *Jak se dostanu na nádraží?*, то каждый чех покажет направление к железнодорожному вокзалу, отождествив в своем сознании понятия «вокзал» и «железнодорожный вокзал», находящиеся в родо-видовых отношениях. Идентичный вопрос *Как попасть на вокзал?* требует уточнения: *Какой вокзал вас интересует?*, поскольку слово *вокзал* не ассоциируется в сознании русских только с понятием «железнодорожный вокзал».

Иногда слова (сочетания слов) совпадают по своему стержневому компоненту семантики, близки по форме, но представления о тех явлениях, которые названы этими словами, разные. К примеру, *střední škola* — средняя школа. Чехословацкая средняя школа включает в себя лишь четыре класса учебного заведения (напр., гимназии или техникума), в которое можно поступить после окончания восьмилетней основной школы. Сравним два предложения: *Studuji první ročník střední školy* — *Я учусь в первом классе средней школы*. На первый взгляд, данные предложения абсолютно эквивалентны. Однако эта «эквивалентность» у носителя чешского языка вызывает одни ассоциации (возможно, «первый класс гимназии»), а у носителя русского — другие («первый класс начальной школы»). Знания внеязыковых различий в реалиях, названных этими предложениями, помогают верно соотнести указанные высказывания как по форме, так и по содержанию.

Довольно часто возникают недоразумения в общении русских и чехов, когда речь идет об этажах. Объясняется это тем, что, к примеру, сочетаниями *první poschodí* — *первый этаж* называются разные денотаты: *první poschodí* для чеха то же, что *второй этаж* для русского. Таким образом, для адекватного восприятия реалий, названных этими сочетаниями, необходимо учитывать, что в Чехо-Словакии любой порядковый номер этажа на единицу меньше по сравнению с нумерацией этажей в Советском Союзе. Причем первый этаж в ЧСФР имеет специальное название — *přízemí*.

Говорят, когда в послевоенные годы начали расширяться контакты между нашими странами, была достигнута договоренность о встрече студентов-старшекурсников. В первый же день встречи выяснилось, что в Чехо-Словакии ожидали приезда советских старшеклассников, а не студентов высших учебных заведений. «Виновником» этого оказались слова *student* — *студент*: в чешском языке словом *student* называют и учащихся средних школ.

Национальную специфику языка обуславливают во многом реалии повседневной жизни. Так, в продовольственных магазинах Чехо-Словакии сосиски продаются поштучно. Покупатель просит, как правило, *dva* или *tři párky* т. е. четыре или шесть сосисок. Данный узус объясняется довольно просто: нет необходимости покупать два или три килограмма сосисок впрок, если в любое время и в любом продовольственном магазине достаточно купить их столько, сколько человеку необходимо в данный момент.

Знание речевого этикета — необходимое условие владения иностранным языком. Если к каждому взрослому русскому человеку можно обратиться по имени-отчеству, то по отношению к чехам такое обращение просто невозможно. В таких случаях чехи иногда используют слово *soudruh* (товарищ): *soudruhu řediteli* (товарищ директор), *soudruhu profesore* (товарищ профессор), *soudružko učitelko* (товарищ учительница). Как видим, несмотря на лексическую эквивалентность слов *soudruh* — *товарищ*, они имеют функциональные различия. (В связи с недавними изменениями в общественно-политической жизни ЧСФР слово *soudruhu*

в качестве обращения стало менее частотным, что также можно отнести к национальным особенностям языка).

Национальную специфику имеет не только вербальный язык. Общаясь между собой, люди довольно часто используют соматический язык — жестикулируют. По тому, как они это делают, иногда можно определить их национальную принадлежность, даже если тот или иной человек, используя иностранный язык, говорит очень чисто. Вспомним, как качает головой болгарин, подтверждая или отрицая что-либо, и как это делает русский или чех. Или такая ситуация. Перечисляя что-то и говоря при этом *во-первых, во-вторых, в-третьих...*, люди иногда сопровождают такое перечисление на пальцах. В отличие от русских чехи это делают по-другому. С помощью указательного пальца (*ukazováčku*) левой (или правой) руки (или без него) они разгибают сложенные в кулак пальцы правой (или левой) руки, начиная с большого пальца (*palce*). Русские же загибают пальцы, начиная с мизинца (*malíčku*).

Выше были рассмотрены лишь некоторые примеры, актуальные для лингвострановедческого аспекта обучения чешскому языку. Однако и они в достаточной мере свидетельствуют о том, что данному аспекту обучения необходимо уделять должное внимание.

В. Г. БУДАЙ

**СООТНЕСЕННОСТЬ ПАРАДИГМЫ
ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА
С МОДЕЛЯМИ АЛГОРИТМА СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ
В НАСТОЯЩЕМ (ПРОСТОМ БУДУЩЕМ) ВРЕМЕНИ**

При изучении русского языка иностранцами словоизменение русских глаголов по лицам в настоящем времени для глаголов несовершенного вида и в простом будущем для глаголов совершенного вида представляет определенные трудности.

Специалисты в области русского языка как иностранного, методисты неоднократно пытались классифицировать русские глаголы, описать существующие классификации применительно к проблемам обучения, прийти на помощь как студентам, так и преподавателям ¹.

Традиционное деление глаголов на классы и группы в зависимости от внешнего вида основы инфинитива (основа на *-а-*, *-е-* или *-и-*) и по некоторым другим признакам (наличие в инфинитиве корней *-ста-* и *-де-*, особенности образования форм прошедшего времени и т. п.) не всегда оправдано при использовании словоформ глаголов на практике, особенно при изучении русского языка как иностранного. Например, глаголы *читать*, *уметь* отнесены к разным продуктивным классам, глагол *дуть* — к одной из непродуктивных групп, глаголы *говорить* и *любить* объединены в одном продуктивном классе, а глаголы *ходить*, *слышать* и *сидеть* отнесены соответственно к продуктивному классу и двум непродуктивным группам ².

На практике студента-иностранца интересуют прежде всего те изменения, которые происходят в формах настоящего (простого будущего) времени по сравнению с формой инфинитива, так как в подавляющем большинстве случаев именно с изучения настоящего времени начинается знакомство с русским глаголом. Прошедшее же время глагола, категории залога и наклонения, причастие и деепричастие изучаются как самостоятельные грамматические темы с определенными интервалами на более позднем этапе обучения, и классифицировать глаголы с учетом особенностей словоизменения, скажем, прошедшего времени нецелесообразно, тем более, что 98 % русских глаголов образуют формы прошедшего времени по правилу, которое не вызывает особых затруднений у учащихся в процессе усвоения.

Поэтому, на наш взгляд, логичнее, и это уже нашло свое отражение в учебно-методической литературе³, объединить глаголы *читать, уметь, дуть* в одну модель словоизменения, глаголы *говорить, слышать* — в другую, а глаголы *любить, ходить, сидеть* — в третью, поскольку изменения, происходящие в каждой из групп глаголов, идентичны.

В основу такого объединения глаголов может быть положен выведенный нами в результате практической работы в группах иностранных учащихся алгоритм словоизменения русских глаголов, который в общем виде можно представить в виде табл. 1.

Таблица 1

Алгоритм словоизменения глагола в общем виде

Изменение по сравнению с инфинитивом	Отсечение —	Нарращение +	Чередование Z	Нарращение +
--------------------------------------	----------------	-----------------	------------------	-----------------

По этому алгоритму в зависимости от комбинации из двух, трех или четырех указанных в алгоритме изменений в формах настоящего (простого будущего) времени по сравнению с формой инфинитива глаголы распределяются по 11 моделям: I — **ЧИТАТЬ** (12187 глаголов⁴), II — **ЖДАТЬ** (1780), III — **ДАВАТЬ** (95), IV — **РИСОВАТЬ** (2850), V — **ПИСАТЬ** (838), VI — **РАСТИ** (478), VII — **ЗВАТЬ** (541), VIII — **ЖИТЬ** (202), IX — **МОЧЬ** (307), X — **ГОВОРЯТЬ** (3929), XI — **ВИДЕТЬ** (3576 глаголов). Особенности каждой модели описаны нами ранее⁵. Систему словоизменения глаголов по моделям можно представить в виде табл. 2.

В дополнение к опубликованному нам хотелось бы несколько подробнее остановиться на ударении в формах настоящего (простого будущего) времени глаголов. Раньше речь шла о трех типах ударения: А — ударение сохраняется на том же слоге, что в инфинитиве, В — ударение падает на личные окончания, С — в форме 1 лица единственного числа ударение падает на личное окончание, а затем сдвигается на один слог влево на основу. (Кстати, по вине редакции журнала «Русский язык за рубежом» необоснованно была дана ссылка на работу Федяниной Н. А. «Ударение в современном русском языке». Три типа ударения в глаголах настоящего (простого будущего) времени автор рассматривал еще в 1970 г.⁶, о чем своевременно поставил редакцию в известность). Теперь на основе исследования 26800 глаголов появилась возможность установить, какой тип ударения наиболее характерен для глаголов, изменяющихся по каждой из 11 моделей.

Так, глаголы I модели (**ЧИТАТЬ**) имеют тип ударения А, кроме глагола *гнить* и производных от него, которые имеют тип ударения «В».

Глаголы, изменяющиеся по II модели (**ЖДАТЬ**), могут иметь все три типа ударения: А — 891 глагол, В — 754, С — 135.

Все глаголы III модели (**ДАВАТЬ**) имеют тип ударения В.

Глаголы IV модели (**РИСОВАТЬ**) имеют преимущественно тип ударения А (2779 глаголов) и лишь некоторые из них (71) — тип ударения В.

Глаголам V модели (**ПИСАТЬ**) также свойственны все три типа ударения с преобладанием типа С (557 глаголов), А — 246, В — 35.

Глаголы VI модели (**РАСТИ**) имеют преимущественно тип ударения В (410 глаголов) и некоторые из них (68) имеют тип ударения А.

Глаголы VII модели (**ЗВАТЬ**) имеют все три типа ударения с преобладанием типа В (341 глагол).

Для глаголов VIII модели (**ЖИТЬ**) характерны два типа ударения: В — 131 и А — 71 глагол.

Глаголы IX модели (**МОЧЬ**) имеют все три типа ударения с преобладанием типа В (269 глаголов).

Изменения в формах настоящего (простого будущего) времени

№ мо- дели	Инфинитив	—			+		Z				+
		показа- тель ин- финитива	показатель инфинитива+ гласная	показатель инфинитива+ суффикс	глас- ная	согласная	согласные			гласные	личные окончания
							во всех лицах	кроме I ед. ч. и III мн. ч.	только в I л. ед. ч.		
I	ЧИТАТЬ	-ть									I спр. (-е)
II	ЖДАТЬ		гласн. + -ть								I спр. (-е)
III	ДАВАТЬ			-ва + -ть							I спр. (-е)
IV	РИСОВАТЬ			-ова } -ева } + -ть	-у- -ю-						I спр. (-е)
V	ПИСАТЬ		гласн. + -ть				с/ш, т/ч, т/щ, к/ч, б/бл, п/пл, м/мл, з/ж, х/д, д/ж, х/ш, ск/щ, ст/щ, н/м, н/йм, г/ж, сл/шл				I спр. (-е)
VI	РАСТИ	-ти -ть					*с/д, с/ст, с/т, с/б, с/н, й/д, й/йд,				I спр. (-е)

№ модели	Инфинитив	—			+		з				+
		показатель инфинитива	показатель инфинитива + гласная	показатель инфинитива + суффикс	гласная	согласная	согласные			гласные	личные окончания
							во всех лицах	кроме I ед. ч. и III мн. ч.	только в I л. ед. ч.		
VII	ЗВАТЬ	-ть	**гласн. + -ть							—/о, и/ь, и/е, е/о, ы/о, о/е, е/—, —/е	I спр. (-е)
VIII	ЖИТЬ	-ть	**гласн. + -ть			-в- -н- -м-					I спр. (-е)
XI	МОЧЬ	-чь	**гласн. + -чь			-г- -к-		г/ж к/ч			I спр. (-е)
X	ГОВОРИТЬ		гласн. + -ть								II спр. (-и)
XI	ВИДЕТЬ		гласн. + -ть						д/ж, з/ж, с/ш, т/ч, т/щ, ст/щ, б/бл, п/пл, в/вл, м/мл, ф/фл		II спр. (-и)

* Для некоторых глаголов явление не характерно.

** Явление характерно для некоторых глаголов

Для глаголов X модели (**ГОВОРИТЬ**) в равной степени характерны типы ударения А (1698) и В (1560) и в меньшей степени тип С (671 глагол).

Глаголы XI модели (**ВИДЕТЬ**) имеют все три типа ударения: А — 1189, В — 1255, С — 1132 глагола.

Исключение составляют такие глаголы, как *хотеть*, *дать*, *есть*, которые имеют смешанное ударение: *хотеть* — С (в единственном числе) и В (во множественном), *дать* и *есть* — А (в единственном) и В (во множественном).

Предлагаемая классификация позволяет закодировать практически любой глагол, кроме исключений, к которым следует отнести такие глаголы и производные от них, как *хотеть*, *быть*, *дать*, *есть*, *бежать*, *взять*, *снять*. Например: *думать* — I-А, *бороться* II-С, *пить* — VII-В, *стать* — VIII-А, *печь* — IX-В, *смотреть* — X-С, *висеть* — XI-В, *переводить* — XI-С.

Использование предложенной системы словоизменений глаголов по моделям позволяет задать студенту полную систему ориентиров и правил порождения глагольных форм, что, несомненно, облегчит процесс изучения русских глаголов. Кроме того, «логическая систематизация порознь усвоенных фактов... служит лучшему сохранению их в памяти, помогает восстановлению навыка, способствует более глубокому пониманию грамматических форм. Такие этапы особенно важны для взрослых учащихся, у которых развито логическое мышление, нуждающееся в обобщении при накоплении информации»⁷.

Иностранные учащиеся, усвоившие систему моделей алгоритма словоизменения глагола в настоящем (простом будущем) времени, легко справляются затем с особенностями словоизменения в прошедшем времени, так как иррегулярные формы прошедшего времени характерны лишь для некоторых моделей.

От глаголов, изменяющихся по моделям I, III, IV, V, VIII, X и XI, формы прошедшего времени образуются по общему правилу, т. е. от основы инфинитива при помощи суффикса -л- и показателей рода и числа (-ла, -ло, -ли).

Глаголы II модели в большинстве своем тоже образуют формы прошедшего времени по общему правилу. Исключение составляют лишь некоторые глаголы на -ну-, у которых в форме прошедшего времени мужского рода отсутствуют -ну- и суффикс -л-. Например: *тянуть* — *тянул*, -ла, -ло, -ли; *свернуть* — *вернул*, -ла, -ло, -ли, но *проникнуть* — *проник*, -ла, -ло, -ли; *мерзнуть* — *мерз*, -ла, -ло, -ли; *исчезнуть* — *исчез*, -ла, -ло, -ли.

От глаголов, изменяющихся по VI модели, как правило, формы прошедшего времени составляют исключение и могут образовываться:

а) от основы инфинитива без суффикса -л- в мужском роде (*везти* — *вез*, -ла, -ло, -ли; *нести* — *нес*, -ла, -ло, -ли; *грызть* — *грыз*, -ла, -ло, -ли);

б) от основы инфинитива с выпадением согласного основы и прибавлением суффикса -л- (*вести* — *вел*, -ла, -ло, -ли; *цвести* — *цвел*, -ла, -ло, -ли; *мести* — *мел*, -ла, -ло, -ли; *попасть* — *попал*, -ла, -ло, -ли);

в) от основы настоящего времени без суффикса -л- в мужском роде (*гребти* — *гребу* — *греб*, -ла, -ло, -ли);

г) от другой основы (*идти* — *шел*, *шла*, *шло*, *шли*).

Среди глаголов, изменяющихся по VII модели, лишь те, в которых наблюдается чередование гласных -е/-, образуют прошедшее время не по общему правилу: от основы инфинитива без суффикса -л- в мужском роде (*тереть* — (*тру*) — *тер*, -ла, -ло, -ли; *выпереть* — (*выпру*) — *выпер*, -ла, -ло, -ли; *умереть* — (*умру*) — *умер*, -ла, -ло, -ли).

Наконец, глаголы IX модели образуют прошедшее время от основы настоящего времени без суффикса -л- в мужском роде (*мочь* — *могу* — *мог*, -ла, -ло, -ли; *печь* — *пеку* — *пек*, -ла, -ло, -ли).

Запомним, что лишь некоторые из моделей имеют исключения в образовании форм прошедшего времени, иностранные учащиеся смогут более эффективно пользоваться этими формами в практике речи.

Определенные закономерности прослеживаются и в парадигмах причастий, деепричастий и императива в соотношении с моделями алгоритма словозменения глаголов в настоящем (простом будущем) времени, что в свою очередь упрощает усвоение иностранными учащимися учебного материала по этим грамматическим темам.

¹ См.: Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 1990. С. 288 и далее.

² См.: Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова и др. Фонетика и морфология. М., 1960. Т. 1. С. 531 и далее.

³ Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970. С. 404 и далее.

⁴ См.: Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

⁵ См.: Будаï В. Г. Алгоритм словозменения глаголов русского языка в настоящем (простом будущем) времени // Русский язык за рубежом. 1986. № 4. С. 73 и далее.

⁶ См.: B u d a i V. G. Russian Verb Conjugation Types // Russian Language Monthly. New Delhi, 1970. № 41. P. 29; № 42. P. 23, 35.

⁷ См.: Костомаров В. Г., Митрофанова О. Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. М., 1976. С. 17.

Нашы юбіляры

ПАВЕЛ ІВАНАВІЧ ТКАЧОЎ

Споўнілася 60 год з дня нараджэння члена рэдкалегіі нашага часопіса, заслужанага работніка вышэйшай школы БССР, загадчыка кафедры рускай класічнай літаратуры, доктара філалагічных навук, прафесара Паўла Іванавіча Ткачо́ва.

Пасля заканчэння аддзялення журналістыкі філалагічнага факультэта Белдзяржуніверсітэта імя У. І. Леніна ў 1955 г. ён працаваў у газетах «Зорька» і «Піянер Беларусі». З 1964 па 1967 г. вучыўся ў аспірантуры пры кафедры рускай літаратуры, затым працаваў старшым выкладчыкам, выконваючы абавязкі загадчыка гэтай жа кафедры. У 1970 г. абраны загадчыкам кафедры рускай класічнай літаратуры, якую ўзначальвае і сёння.

На працягу многіх год П. І. Ткачоў чытае студэнтам-філолагам БДУ курс рускай класічнай літаратуры, спецкурсы па актуальных праблемах тэорыі літаратуры. Як пісьменнік П. І. Ткачоў з'яўляецца аўтарам звыш 20 мастацкіх кніг, якія з прыхільнасцю прыняты беларускім і ўсесаюзным чытачом. Многія творы яго перакладзены на мовы народаў Еўропы і Азіі — англійскую, нямецкую, іспанскую, польскую, персідскую, а таксама на мовы народаў СССР.

Мастацкае бачанне і гістарычная дакладнасць, спалучаныя ў адзінае цэлае і памножаныя на сакавітую бытавую дэталі, нарадзілі моцны спляў вобраза і думкі. Гэтым перш за ўсё вызначаецца стыль апавесцей і апавяданняў, што склалі аднатомнік выбраных твораў «Час світальнай зоркі».

Як навукоўца П. І. Ткачоў унёс значны ўклад у развіццё тэарэтычных праблем рускай літаратуры. Ён выдаў шэсць манаграфій, сярод якіх важнейшымі з'яўляюцца «Вечны бой: Памфлетное наследие Ярослава Галана и традиции Горького» (1970), «Иду на «Вы»: Заметки о памфлете» (1975), «Границы жанра» (1977), «Сатиры злой звенящая струна: Природа смеха в памфлете» (1980), «Силуэты» (1983); надрукаваў звыш 200 артыкулаў, эсе па праблемах літаратуры і публіцыстыкі; стварыў некалькі вучэбна-метадычных дапаможнікаў для студэнтаў і школьнікаў; напісаў прадмовы і каментарыі да кніг І. А. Крылова, М. А. Някрасава, Л. М. Талстога, М. А. Дабралюбава, А. А. Блока, П. П. Бажова, М. С. Шагінян, Ч. Айтматова і інш.

Павел Іванавіч Ткачоў — член Саюза пісьменнікаў і Саюза журналістаў СССР. Ён узнагароджаны двума медалямі, Граматай, Ганаровай граматай Вярхоўнага Савета БССР, Граматамі Міністэрства народнай асветы БССР, ЦК ВЛКСМ, яму прысвоена званне «Выдатнік вышэйшай адукацыі СССР»; з'яўляецца намеснікам старшыні рэдакцыйна-выдавецкага Савета выдавецтва «Юнацтва», членам рэдкалегій часопісаў «Веснік БДУ», «Бярозка», членам рэвізійнай камісіі СП БССР.

Прынцыповы і адначасова спагадлівы чалавек, Павел Іванавіч карыстаецца заслужаным аўтарытэтам у шматлікім калектыве філалагічнага факультэта, Белдзяржуніверсітэта, творчай інтэлігенцыі рэспублікі. Пажодаем юбіляру моцнага здароўя, асабістага шчасця, далейшых творчых поспехаў.

У. М. Лазоўскі

Рэцэнзіі

Булыка А. М., Жураўскі А. І., Свяжынскі У. М. **Мова выданняў Францыска Скарыны**. Мінск: Навука і тэхніка, 1990. 253 с.

Пяцісотгадовыя ўгодкі Францыска Скарыны, якія ўрачыста адзначаліся ва ўсім свеце па лініі ЮНЕСКА, прыкметна ажывілі цікавасць да старадрукаванай спадчыны беларускага і ўсходнеславянскага першадрукара і асветніка. Навуковыя канферэнцыі і чытанні, Свята славянскай пісьменнасці ў Мінску і Полацку, дзесяткі артыкулаў, перавыданні арыгінальных твораў Скарыны і ўсіх кніг яго Бібліі, энцыклапедычны даведнік на беларускай і рускай мовах...— усё гэта сапраўды бяспрэчна ўклад не толькі ў сучасную беларусістыку, але і ў сусветную скарбонку культуры і навукі.

Грунтоўнай навуковай працай азнаменавалі юбілейную дату і супрацоўнікі Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа АН БССР А. М. Булыка, А. І. Жураўскі і У. М. Свяжынскі, якія ўпершыню ў скарыназнаўстве зрабілі спробу выявіць і паказаць суадносіны разнамоўных марфалагічных і лексічных стыхій у мове перакладных выданняў Скарыны. У адрозненне ад папярэдніх мовазнаўчых прац па Скарыне, у кнізе аналізуецца сукупнасць усіх моўных фактаў, якія ў той ці іншай ступені адлюстраваліся ў скарынінскіх выданнях. Пры гэтым асноўная ўвага звернута на супастаўленне гэтых фактаў з чэшскай Бібліяй выдання 1506 г., якая служыла асноўнай крыніцай для кніг «Біблія руска» Скарыны.

Для характарыстыкі сутнасці рэфарматарскіх традыцый Скарыны ў справе «вырозумення» кніг свяшчэннага пісання істотнае значэнне мае арфаграфічная сістэма выданняў першадрукара. Як адзначае А. М. Булыка, «нягледзячы на сваю царкоўнаславянскую аснову, яна падпарадкоўваецца шмат у чым заканамернасцям, характэрным для старабеларускіх рукапісаў, і, пераймаючы прыёмы апошніх, хоць і непаслядоўна, але прыкметна адступае ад старажытных традыцыйных норм у

бок фанетызацыі пад уздзеяннем жывога беларускага маўлення». Парушэнне царкоўнаславянскай арфаграфічнай стабільнасці на прыкладзе дублетных графем (*е — ъ, і — и, о — ѡ, ou — у — ѹ, з — s і інш.*), пераход гука [y] ў [ÿ], пераход *в* у *ѡ*, даволі частае ўжыванне прыстаўнога гукі *і* і некаторыя менш паслядоўныя і колькасна малалікія фанетыка-арфаграфічныя з'явы сведчаць аб даволі прыкметным уплыве беларускамоўнай стыхіі на перакладчыка, які хоць і імкнуўся захаваць старажытнарускія і царкоўнаславянскія правапісныя традыцыі, але ўсё ж не мог не перадаць тое сваё, роднае, атрыманае на Полаччыне, што пазней набудзе шырокае распаўсюджанне ў старабеларускай пісьменнасці.

Параўнальны аналіз марфалагічных форм у мове выданняў Скарыны засведчыў як арыентацыю перакладчыка на традыцыйныя моўныя сродкі, так і выяўляе шматлікія выпадкі прамого наследвання (супадзення) з аналагічнымі формамі чэшскай Бібліі, большасць з якіх блізкая або ідэнтычная адпаведным формам беларускай мовы эпохі Скарыны. Так, заўважаецца тэндэнцыя да замацавання старога ці новага канчатака назоўнікаў мужчынскага роду роднага склону за словамі пэўных граматычных катэгорый і семантычных груп. Традыцыйны канчатак *-а/-я* захоўваецца пераважна назоўнікі адушаўленыя (Данііла, Павла, пророка, царя), геаграфічныя назвы (вавилон, полоцька), канкрэтныя назоўнікі, якія паддаюцца лічэнню (града, покоя, потока). Новы канчатак *-у/-ю* характэрны назоўнікам рэчывым (квасу, праху, ячменю), назвам з'яў псіхічнай дзейнасці чалавека (гневу, смутку, сорому), аддзяслоўным назоўнікам тыпу *взсходу, заходу, лову, умыслу*, а таксама назвам розных адцягненых паняццяў — *гуку, крыку, свару, суду, труду*. Канчатак *-у/-ю* характэрны і адушаўлёным назоўнікам са зборным значэннем (роду, скоту, народу). Зразумела, што ў перыяд выпрацоўкі і засваення новых марфалагічных форм строгай устойлівасці апошніх быць

не магло, паколькі працэс размежавання функцый старога, традыцыйнага і новага ў мове выданняў першадрукара толькі пачынаўся. Адсюль і пматлікія выпадкі варыянтнасці форм, апазіцыйныя ўтварэнні тыпу шатра — шатру, египта — египту і да т. п.

Істотнымі аргументамі ў карысць меркавання аб царкоўнаславянскай моўнай аснове выданняў беларускага асветніка з'яўляецца наяўнасць іменных форм назоўнага і вінавальнага склонаў адносных прыметнікаў, формы парнага ліку назоўнікаў і прыметнікаў (асабліва іменных), разнастайныя варыянты аорыста, імперфекта. Разам з тым, ніводная з гэтых і іншых форм не засталася без змен, адлюстраваны тым самым царкоўнаславянска-беларускі сінкрэтызм мовы выданняў Скарыны.

Для разумення моўнай асновы кніг Бібліі беларускага і ўсходнеславянскага першадрукара важнае значэнне мае лексічны склад. Як адзначае А. М. Булыка, генетычную аснову слоўніка Скарыны фарміруюць спрадвечна беларуская, царкоўнаславянская і запазычаная лексіка. Асаблівую ролю пры гэтым адыграла спрадвечна беларуская лексіка, якая ў большасці выпадкаў працягвала традыцыі старажытнарускай мовы, цэнтральнае ядро якой складалі словы перыяду праславянскай этнічнай агульнасці. Сярод слоў праславянскага паходжання самы буйны і семантычна разнастайны разрад утвараюць назоўнікі, якія характарызуюць навакольную рэчаіснасць, розныя бакі чалавечай дзейнасці і сацыяльных узаемаадносін (вода, градзь, тма, зоря, зубр, вымя, жила, внук, тэст, ведро, клеши, обруч, стреха, попел і інш.). Гэтыя і іншыя словы ўяўляюць самы старажытны пласт скарынінскай лексікі.

Другі пласт спрадвечнай беларускай лексікі складаюць адзінкі старажытнарускага паходжання, якія ўтвараліся на базе праславянскіх каранёў пры дапамозе пэўных словаўтваральных сродкаў (конник, служебник, чужоцемец, братаніч, челядін, наложница, прабаба і інш.).

Значную цікавасць уяўляе ўласнабеларуская лексіка, куды ўваходзяць словы агульнаславянскага і старажытнарускага паходжання, «якія ў старажытнасці мелі вузкі арэал распаўсюджвання, абмежаваны пераважна будучай беларускай тэрыторыяй і захаваліся ў спецыфічна беларускім фанетычным афармленні». Гэта такія словы, як вежа, вышнін, куделя, лытка, помста, дробный, смутный, лаяти, утекати, досыць, лепей і інш. Аднак найбольш істотную колькасную частку ва ўласнабеларускім лексічным укладзе ў скарынінскі слоўнік, як паказваюць назіранні, утвараюць словы, што ўзніклі «ў працэсе развіцця лексічнай сістэмы старабеларускай мовы» або былі ўтвораны самім першадрукаром «на базе слоўнага матэрыялу праславянскага і старажытнарускага паходжання пры дапамозе ўласцівых для перыяду функцыяніравання мовы беларускай народнасці словаўтваральных сродкаў — суфіксаў, прыставак і інш.».

Глыбокаму разуменню моўнай асновы скарынінскіх старадрукаў садзейнічаюць статыстычныя падлікі, праведзеныя аўтарамі як у дачыненні да асобных марфалагічных форм і катэгорый, так і ў цэлым да беларускіх канфесіянальных твораў XV—XVI стст. (гл. на с. 220). Падлікі паказваюць, што «ніводная з вывучаных кніг Скарыны практычна не змяшчае менш чым 50 % царкоўнаславянстваў і ў ніводнай з іх працэнт беларусізмаў не дасягае 50». Такім чынам, робяць вывад аўтары даследавання, кнігі Скарыны нельга лічыць перакладамі на беларускую мову, паколькі царкоўнаславянская моўная аснова іх выступае дастаткова адчувальна і выразна.

Напісанне на багацейшым фактычным матэрыяле, асновай якога паслужылі арыгіналы пражскіх кніг Бібліі, з улікам дадзеных «Астрожскай бібліі» 1581 г. і чэшскай Бібліі 1506 с., скрупулёзна выверанае і навукова абгрунтаванае, манаграфічнае даследаванне А. М. Булыкі, А. І. Жураўскага і У. М. Свяжынскага «Мова выданняў Францыска Скарыны» з'яўляецца важкім укладам у айчынную скарыніну, дазваляе вызначыць адметнае месца і выключную ролю беларускага і ўсходнеславянскага першадрукара і асветніка ў працэсе станаўлення і развіцця старабеларускай пісьменнасці, падводзіць своеасаблівую рысу пад пытаннем аб моўнай аснове скарынінскіх старадрукаў пражскага перыяду.

М. Р. Прыгодзіч.

Францыск Скарына. Творы / Уступ. арт., падрыхтоўка тэкстаў, каментарый, слоўнік А. Ф. Коршунава. Мн.: Навука і тэхніка, 1990. 207 с.

Францыск Скарына не пакінуў якіх-небудзь спецыяльных прац па гісторыі, філасофіі, лінгвістыцы, праву, этыцы, эстэтыцы, бібліястыцы і г. д. Між тым у гісторыі нацыянальнай культуры ён лічыцца пачынальнікам многіх галін навукі, — свае погляды вялікі ўсходнеславянскі асветнік сфармуляваў у прадмовах і пасляслоўях да выдадзеных ім кніг Бібліі. Прадмоўна-пасляслоўны комплекс Францыска Скарыны па няпоўных дадзеных налічвае 22 прадмовы і 25 сказанняў, тры вершы, два гімны, пасхалію і больш за 60 пасляслоўяў-калафонаў. Упершыню найбольш поўны звод тэкстаў Ф. Скарыны быў апублікаваны ў 1969 г. А. Ф. Коршунавым і М. І. Прашковічам. Прайшло больш за дваццаць гадоў, і да 500-гадовага юбілею Ф. Скарыны з'явілася новае выданне твораў усходнеславянскага першадрукара.

Кожнае новае навуковае выданне тэкстаў — своеасаблівы вынік працы не толькі тэкстолагаў, але ўвогуле ўсіх даследчыкаў — скарыназнаўцаў, мера, якая вызначае ступень інтэлектуалізацыі пэўнага пакалення ці некалькіх пакаленняў вучоных. Нагадаем пра тое, што ў нашай рэспубліцы адсутнічае аддзел, сектар, група навукоўцаў, якія непасрэдна і пастаянна займаліся б вывучэннем, класі-

фікацыяй, збіраннем творчай спадчыны першадрукара. Даследаванні ж прад'юбейнага плану, нават калі на яго выкананне кінуты лепшыя навуковыя сілы, зразумела, не могуць запоўніць тую навуковую лакуну, што дагэтуль пануе ў скарыназнаўстве. Вось чаму не даследавана пэтыка прадмоў і пасляслоўяў Ф. Скарыны, іх тыпалогія, не вывучаны крыніцы запазычання і праблема тонікі.

У пачатку 80-х гадоў В. І. Дарашкевічам была «прабіта» для Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы АН БССР група лаціністаў, якая непасрэдна займалася б тэксталагічным вывучэннем спадчыны Ф. Скарыны. Надалей меркавалася, што пойдзе фронтальнае вывучэнне фондаў архіваў і буйнейшых кнігасховішчаў Заходняй Еўропы, дзе маглі б захоўвацца матэрыялы, звязаныя са Скарынам і іншымі дзеячамі Старажытнай Беларусі.

Зборнік тэкстаў Францыска Скарыны, падрыхтаваны А. Ф. Коршунавым, найлепшым чынам адлюстравваў стан нашага скарыназнаўства. Што датычыцца колькаснага складу твораў, то ў параўнанні з выданнем 1969 г. ён дапоўнены поўным тэкстам пасхаліі, што была выяўлена А. Надсанам у Каралеўскай бібліятэцы Каленгагена ў складзе «Малой падарожнай кніжкі», пашыраным варыянтам пасляслоўя да «Апостала» з экземпляра Дзяржаўнага гістарычнага музея ў Маскве, двума акафістамі з акавершамі.

У якасных адносінах новы зборнік адрозніваецца ад папярэдняга выдання тым, што мае каментарыі (каменціруюцца імёны, што сустракаюцца ў тэкстах, і геаграфічныя назвы) і паказальнікі імёнаў і геаграфічных назваў, а таксама кароткі слоўнік. Адзначым, што імёна-геаграфічныя каментарыі займаюць значную частку зборніка, і сам іх пералік — ужо лепшае сведчанне шырокага кругагляду нашага славутага земляка. Разам з тым, перагружаныя інфармацыяй, якая прама не датычыцца тэкстаў Францыска Скарыны, гэтыя каментарыі нагадваюць адпаведныя энцыклапедычныя артыкулы. Такі тып каменціравання быў бы апраўданым, калі б тут змяшчаліся звесткі, тлумачэнні асобных мясцін тэкстаў, словазлучэнняў, указаны крыніцы запазычання і г. д. Вось чаму, на маю думку, каментарыі ў дадзеным зборніку не выканалі той функцыі, якая ім звычайна адводзіцца.

У беларускай медыявістыцы дагэтуль не выпрацаваны прыкладныя правілы транслітэрацыі старажытных тэкстаў. Таму пры кожнай новай публікацыі тэкстаў складальнік павінен рабіць заўвагі наконт сваіх прыпынкаў выдання. У параўнанні з выданнем 1969 г. і публікацыяй тэкстаў у Скарынаўскай энцыклапедыі, у апошнім зборніку значна менш недакладнасцей тэксталагічнага плану. Між тым і ў новым выданні часам сустракаецца «умешванне» у аўтарскі тэкст заўваг, (накшталт «римлян», с. 107), тым больш, што ў дадзеным выпадку тэкст не патрабуе падобнага ўдакладнення: назва кнігі ўказвае на адрасата пасланія апостала Паўла.

Думаецца, што новы этап даследавання творчай спадчыны Францыска Скары-

ны, дазволіць даць адказы на складаныя пытанні літаратуразнаўча-тэксталагічнага плану, якія былі нявырашаныя ды і не ставіліся перад вучонымі-медыявістамі гэтага этапу вывучэння.

У. Г. Кароткі.

В созвучии со временем. Пресса: опыт, проблемы, заботы дня / Сост. Г. Л. Напеев. Минск: Беларусь, 1989. 159 с.

Пять лет перестроечных процессов убедительно показали: средствам массовой информации в нашей стране отводится особая роль. В успешном продвижении перестройки, в пропаганде ее целей, средств и способов их достижения газетам и журналам, телевидению и радиовещанию отведены ведущие позиции. На декабрьском (1989) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что Политбюро и Центральный Комитет партии позитивно оценивают вклад, который внесли и вносят средства массовой информации в разрывание революционных преобразований в стране.

Подготовка и издание сборника «В созвучии со временем. Пресса: опыт, проблемы, заботы дня» представляется своевременным и оперативным. Над статьями, помещенными в сборнике, работали высококвалифицированные профессионалы: преподаватели кафедр журналистики, языков и литературы Минской высшей партийной школы и факультета журналистики Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, партийные работники и сами журналисты. Они, как правило, не выдвигают теоретические, нравоучительные постулаты, а глубоко, аналитически исследуют практическую деятельность средств массовой информации республики.

Бывший заведующий идеологическим отделом Центрального Комитета Компартии Белоруссии, а ныне ректор ИПСП ЦК КПБ С. Е. Павлов в статье «Слово, ведущее к действию» подчеркивает, что сегодня набившие оскомину декларативная помпезность, информационная парадность и рапортования СМИП все больше уступают место проблемному, доверительному разговору, взыскательной оценке достигнутого. И как результат, к средствам информации потянулись трудящиеся. Из года в год растут тиражи «Звезды» и «Советской Белоруссии». Учет общественного мнения позволяет ряду передач республиканского телевидения и радиовещания собирать тысячную аудиторию.

Похвально, что авторы статей не увлекаются перечислением достижений газет, журналов, телевидения и радиовещания. Читатели и слушатели нередко вынуждают сотрудников СМИП искать острые, недавно «закрытые» темы и проблемы, не только ставить их, но и разрешать. Все громче и убедительнее звучит голос трудящихся. И это закономерно, ибо демократизация лежит в самой основе нашей прессы, а теперь она получила широкое признание, раскрепощение.

Аргументированно, убедительно раскрывает пути улучшения научной пропа-

ганды в печати доктор филологических наук, профессор БГУ имени В. И. Ленина Б. В. Стрельцов. Секреты здесь, по его мнению, просты: чтобы вести научную пропаганду, необходимо в каждом случае опираться на теорию, использовать ее высшие достижения. И конечно же, автор, пишущий для газеты или журнала, должен владеть мастерством публициста. К сожалению, справедливо утверждает исследователь, стыковка теории с практикой даже в республиканских изданиях наблюдается далеко не всегда.

Важнейшие условия эффективной деятельности прессы, пути и методы улучшения работы средств массовой информации всех рангов анализируют в своих статьях политологи ИПСП ЦК КПБ Г. Л. Напреев и Э. Р. Мельников, заведующий отделом Гродненского обкома партии В. П. Тарантей, собственный корреспондент газеты «Сельская жизнь» А. А. Гуляев, редакторы «Советской Бе-

лоруссии» и брестской «Зари» З. К. Пригодич и П. П. Сутько, первые секретари Глубокского и Столинского райкомов Компартии Белоруссии В. И. Акуленко, А. И. Бокач, главный редактор редакции информации республиканского радио Л. П. Аноп. Углубление тематики, расширение гласности, повышение действенности выступлений — вот пути для выхода печати, телевидения и радиовещания на новые рубежи.

Вопросов и проблем в сборнике «В созвучии со временем. Пресса: опыт, проблемы, заботы дня» выдвинуто много. Все они остры и актуальны. И если к ним прислушаются в партийных комитетах, чьими органами являются газеты и журналы, в других идеологических учреждениях республики, польза от рецензируемого издания будет большой.

**А. Ф. Мясников,
П. Н. Барановский.**